

Андрей Белянин Михаил Тарбеев Яна Анина Андрей
Варнавский Иван Иванов Маргарита Бобровская
Франтишка Вербенска Анна Шохова Людмила Астахова
Александр Сивинских Дмитрий Мансуров Галина Чёрная
Михаил Бабкин Наталья Татаринцева Христо Поштаков
Не надо, Азриэлла!

[://huge-library.ru/](http://huge-library.ru/)

«Не надо, Азриэлла!»: Альфа-Книга; Москва; 2009

ISBN 978-5-9922-0439-1

Аннотация

Подобно трудолюбивой пчеле, день-деньской собирающей нектар и таскающей его в улей, Андрей Белянин неустанно рыщет в поисках рассказов для своих сборников. Для нас с вами. Чтобы их мёд у нас по усам тёк и в рот попал. И, представьте себе, находит, несмотря на то что малая форма всегда вещь редкая, а потому драгоценная. Вы держите в руках уже пятый сборник, и интересен он тем, что подавляющее большинство его авторов — россияне. С творчеством многих из них читатели хорошо знакомы, но есть и те, кто публикует свои произведения впервые, и дебют их с лёгкой руки составителя сборника удачен. Так что не оскудела земля русская талантами, и хочется вслед за Андреем

воскликнуть: «Виват, Россия! Виват, драгая!»

Андрей Белянин и его друзья НЕ НАДО, АЗРИЭЛЛА!

От составителя

«Виват, Россия! Виват, драгая!» — так и хочется кричать ломоносовскими строчками, подпрыгивая от радости. Перехожу на высокий, старый стиль, потому как иначе и невозможно уже — душа требует. Проснулись, родные мои! Поверили! Сами шлют и сами хотят, и братьев-славян так заметно пододвинули, что те уже смущённо уступают дорогу великодержавной литературе!

Ох, спасибо, братцы! Ох, выручили... А то уже и неудобно как-то было, издаём зарубежных друзей-фантастов, а своя родня в сторонке стоит. Нас в России много, мы и подождать можем, пусть уж гости сначала...

А гости, они активные. Вон поляки от души на конвент к себе всех зазывают, съездите,

посмотрите. Они же соседи наши ближайшие, нация с гонором, честь для них превыше всего! А как поют, какое пиво варят, какие музеи сохранили в Варшаве, Кракове, Вроцлаве да Гданьске — залюбуешься...

Рядом чехи. Тихие, улыбчивые, стараются сразу с тобой по-русски говорить, удивляются, что чешский учишь, и помогают в каждой фразе, не смеются, не фыркают пренебрежительно. Туда не на конвенты ездить надо, а на праздники народные, на рыцарские турниры, конные бои, исторические реконструкции, концерты средневековой музыки. Только так понимаешь тонкую культуру этого удивительного народа...

До Болгарии дальше, а как не поедешь, обида великая на всю жизнь! Свои же братушки, христиане православные, внешне — турки натуральные, а душа широкая, славянская, и песни такие же, вольные, бескрайние, с тоской о русских братьях...

Но гости гостями, а нам здесь жить. Поэтому по установившейся уже традиции (пятый сборник как-никак!) попробую в очередной раз представить вам уже знакомых авторов, а также прошу любить и жаловать имена новые.

А из известных имён, наверное, первым стоит упомянуть Христо Поштакова из далёкой Софии, где он живёт на улице русского генерала Гурко. Недавно у нас вышел его роман «Гаси Америку!», продолжение книги «Меч, магия и челюсти», а сейчас Христо делится с нами новыми рассказами. Он как бы вроде уже и не гость, уже давно свой, и читать его стоит.

Из Чехии откликнулись две подруги, две милейшие женщины Анна Шохова и Франтишка Вербенска. Их сказки и легенды вновь возвращают нас в мир детства. Причём читать такие вещи рекомендуется вслух, всей семьей, выключив свет и зажигая свечи. Романтическая атмосфера чешских городков, яркие характеры, вера и верность редко кого оставляют равнодушным...

Да вот, собственно, с иностранцами и всё. Как я уже говорил вначале, подавляющее большинство авторов этого сборника — россияне. С теми, кто уже публиковался в той же «Альфа-книге», мы уже знакомы. С них и начнём.

Даму пропустим вперёд? Людмила Астахова уже довольно известная писательница, и захваливать её лишний раз бессмысленно. Но я попробую — мне очень понравилась её история Золушки и жёстким реализмом, и мягкой иронией. Всё-таки есть вечные темы, и все мы, по сути, выросли из сказки, значит, туда и вернёмся...

Андрей Варнавский молодой начинающий писатель, чьё творчество вызвало заметную шумиху в фантастической прессе. Не часто один автор умудряется противопоставить себя солидному московскому журналу и выиграть спор подавляющим числом сочувствующих голосов. Его рассказ о драконах, скорее, пародиен, но вы всё прочтёте и оцените сами...

Александр Сивинских тоже из начинающих, но отметить его стоит. Пока даю два рассказа, можно было бы и больше, но лучше оставить на следующий сборник. Малая форма всегда вещь редкая, а потому драгоценная, лучше бы приберечь...

Дмитрия Мансурова, наверное, уже все знают. Автор популярного цикла о Кошечке представляет свой новый рассказ. О чём? Промолчу, не выдав и намёком, дабы не испортить удовольствие читателям. Или всё же намекнуть? Ладно, там всё про ВДОХНОВЕНИЕ...

Наталья Татаринцева вернулась с продолжением историй об Анжелике, штатном психологе нечисти. Всё становится ещё ярче, ещё таинственнее, ещё интереснее. Сейчас она, насколько мне известно, готовит полноценный роман для нашего издательства.

А вот Михаил Бабкин, создатель культового проекта «Слимп», явно не нуждается в похвалах и представлении. Скорее, это я мог бы похвалиться, что теперь у меня куча его рассказов и я буду с удовольствием публиковать их ещё как минимум в двух таких сборниках.

Приступим к именам новым и не очень. Иван Иванов, мой земляк из Астрахани, юрист по профессии и писатель по призванию, дарит свой новый рассказ на профессиональную тему. Оцените...

Его супруга Маргарита Бобровская, известная нам как переводчик с чешского и

польского, впервые показывает своё творчество. Рассказ небольшой, но лиха беда начало...

Михаил Тарбеев из Нижнего Новгорода — актёр, режиссёр, сценарист. Не новичок в литературе, но в нашем издательстве публикуется впервые. Не знаю даже, к чему отнести его рассказ, то ли к научной фантастике, то ли к юмористическому фэнтези? В любом случае сплав получился интересный.

Яна Анина дебютирует с юмористической вещичкой

«Зайка». Чисто женский взгляд на фантастику, а потому читается на одном дыхании и с удовольствием.

Кто там ещё остался? Я и Галина Чёрная? И снова не знаешь, что писать...

Про моего соавтора как раз таки нетрудно. Галя успела сдать лёгкий детектив со всеми фишками, присущими этому жанру. Тут и маленький городок, и коварный преступник, и отважный полицейский, и красавица-журналистка, и... Всё было бы понятно и предсказуемо, если бы не отсутствие людей. Здесь их просто нет. Этот мир населён чертями, горгульями, вампирами, гномами, сатирами и прочей нечистью. А что? Главное, что всегда найдётся благородное сердце, готовое стать на страже закона и порядка!

Еще две истории об «Оборотнях». Оказалось, что писать короткие рассказы о командоре Алексе, смешливой Алине и мордастом коте Профессоре по-прежнему интересно, а любовь читателей к этой суматошной троице не ослабевает. Более того, «Оборотней» охотно переводят в Польше и Чехии...

А вот о себе писать трудно, почти невозможно. Демо-нические записи Абифасдона продолжают множиться. Если так пойдёт и дальше, то напишется целая книга. Кот только страшно немного. Смешно, но и страшно. Всё-таки демоны не игрушка и не повод для шуток...

Ну и ладушки. Пора закругляться. И книги не ждут, и дорога зовёт. А мы все искренне надеемся на ваше читательское внимание и всегда рады новым друзьям. Как и друзьям друзей тоже. До встречи!

Искренне ваш, АНДРЕЙ БЕЛЯНИН

Андрей Белянин

Не надо, Азриэлла!

— Ты не имела права этого делать! — Я нырнул под удар её свищущих когтей слева, слегка дав сдачи в ухо.

Очень слегка, очень... Вы же понимаете, нельзя всерьёз бить любимую жену, да ещё в период её беременности. Даже если ваша жена такой же демон, как и вы...

— Не смей на меня орать, шовинист!

А вот орать как раз таки можно и, более того, даже нужно. Поэтому я продолжу, ибо правда на моей стороне:

— А ты не смей больше сниматься в порнофильмах!

— Это моя работа, тиран!

— Я твоему начальству морду набью за такую работу! Они хоть что-нибудь понимают в специфике труда беременных демонесс?!

Мне удалось успешно уйти от двух маховых ударов ногами, а вот последующий, скользящий, хвостом, справа, я пропустил. Бок обожгло дикой болью! У неё на кончике хвоста шипы вперемешку с иглами дикобраза. Дыхание прервалось минуты на полторы, я безвольно рухнула колени и понял, что всё-таки зря не взял с собой плеть.

— Что я наделала, милый... — Азриэлла бросилась ко мне и помогла встать, нежно обнимая и вылизывая лицо раздвоенным языком.

Сумасшедший дом, других слов нет, я тут просто ши-зею...

Полчаса спустя мы вместе сели на бетонный пол, выпили. У меня в мини-баре всегда

есть кислота, шеф в этом смысле предусмотрительно поддерживает пороки подчинённых. За символическую плату, разумеется...

Моя супруга сочла, что тридцать граммов серной с растворённой оливкой и парой капель выдержанного сивушного масла (исключительно для аромата!) не повредят ни ей, ни будущему ребёнку.

Пили не чокаясь, без тостов. Её почти сразу же стошнило, и, благодарно отдышавшись, она наконец смогла толком объяснить, почему я был неправ. А ситуация действительно складывалась некрасивая...

— Начну с главного, милый: я ним не спала.

— Почему?! — обиженно взвился я. — Чем они вообще заставляют тебя заниматься в этом вашем отделе искушений, если тебе уже и с клиентами спать нельзя? Извращение какое-то...

— Ты будешь слушать или... — Она угрожающе провела коготком по моей голой шее, аккуратно сдирая верхний слой кожи.

Далее рассказываю с её слов, изредка перемежая моими эмоциональными комментариями...

...Она пришла по объявлению. Демоны часто получают задание исходя из случайного телефонного звонка, письма в Интернете, двух-трёх строк в бульварной газетёнке, рекламы на телевидении и оборванной записки на заборе. Всё читается, всё под контролем. «Приглашаются девушки 18–25 лет, без комплексов. Любительское видео. Оплата почасовая. Прописка необязательна». И внизу фломастером, от руки — «НЕ ОРИФ-ЛЕЙМ!».

Как ни верти, по всем показателям наша тема. Азри-элла направили осмотреться, по отчёту её ведомства уже наше будет решать, направлять ли туда своих сотрудников. Я, как обычно, появляюсь в самом конце, когда все мосты сожжены, Рубикон перейдён, а договор о продаже души безбожно просрочен...

Моя жена нажала кнопку звонка. Осторожный мужской голос уточнил, кто там, зачем пришли, и почему-то потребовал показать паспорт в дверной глазок.

— Мне уже больше восемнадцати, но ещё нет двадцати пяти, — кокетливо отозвалась Азриэлла, легко помахивая фальшивым паспортом. А могла бы и настоящим, для нас, демонов, это не проблема.

Дверь отворилась, и толстеющий, лысый молодой человек быстро пропустил её внутрь. Вот лично я бы с этого момента уже перевоплотился в свой истинный облик и начал чинить разборки, забирая грешников в ад и попутно производя все допустимые разрушения. Азриэлла была вынуждена вести себя иначе...

— Э-э-э, проходите, девушка. Присаживайтесь... — Ей указали на краешек большого, потёртого дивана. — Будем знакомы, я Фаддей, ваш режиссёр и аниматор. Э-э-э, разумеется, если мы поймём друг друга...

Ха! Да что здесь, собственно, непонятного?! История стара как мир. Закомплексованный юноша играет в гения и намерен переспать со всеми дурами, которые клонут на его объявление. Благо в такой большой стране всегда найдутся девочки, искренне считающие, что путь на большой экран возможен лишь через секс с режиссёром (гримёром, актёром, продюсером, неважно...), и это тоже в рамках нашей программы по нравственному воспитанию молодёжи...

— Сейчас подойдёт наш... э-э-э... оператор, нам надо вас посмотреть.

— Я готова, — чарующим грудным голосом протянула моя супруга.

— Но вам... э-э-э... понадобится... э-э-э... раздеться, потому что мы не... Оу!

Азриэлла встала и спокойно расстегнула платье, оно шифоновой волной упало к её ногам, а моя демонесса гордо замерла в классическом чёрном белье фирмы «ДИМ».

— Пока так. За всё сокрытое надо платить явным. Молодой человек охренел на корню (иначе не скажешь, и это ещё мягко!) от её сногшибательной фигуры! И, кусая ногти, начал нести какую-то чушь о перспективах побед на конкурсах авторского порно в Лас-Вегасе, сумасшедших гонорах, личной переписке с Тинто Брассом, коротком знакомстве со всеми

ведущими прокатчиками Европы, тремя нефтяными олигархами и Первым каналом российского телевидения, где спят и видят, как бы приобрести картину с её участием, которая буквально взорвёт все экраны страны и ближнего зарубежья! Задница Вельзевулова, как это скучно и предсказуемо...

Разумеется, моя умничка на всё кивает, распахивает ротик, хлопает ресницами, дышит грудью и облизывает пересохшие губки. Так называемый режиссёр несётся на кухню за водкой, ожидаемый оператор, как и следовало ожидать, непонятно где «задерживается», и почему бы не обмыть начало столь блистательной карьеры?

Азриэлла, чуть кокетничая, выпила рюмочку, скорчила рожицу, изобразила кашель и помахала на себя ручками. Профессиональное «разводиловое» клиента, если кто не понял... На самом-то деле эту притвору и литром водки поперхнуться не заставишь, нам, демонам, семидесятидвухградусный алкоголь дают ещё с детского сада, вместо молочка...

— А договор? — нежно напоминает моя жена, когда молодой человек уже пытается влезть к ней в тугой бюстгальтер, дрожа от нетерпения и брызгая слюной. Причём всё молча. Типа, какой договор, какие бумаги, мы же творческие люди, сначала покажи страсть, детка!

— Всего одна подпись. — На этот раз она мастерски переносит его руки со своей груди на горячие бёдра. — У нас иначе нельзя.

— После... у меня... э-э-э... это... уже... типовые кончились... давай... э-э-э... после...

— Сойдёт и обычная расписка, — игриво подмигнула Азриэлла, быстро встала, вытащила из сумочки маленькую розовую ручку и блокнотик с Дональдом Даком (почему-то подобные атрибуты мужчины считают первым признаком недалёкого ума), раскрыла наугад и, положив себе на оголённое колено, потребовала: — Пиши!

— Э-э-э... что писать?! — уже практически извиваясь от вожделения, сипло простонал режиссёр, и она охотно подсказала ему текст.

Догадались какой?! Вот именно. А он не догадался...

Нет, в принципе там ничего ужасающего не было. Ни угроз адского пламени, ни подписей кровью, ни печати Сатанаила, ни прочей средневековой лабуды. Времена изменились, многие вещи упрощаются, так удобнее и нам и людям.

Озабоченный парнишка лишь поклялся своей бессмертной душой, что все его обещания и гарантии — чистая правда! За одно это ему гореть в геенне до скончания века... Ну и ещё (контрольный выстрел!), что душу отдаст за то, чтобы жениться на такой сексапильной красавице. Практически сразу! Сейчас в постель, а утром в загс! Подчёркиваю, он написал именно «жениться», а не что-то иное, более обтекаемое или двусмысленное.

Моя жена удовлетворённо захлопнула блокнотик и расслабилась. Вся операция была завершена менее чем за полчаса, вот такие высокопрофессиональные специалисты работают у нас в отделе искушений.

— Ты заслужил меня, котик, — сбрасывая с плеч бретельки лифчика, страстно мурлыкнула она. — Я вся твоя!

Режиссёр любительского видео едва не потерял сознание от восхищения и похоти. Правда, лучше б он его всё-таки потерял, потому что в это мгновение Азриэлла приняла свой истинный облик...

Перед ним явилась роскошная демонесса, абсолютно голая, с муарово-синей кожей, тремя грудями (шестой размер!), когтистыми руками, извивающимися хвостами, с сияющим от предвкушения крови лицом и пылающими глазами. О, гнездилища адских чресел, да кто бы не влюбился в неё в такую минуту, а?

Только не этот придурок! Он не придумал ничего умнее, как парализоваться...

То есть что-то там вякнул, подавился языком и, хлопнувшись на пол, застыл бревном на бревне. Моя жена раздражённо облизала губы:

— Ну что же ты, мой жеребец? Бери меня!

В ответ — ноль реакции, минус эрекции. А ведь, если вы не забыли, у нас, демонов, оплата договора — священнойнейшая часть соглашения. Мы просто ОБЯЗАНЫ предоставить указанные услуги, иначе вся работа насмарку, договор похерен, никто никому ничего не

должен, какой смысл тратить время и силы, в аду и так не дуёт...

— Я поняла, шалунишка. — Азриэлла с трудом вытянула улыбочку. — Ты хочешь, чтобы госпожа сама тебя оседлала? Ну-ка, где у нас тут что...

Бесполезно. Всё было на месте, но ни при каких условиях не функционировало, паралич так уж паралич. К тому же клиент не в состоянии адекватно оценить весь спектр предлагаемых услуг, а значит, ни мозгом, ни телом, ни душой не зафиксирует исполнение обязательств...

— А ну вставай, подонок! — взревела моя любимая, ибо выходить из себя она умеет лучше всего. — Вставай, или я вырву тебе печень и, отщипывая от неё по кусочку, буду кормить ворон на твоём балконе... Грязный извращенец!

Она даже пнула его раза два-три (четыре, пять, шесть...), но тоже без толку. Оставалось заплакать с досады и звонить руководству, объясняя причины срыва простейшего, по сути, заказа.

Ну и... моя лапочка не придумала ничего умнее, как позвонить на работу мне и вызвать меня. Типа, свою часть она исполнила, полноценное искушение произведено, теперь я могу забрать грешника. Улавливаете суть?

Мой шеф удовлетворённо засучил копытцами, лишний грешник лишним не бывает, и я материализовался в нужной квартире в нужный час. Тратить время на приглашение войти уже не приходилось, внутри и так находится один демон, тем более родная жена. Собственно, из-за этого у нас и произошёл скандал дома, она же меня просто подставила...

— Собирайся, грешник, ибо пробил твой час, истёк срок, и адский пламень будет вечно терзать твою проклятую душу! — привычно начал я, ещё в прихожей принимая свой истинный облик.

Дежурная фраза, но без этих штампов нас люди всерьёз не воспринимают. В Средние века демон, появившийся в обличье человека, внушал куда больший ужас. Сейчас всё проще, можно приходить как есть, без церемоний. Если пригласят войти, разумеется...

— Заходи, дорогой, присаживайся, — гостеприимно улыбнулась Азриэлла, быстро хлопая себя длинным язычком по щёчкам для придания смущённого румянца. — А я тут вот... работаю...

— ЧТО ЭТО?! — Собственно, мне хватило одного взгляда, чтобы понять, но объяснения требовались. Хотя какие-то!

— Это?

— Милая, не делай из меня идиота! Да, ЭТО! Вот это, что оно?! — Я гневно указал изогнутым когтем на безвольное тело парализованного клиента, с пустым взглядом и тонкой струйкой слюны, сбегающей изо рта.

— Это тебе! — лучезарно улыбаясь, кивнула она. — Настоящий грешник. Занимался подпольным изготовлением любительского порно. Ложь, похоть, прелюбодеяние — как минимум. Можно попытаться пришить попытку сбивания невинных душ с пути праведного. Договор есть. Забирай, он твой! Ну я пошла?

— Куда-а?! — Я успел перехватить её за ногу. — Ты что мне всучиваешь, святой воды тебе в ванну?.. Недееспособный паралитик, находящийся между жизнью и смертью! Я не могу его забрать, меня первый же ангел по пути тормознёт и надраит холку по полной программе, потому как будет прав! А ну быстро приведи его в чувство, и если он подтвердит исполнение твоей части договора (хотя бы на пальцах), то гореть ему в геенне, как негру в финской сауне...

— Мужлан!

— Попрошу без оскорблений, мы оба на работе.

— Это ты на работе, я свою часть уже исполнила, — едва не плача, упёрлась моя жена. — Я его нашла, соблазнила, заставила подписать документ, приготовила к подаче тёпленьким, старалась, вызвала тебя, а не кого-то из отдела, думала, за лишнего грешника тебе дадут премию...

— Да меня уволят, если я ТАКОЕ притащу! Надо мной всё пекло ржать будет! — Я

наклонился, ещё раз осмотрел тело, незаметно ущипнул пару раз в самых щекотливых точках, у того даже реснички не дрогнули.. — С чего это он так? Признавайся, ты его напугала?

— Я?! Ну-у... сначала разделась, а потом...

— Ты спала с ним... — У меня волосы встали дыбом и заискрились. — Вот с этим? Да как ты могла, ты... это чудовищно, противоестественно, безнравственно, в конце концов!

— От кого я это слышу, муж мой демон?! — всплеснула руками она. — Так, дорогой, сегодня у меня нет настроения устраивать семейные разборки при посторонних. Ты берёшь его или нет?

— Нет! — твёрдо заявил я, негодуя садясь на разболтанный, протёртый диван. — Пока ты не приведёшь его в чувство, пока не объяснишь мне, что тут у...

— А если тебе просто позвонить Альберту? Он же ангел и наверняка может исцелять каким-нибудь наложением рук или крыльев. Что ему стоит избавить мерзавца от паралича, а ты, уже на законных основаниях, тут же предъявишь договор и заберёшь этого типа в ад!

— Первое, что сделает Альберт, когда войдёт сюда, это вышибет мною стену. У ангелов дать демону по зубам примерно то же, что сказать «здрасте»...

— Ой, вечно вы, мужчины, всё усложняете, — недоверчиво фыркнула Азриэлла. — Ну хоть проконсультироваться-то ты у него можешь? Он же твой друг.

— Проконсультироваться могу, на! — Я быстро набрал две цифры на сотовом телефоне и передал ей. — Вот сама и объяснишь ему, в чём дело...

— Почему я?

— А кто? Ты всё это заварила. Я вообще знать не знаю, что тут произошло, кроме того, что моя жена в порыве трудового энтузиазма довела до кондратия безобидного режиссёришку порнофильмов! И я ещё не получил внятного ответа на свой прямой вопрос — спали вы или нет...

— Ладно, ладно, звоню, только не кричи на меня. — Она взяла трубку и чарующе замурлыкала: — Алло, Альбертик? А это Азриэлла, жена вашего... да, да! Вот решила позвонить и лично поблагодарить за цветы. Нет... нет, они были прекрасные! И на запах и на вкус! Да. Я вам действительно очень признательна. Очень! И вот ещё... тут мой недотёпа попал в одну... не особенно приятную историю, вы не могли бы... Только проконсультировать! Ну разумеется! Я всё понимаю, у вас тоже своё начальство... Долг превыше всего! Да. Да. Конечно. Только частный совет, не более. А вы не сочтёте за труд передать от меня горячий привет вашей дражайшей супруге? Ах, Альберт... ах, что вы... ах... Я за-му-жем! А вы шалун... Так мой Абифасдон ждёт вас? Точно? Тогда я тоже... Чао-чао!

Всё это время я с пересохшим ртом и квадратными глазами сидел на диванчике, пребывая в состоянии максимально близком к тому же распростёртому клиенту. Моя жена, не глядя, без тени сомнений, зарубила на корню всю мою многовековую карьеру, вызвала на место преступления ангела последнего спасения, да ещё напропалую кокетничала с ним по моему же телефону, выставив меня идиотом и бездарью, а если вдуматься, то ещё и несостоятельным мужем. При всём при этом её чёрные в крапинку глаза смотрели на меня, светясь самой искренней любовью...

— О, звонят в дверь! — Она едва не подпрыгнула и, на ходу чмокнув меня в щёчку, исчезла в прихожей. — Не волнуйся, милый, я открою.

Надеюсь, она всё же успела принять человеческий облик, хотя бы для приличия. Безусловно, Альберт видит нас под любыми личинами такими, какие мы есть, но традиции...

В комнату смущённо вошёл рослый белокурый ангел с культиристическими плечами и неземной голубизны глазами. Переведя удивлённый взгляд с мрачного меня на нереализованное тело хозяина помещения, он только-только успел повернуться назад, как...

— Ну вы тут сами, мальчики, да? Не скучайте без меня. Альберт, вы душка! Всем пока! — И моя драгоценная половина мгновенно испарилась в небытие.

В комнате остался лишь тонкий аромат духов «Нина Риччи», перемежающийся с

режущим ноздри запахом серы. Вот они, женщины...

— Я всё объясню, — поспешил сказать я, глядя, как мой друг привычно засучивает рукава.

— Сначала помоги мне.

Вдвоём мы перенесли тело на диван, и немногословный ангел действительно терпеливо попытался вникнуть в сложившуюся ситуацию. По его напряжённому лицу я понял, что ничего хорошего мне не светит. Собственно, как и предполагалось. А уж после того, как он прочёл расписку этого грешника...

— Перебей мейя, если я неправ. У меня на руках ложный вызов, два демона (извини, уже один!) и мученик, разбитый параличом, но тем не менее продавший душу. Я не могу за него заступиться, не имею права отдать его тебе, не должен оставлять без охраны и не имею ни малейшего желания торчать здесь целую вечность. Ты отдаёшь себе отчёт в том, что я обязан сделать в первую очередь? — явно утомившись от столь длинной речи, выдал он.

— Набить мне морду, — не утруждаясь угадал я.

— Именно, — тяжело вздохнул он. — Но ты ни в чём не виноват.

— Да. Это всё моя жена, чтоб её...

— Не смей говорить о ней плохо, она же беременна!

— Точно. И только это избавляет её от хорошей трёпки сегодня вечером. Если, конечно, мы выберемся отсюда к вечеру...

— Если... — ещё раз вздохнул мой крылатый друг.

Наши грустные размышления прервал неожиданный звонок в дверь. Только этого ещё нам не хватало! Я поспешно перешёл в человеческое тело. Альберт встал, раскатал рукава обратно и молча поплёлся открывать.

У них не принято отказывать в такой пустячной просьбе. Там, где любой нормальный демон крикнет: «Никого нет дома!», ангел непременно поступит в соответствии с библейским постулатом «Стучите, и да отворится вам!».

В комнату, опережая друг дружку, впорхнули две юные прелестницы в сплошном мини. Стройные, смешливые, симпатичные и абсолютно не закомплексованные...

— Они тоже по объявлению, — подтвердил мой друг, беспомощно разводя руками.

Девушки тем временем быстренько освоились, облазили всю квартиру и искренне веселились, приставая к Альберту с откровенно глупыми вопросами типа:

— А это кто?

— Это ваш режиссёр, у него нечто вроде паралича от того, что он увидел, как раздевалась предыдущая претендентка.

Девушки так и прыснули! Я страдальчески закатил глаза. Шоу продолжается, ибо мой друг врать не умеет, а посему милашки ещё навеселятся по полной...

— А это кто?

— Это демон, он приходит забирать души злостных неплательщиков.

Новый взрыв хохота! Счастливый визг, тыканье друг дружки локтями с выяснением, кто из них двоих дольше не платил за съёмную комнату в коммуналке...

— А сам вы кто?

— Я ангел.

Когда эти хохотушки уже без всякой совести рухнули на диван, задрав кверху ноги, в мою голову забрела очень недурственная идея. Я оттащил Альберта в сторонку и быстро зашептал:

— Слушай, если я приведу этого типа в чувство, то должен буду его забрать, а ты будешь обязан вмешаться, так? Если же ты его исцелишь, то спасёшь грешника для пекла, потому что его договор у меня на руках, что тоже для тебя не мармеладно. А вот если его вытащат они, то мы оба ни при чём! Я могу поугрожать муками ада, ты пригроишь Божьим наказанием, и вся троица получит хороший урок. Они каются, а мы сваливаем...

— Но его подпись? — на миг задумавшись, уточнил ангел.

— Да пусть подавится! То есть съест её у нас же на глазах — ни тебе, ни мне! Я,

скорее, готов получить выговор за то, что не смог удержать на крючке грешника, чем за то, что я лопухнулся, а мою жену в результате уволят с работы.

— Противозаконно увольнять беременных! — ахнул

он.

— Какие законы, мы в аду живём! У нас там сплошное беззаконие, забыл?

Ангел хлопнул себя ладонью по лбу и отошёл к окну, предоставляя мне большой простор для преступной деятельности. Отлично! Ему врать нельзя, а для нас, демонов, это излюбленное занятие...

— Значит, так, девочки. — Я возвысил голос и дважды щёлкнул пальцами, привлекая их внимание. — Объявление вы читали, платить будем хорошо, условия сдельные, только видеосъёмка, мягкая эротика, минимум порно...

— А почему минимум? — Их личики обиженно вытянулись.

— Потому что дорости надо! Вы ведь, как я понимаю, тоже тут не ВГИК заканчивали. Думаете, хорошее порно без актёрского таланта снять можно? Нет, милочки, самодеятельность у нас не пройдёт.

— Да мы всё умеем!

— Одного умения мало. — Я по-отечески потрепал каждую по щёчке и, достав толстый кошелёк, вытащил две стодолларовых купюры. — Это ваш аванс. Но сначала пробы! Вот на нём. Не бойтесь, мой друг пошутил, ваш будущий режиссёр не парализован, а просто так успешно притворяется. Сумеете его расшевелить — двести баксов ваши! А мы посмотрим...

— Легко!

...Дальнейшее было делом техники, и, слава КПСС, уже не нашей. Впрочем, учитывая тот факт, что «демоны не краснеют» и слово «скромность» тоже плохо с нами сочетается, я всё же не буду детально расписывать, КАКИМИ именно способами действовали девочки. Исключительно из уважения к моральному облику Альберта! Хотя и ангелы за столько лет тоже навиделись всякого...

Главное, что через пять-шесть минут режиссёр частично зашевелился, потом встал уже весь и шумно потребовал продолжения! Я честно вручил малышам заработанную валюту и в тот же миг принял свой истинный облик:

— Трепещите, смертные, ибо я пришёл по ваши грешные души! А ты ешь бумажку, мерзавец, и быстро, или я её тебе одним пальцем в такое место затолкаю...

Девчонки визжали изо всех сил! Причём очень уж на публику и даже где-то счастливо. Бывший клиент Азри-эллы торопливо сожрал свой первый договор и в обморок больше не падал. Я мог отправляться домой с удовлетворённым чувством выполненного долга. Мой друг, разумеется, остался, ему ещё надо вправить кое-кому мозги и прочесть проповедь...

...Два дня спустя моя дражайшая половина объявила, что тот парализованный порноумник вывесил в Ин-

тернете краткий синопсис нашей небольшой интермедии. Хочет продать в Голливуд при условии, что он же будет режиссёром и исполнителем главной роли. Есть люди, с которыми по-хорошему просто нельзя.

Восстановить съеденный договор не так уж сложно, подобные документы навеки впечатываются в стенки желудка. Думаю, взглянув со стороны на собственную требуху, он будет куда более сговорчив. Хотя можно обойтись и банальным рентгеном...

Постскриптум

— Милый, по-моему, у меня токсикоз!

— И что?

— Ничего... Но я могу капризничать! Вот сейчас, например, мне ужасно хочется супчику с потрошками! Ты меня слышишь?!

— Уф... — Мне пришлось встать и отложить газету. — С потрошками, говоришь? Будет исполнено. Я скоро, милая...

Значит, придётся всё-таки без рентгена.

Михаил Тарбеев

Бритва Оккама

Тонкие линии пентаграммы странно засветились, когда мистер Морган стёр своей профессорской рукой тысячелетнюю пыль со дна одной из пещер Венесуэльского горного кряжа. Строгим взором учёного из-под толстых линз очков мистер Морган придирчиво осматривал этот весьма неуместный для здешнего места каббалистический знак. Слишком уж явно он выпадал из общего плана наскальных рисунков на стене пещеры, стиль которых соответствовал неолитической эпохе. «Ха-ха!» — внутренне усмехнулся профессор, представивший забавную картину того, как древние охотники неолита рисовали еврейскую символику и пытались вызывать к жизни демонические силы. Дэникен, если бы был жив, наверняка бы ухватился двумя руками за находку Морган. Профессор поскрёб пальцем линии пентаграммы. Так и есть — обыкновенный фосфор, ничего более! Наверняка какая-нибудь секта современных дьяволопоклонников облюбовала этот уголок и проводила оргии на фоне древней живописи. Бог ты мой! Он, Морган, вовремя успел, чтобы открыть научному миру существование неолитических поселений на территории Венесуэлы!

Зу-зу-зу! Настырный комар, набравшись безмерной наглости, сел на щеку Морган и стал пить высококачественную, первой группы, профессорскую кровь. Автоматически привычным жестом, сопровождаемым звонким звуком «шлёп!», жалкое крылатое ничтожество было раздавлено и с презрением отброшено в центр пентаграммы.

— Черт возьми, надо же, и сюда они залетают! — невольно выругался профессор.

Внезапно линии пентаграммы вспыхнули ярким огнём, центр каббалистического знака окутало неведомая откуда взявшаяся дымка, и едва отпрыгнувший от пентаграммы мистер Морган увидел, как на месте дохлого комара материализовался... нет, вернее, материализовалось странное создание, напоминающее смесь слона, гиппопотама и человека.

— Слава отцу Вельзевулу! — взревело это чудовище, окончательно обретя свою уродливую форму. — Наконец-то после стольких лет долгого ожидания мне дали насладиться вкусом человеческой крови!

— Кхм-кхм... — вежливо оборвал его громоподобную тираду профессор, давая тем самым понять чудовищу, что оно здесь в пещере не одно.

Вначале мистер Морган было порядком тухнул, и все его учёные мысли подобно испуганным коням умчались куда-то прочь, оставляя место лишь первобытному животному страху. Однако тут же учёный взял себя в руки и, призвав на помощь свою железную логику и объективную оценку событий, решил выяснить — что же это за чертовщина такая творится.

— Кхм-кхм... — повторил он для убедительности и, утвердившись в том, что это произвело на чудовище ожидаемый эффект, мягко продолжил: — Прошу прощения, вы, собственно говоря, кто такой?

Оправившись от столь несказанной наглости простого смертного, рискнувшего его перебить, слон-мутант важно изрёк:

— Я Бегемот, ангел Престолов, демон Первого круга, ты, несчастный! — И, подумав, добавил: — И я тебя сожру!

Тут мистер Морган стал понимать, что его пытаются разыграть, или, попросту говоря, ненаучным языком, хотят повесить лапшу на уши. Снисходительная улыбка человека, имеющего за плечами громадный опыт в изучении мифологии всех времён и народов, тронула губы профессора.

— Послушайте, молодой человек, — саркастически молвил он, несказанно удивив тем самым представителя преисподней, возраст которого начитывал никак не менее пятидесяти

пяти миллионов лет. — Не дурите мне голову той абракадаброй, которую вы несёте. Поверьте уж мне на слово, как специалисту, что в вашем появлении столько несоответствий, что просто становится стыдно за вашу некомпетентность в сфере мифологии и оккультных знаний. Лучше-ка снимайте свою приставную голову и давайте поговорим начистоту.

Сказать, что ангел Престолов, демон Первого круга был удивлён значит ничего не сказать. Челюсть его вместе с хоботом отвисла, маленькие глазки увеличились вдвое, выкатившись из своих орбит.

— Откуда, смертный, ты знаешь о моей приставной голове?! — взревел он в крайнем изумлении, своим громовым гласом заставив мистера Моргана гадать, где же здесь в пещере спрятан динамик. — Ведь отец мойг Вельзевул, оторвал мне настоящую голову пятьдесят миллионов лет назад! Тогда вас, людей, и в помине не было!

В ответ профессор демонстративно захлопал в ладоши:

— Признаюсь, я приятно изумлён. Поздравляю вас, молодой человек, смотрю, вы не такой уж и профан по части мифологического фольклора, как я подумал вначале. Провели неплохую параллель между индийским слоголовым богом мудрости Ганешей и средневековым демоном Бегемотом. Удачная мысль. Не понимаю только, зачем приплетать к этому какие-то пятьдесят миллионов лет! Уж коли мистифицировать, так делайте это, ради бога, правдоподобно.

Челюсть у Бегемота снова отвисла, причём ещё ниже, чем раньше. Хобот вообще безвольно сник. От обилия непонятных терминов заболела приставная голова. Мало того что этот смертный обозвал его каким-то малопонятным ругательным словом «профан», уличил демона в том, что тот, стыдно сказать (!), мистифицирует, так ещё он и ставит в ничто отрезок времени в пятьдесят миллионов лет! Как он там сказал? Какие-то пятьдесят миллионов лет! Это поразительно!

Тем временем мистер Морган, заложив руки за спину, принялся мерить шагами дно пещеры и назидательным тоном читать лекцию невежественному демону Бегемоту о том, кто, собственно говоря, такой на самом деле невежественный демон Бегемот:

— Я расскажу вам вкратце, молодой человек, что вы должны были знать о выбранном вами фольклорном образе, дабы появление ваше выглядело более правдоподобным в глазах специалиста. Во-первых, само слово «бегемот» бесспорно происходит из арамейского языка и в изначальном варианте звучало как «б'геах», что в переводе означает попросту «скот». В Книге Иова из Ветхого Завета бегемот отождествляется с волком, где ему посвящено несколько строчек, в коих главным образом воспеваются размеры и прожорливость данного животного. Большинство учёных времён Фрая Луиса де Леона склонны видеть в этом описании слона. Вообще же Библия характеризует бегемота как некую сухопутную параллель морского чудовища Левиафана и, соответственно этому, считает указанный образ воплощением злых сил. Здесь несомненно заметны следы влияния египетской культуры, в мифологии которой отражена роль данного животного как спутника и слуги бога зноя и разрушения Сета, а также, вполне возможно, и наслоение пластов индуистской религиозной фольклористики. Вы уже сами отметили, что бог мудрости Ганеша был слоголовый, поскольку — гласит предание — отец Шива оторвал сыну настоящую голову за то, что тот не пустил Трёхликого в будуар своей матери Пара-вати, с коей Шива хотел заняться любовью. Для древней иудаистики же характерна трансформация всех иноземных богов в злобных демонов, что, вероятно, и повлекло за собой превращение Ганеши в Бегемота.

Иными словами, уже к двенадцатому веку сложился довольно неприглядный образ очередного обитателя преисподней, запечатлённый в книгах церковных служек и в кругах «Ада» «Божественной комедии» великого Данте Алигьери. Так-то вот, молодой человек! — торжествуя закончил мистер Морган и победно блеснул своими профессорскими очками.

Отупевшими глазками Бегемот — ангел Престолов и демон Первого круга — смотрел на профессора и тщетно силился проникнуть в глубину высоконаучных изречений своего потенциального обеда. Когда же наконец это ему удалось, бедняга даже покраснел от ярости.

— Так ты хочешь сказать, — взревел он на этот раз в диком гневе, — что я всего-

навсего выдумка людей?!

Мистер Морган мягко улыбнулся в ответ.

— Вы, извините, из какой археологической организации, что так настойчиво хотите отпугнуть меня от этих наскальных шедевров неолитической эпохи? — поинтересовался профессор.

— Я из ада! — чуть не сорвал свой голос в отчаянном рёве демон, заставив учёного даже зажать уши, чтобы не оглохнуть. — И я хочу не отпугнуть тебя от ше... ше... шедевр... а хочу всего-навсего просто тебя сожрать!

— Какая малость, и так много разговоров, — язвительно заметил профессор. — Что же в таком случае вы не сдвинетесь с места?

— Да я не могу! — почти что слезливо заорал в ответ Бегемот. — Ты закрыл меня в пентаграмме своими непонятными заклинаниями, и мне теперь не выйти за пределы линий!

— Ну это дело легко поправимо, — заверил демона мистер Морган и подошёл к пентаграмме.

Бегемот внимательно следил за ним. В глазах ангела Престолов мелькнули видимое облегчение и жадность в предвкушении неплохой закуски. Профессор между тем нагнулся и стал аккуратно стирать одну из линий пентаграммы, насмешливо приговаривая при этом:

— Что же, если вам не надоело ещё шутовство, то пожалуйста, сейчас я очищу выход наружу, и посмотрим, как вы выполните своё липовое намерение съесть меня на обед!

Мистер Морган поднял лицо к Бегемоту и замер, поражённый возникшим в глазах демона ужасом.

— Что ты наделал?! — прохрипел тот в диком испуге. — Ты же уничтожил меня, смертный!

И тут ангел Престолов стал корчиться в невыразимых муках и медленно растворяться в воздухе. Начиная с головы. Теперь уже челюсть отвисла у мистера Моргана. Он заворожённо следил за исчезновением своего необразованного оппонента, и мысли профессора металась в тщетной попытке найти разумное объяснение происходящему.

Бегемот очнулся в преисподней. Он ощупал себя, убедился, что цел, и горько-горько заплакал от жуткой обиды. Целый сонм прибежавших на плач римских пап — своеобразной элиты ада — принялись утешать ангела Престолов и демона Первого круга. Но вот они расступились, давая место самому Вельзевулу — Князю тьмы и главному заместителю сатаны по всем грязным делишкам. Владыка скверны остановился перед Бегемотом и участливо поинтересовался:

— Кто тебя обидел, сын мой?

— Это был учёный, папа! — сквозь слёзы жалобно проревел демон. — Сначала он обозвал меня профаном и сказал, что я мис... мис... мисфитицирую, хотя клянусь тебе, я этого не делал — пол подо мной был абсолютно сухой! Затем он добавил, что я просто-напросто скот, мудрости у меня, слона, ни шиша, и под конец заключил, что я вообще не существую! При всём при этом он произносил какие-то мудрёные заклинания на непонятном мне языке... Да, и ещё тебя он называл Вшивым!

— Шивой? — удивился Вельзевул. — А ведь действительно интересная трактовка! Если провести параллель с индуистскими мифологическими типажам...

Тут Вельзевул спохватился, увидев, как вытаращился на него Бегемот. Князь тьмы назидательно поднял вверх когтистый палец и молвил, обращаясь к ангелу Престолов:

— Сын мой, никогда не связывайся с учёными мужами. Против таких, как ты, есть у них в запасе мощное оружие, именуемое Бритвой Оккама. И могут они резать этим своим оружием и демонов, и богов, и всё что угодно. Так что радуйся хоть, что осталась у тебя вторая голова на плечах!

И Вельзевул, Владыка скверны, величественно удалился в тёмное небытие ада.

Мистер Морган меж тем сидел на дне пещеры, бездумно смотря в точку, где только что исчез демон, и беззвучно шевелил губами. Так прошло, наверное, минут десять. Внезапно глаза профессора озарились какой-то мыслью, и он вскочил, хлопнув себя рукой по лбу.

— Дурак, какой же я дурак! — воскликнул мистер Морган, — Да ведь это была простая голограмма!

Просто какой-то шутник наверняка спроецировал с другой горы подобного монстра в центре пещеры и сейчас сидит где-нибудь в укрытии, от души смеясь над бедным профессором.

Покачав своей многомудрой головой, мистер Морган облегчённо вздохнул и с успокоенной душой вернулся к наскальным рисункам неолитической эпохи. Её величество Наука ждала новых открытий.

Яна Анина

Зайка

Вы когда-нибудь задумывались о том, как грустно знать кроликам, что они не только ценный мех, но и деликатесная тушка? Лично я почувствовала это на собственном опыте однажды летом, когда Костик принёс к нам домой симпатичного зверька в клетке. Такого окраса я никогда не видела. С белой шёрсткой, чёрными ушками и хвостиком. На щёчках симметрично расположены круглые пятнышки и такие же на боках, только крупнее. Ещё полоска на спине. Костя меня не предупреждал, что мы обзаведёмся питомцем, да ещё и нестандартным. Поэтому я несколько удивилась...

— Кролик? Радует, что не крокодил.

— Бабочка, — с удовольствием выдал он, поставив клетку на стол.

— Кролик, — исправила я любимого. Кажется, я что-то недопонимаю.

— Зайка моя, ну конечно, кролик, а правильной — крольчиха. Бабочка — это порода, — блеснул знаниями Костик. — Мама звонит. — Он поднял трубку телефона.

Его мама живёт в другом городе и, похоже, решила сделать нам сюрприз. Завтра она приезжает. Костик ей говорил, что у нас серьёзные отношения и мы собираемся пожениться. Хотели сами к ней приехать, но мама, судя по всему, решила не дожидаться, а нечаянно нагрянуть сама. Проведать сына, познакомиться со мной, проверить всё лично — дело серьёзное, кто бы спорил. Но нельзя же так неожиданно, особенно в первый раз...

Естественно, я жутко разволновалась: хочется понравиться будущей свекрови, а я и морально не подготовлена, и продукты для особого случая не закуплены, и... Хотя у нас же есть кролик! О нет, разумеется, я не имела в виду этого живого, просто в холодильнике есть кроличья тушка. Я же не зверь — пустить на жаркое подарок любимого, да ещё такую красавицу, на следующий же день после короткого знакомства...

Ночью почти не спала, а ворочалась с боку на бок. Думала о том, как накрыть стол, что надеть, как себя с ней вести. Не ночь, а одно мучение...

Ранним утром дружно сходили с Костей на базар и стали готовиться к приезду его мамы. Приготовлением обеда занимались, естественно, на кухне, он взялся за мясо, я за овощи. От переполоха чуть Бабочку не забыла покормить. Открыла дверку и быстро сунула ей под нос лист капусты, а она...

— Ой?! Ты чего кусаешься?

Крольчиха резво цапнула меня за палец, прокусив до крови. Машинально я засунула его в рот, зализывая ранку.

— Ражве кройки кушаются? — шепеляво спросила я Костика, не вынимая укушенный палец изо рта.

— Не знаю, — бросил Костя, усердно разделявая тушку.

Бабочка с ужасом смотрела на это действие.

Немного дуясь на неблагодарную крольчиху, я продолжила заниматься приготовлением вкусных салатиков и заодно хрумкала морковку.

— Зайка, ты какую её уже по счёту ешь?

— Пятую вроде. У меня авитаминоз, наверное...
— Вот даёшь! Поела бы тогда суп, котлеты. Или ты на диете?
— Просто морковки хочется. Ещё бы молока.
— Оно в холодильнике... А что у тебя волосы как-то странно лежат?
— И правда, у меня что-то с головой, — насторожилась я, ощупав два мягких бугорка. — Надо посмотреть.

Я подошла к зеркалу и ахнула. А могла бы и упасть в обморок...
— Ко-ость, — дрожащим голосом позвала я.
— Что случилось? — откликнулся он, домывая разделочную доску.
— Посмотри, пожалуйста, что у меня. Я, похоже, заболела...
— Да ладно? — подошёл он, вытирая руки об фартук. — Что это?!!
Мой любимый вытаращился на мои... самые что ни на есть настоящие растущие кроличьи ушки!

— Не может быть... — Костя сосредоточенно тряс головой, будто пытаюсь проснуться.
— Я понимаю, что не может, — попробовала я сохранить ровный тон. — Но они становятся всё больше и больше! — Пружина внутри меня сорвалась.

В панике я заметалась по комнате, схватилась за уши, пытаюсь их оторвать, но это было больно, и пришлось отпустить.

— Почему у меня уши? — Я разрыдалась, прижавшись к Костиной груди.
Он сам был в шоке и, как мог, попытался меня успокоить.
— Не плачь, Зайка ты моя, бывает и такое. — Костя нервно гладил меня по спине. — Но я уверен, всё пройдёт...

— Зайка твоя? Теперь я точно зайка, и никуда мне от этого не деться! У-у-у-у, — скулила я. — Не бывает такого! Ни у кого! И не пройдёт это! У-у-у-у, — захлёбывалась я в своём горе. Мне хотелось плакать бесконечно, но вскоре слёзы кончились, а реветь без них мало толку...

Костя тяжело вздохнул и призадумался.
— Зайк, у тебя ушки чёрные, как у Бабочки. Я вот думаю... помнишь, в фильме «Человек-паук» главного героя укусило насекомое, после этого у него стали проявляться сверхспособности?

— И чего? От укуса сумасшедшей крольчихи у меня теперь талант лопать морковку и ходить с ушами? Это разве сверхспособности? Это глупость!

— Дорогая, я не это имел в виду. Просто хотел сказать, что здесь замешана Бабочка, — сдерживая раздражение, объяснил он. — Э-э-э... ты чего делаешь?

— Трогаю свой хвостик.
— Покажи.
— Не покажу. Лучше скажи, что мне теперь делать? Конечно, ты не знаешь. Найдёшь себе нормальную девушку, а от меня уйдёшь. Ну и уходи, — махнула я на него рукой и отвернулась, прикрыв ладошками хвост.

— С чего ты взяла? Не хочу я себе искать другую. Ты мне милее всех на свете. Была же у Ивана-царевича Царевна-лягушка...

— А я Царевна-зайка? Ты издеваешься!
— Не издеваюсь я, просто пытаюсь тебя подбодрить. Надо успокоиться, паника всё равно ни к чему не приведёт.

— Тебе легко говорить, это же не с тобой случилось.
— Ага, легче лёгкого, если не считать того, что через час моя мама придет. Кстати, с тобой знакомиться...

Господи Всевышний! Хуже не придумаешь!
— Что с твоим носом и глазами?!! — вдруг заорал Костик.
Я чуть не подпрыгнула от его внезапного крика. А потом бросилась к зеркалу...
Нос стал чёрным, и вокруг глаз тоже чёрные пятна появились, и при этом я быстренько покрывалась густой шёрсткой белого цвета.

— Чего ты так паникуешь? Паника ни к чему не приведёт, — нервно притоптывая замохнатевшей ногой, ехидно припомнила я своему бесценному его же слова. У самой же меня на душе творилось непередаваемое смятение.

Костя на долю секунды онемел. Сделал попытку мужественно очухаться, но помогло ненадолго, потому что я стала уменьшаться, преображаясь в полноценного кролика. У меня перед глазами всё закружилось. Мебель, Костик, всё вокруг стало расти. Почему?! За что? Мамочка моя, как страшно-о-о...

— Дорогая, ты стала настоящим кроликом! Трагедия хуже некуда. Мой мир рушился вместе с

нашей любовью. Катастрофа! Если бы у меня просто были ушки и хвостик! В конце концов, косила бы под плейбоистого зайку и даже неплохо зарабатывала бы на ток-шоу, а теперь? Теперь я вся такая! Я даже науке неинтересна — кто поверит, что час назад эта крольчиха была человеком?!!

Не представляю, как Костик останется мне верным. Какие у нас будут дети? Такие же, как их мать? Через какие унижения им придётся пройти! В школе их будут обзывать и дёргать за ушки. Когда учитель скажет, что надо в конце четверти подбирать хвосты, все будут смеяться и показывать на них пальцем. О нет, о чём я думаю, боже мой! Какие дети в моём положении? В смысле, каким образом?!

— Милая, — Костик бережно вынул меня из свалившегося домашнего халатика и аккуратно посадил нас стол рядом с клеткой, — ты говорить-то не разучилась?

— Костя, если я навсегда останусь кроликом, как мы с тобой будем жить дальше? Я так хотела выйти за тебя замуж, растить с тобой детишек.

— Мы что-нибудь придумаем, родная. — У Кости в горле встал ком. Надеюсь, он понял, насколько всё серьёзно.

— Что мы придумаем? Неужели мне предстоит увидеть, как ты полюбишь другую... или... ты меня просто кому-нибудь отдашь, и моя жизнь закончится тем, что в конце концов меня потушат и съедят?

— Любимая, не говори такие страшные вещи. От твоих слов у меня на глазах слёзы наворачиваются. Я не брошу тебя, чего бы мне это ни стоило.

— Я не верю тебе. Ты меня просто успокаиваешь, ты не сможешь на всю жизнь быть мне преданным. И я не переживу, если ты будешь несчастен. Скажи маме своей, что ты со мной расстался. Ты найдёшь свою половинку, я уверена.

— Ты моя половинка! Я не могу без тебя жить! Понимаешь?! Я хочу быть с тобой, и я просто так не сдамся! — Костя прижался лбом к моему лобику и взял за лапку.

— Уф, как жарко... — Я раздражённо дёрнула хвостиком.

— Лето в этом году жарче, чем обычно бывает. Как назло... А ты ещё вон в какой шубе. — Он горестно посмотрел на меня и погладил по кроличьим ушам.

Сзади раздался спокойный хруст капустного листа...

Это кто это там, за моей спиной, превратив меня в кролика, трескает мою же капусту?! Вне себя от ярости, я развернулась к Бабочке:

— Я не посмотрю на то, что ты Костин подарок, сейчас так отделаю, что мама родная не узнает!

— Пожалуйста, любимая, держи себя в руках. Сейчас моя мама придёт, у неё натура впечатлительная, а ты тут морду крольчихе бить будешь. Ой... вот, кажется, и она... Как быть, что делать?..

Раздался второй звонок в дверь. С моего разрешения Костик запихнул меня в клетку с Бабочкой и пошёл встречать свою маму. Представление началось.

Элегантная женщина лет пятидесяти, по-матерински облобызав сына, сразу стала осматривать обстановку, делая для себя выводы. Обойдя все комнаты, подошла к клетке и в упор стала смотреть на меня. Нет чтоб на Бабочку...

— Кость, а где же твоя невеста? — спросила она, рассматривая меня от носа до лап.

Увы, Костик ещё не успел придумать достойный повод, как выйти из ситуации.

— Кто? А-а... она в парикмахерской, мы думали, ты позже приедешь...

— Получилось раньше. Что ты так волнуешься, всё будет хорошо. Тася придёт, познакомимся, на стол накроем. — Моя будущая свекровь поигрывала шифоновым шарфиком. Надо сказать, взгляд у неё был как у лисы. — Какие симпатичные кролики. А как их зовут?

— Бабочка и Тася, — не обманул Костя. Он смотрел то на меня, то на свою маму, боясь, что вот-вот она всё узнает и insult ей обеспечен.

— Тоже Тася? Интересно. Ну привет, привет, — обратилась она ко мне.

Странная женщина. Как она угадала, что Тася — это именно я?

— А я мама Кости. Ты, наверное, вкусная, и шёрстка у тебя пушистая, — облизнув губы, покусилась свекровь на мою и так нелёгкую жизнь.

Я только сглотнула слюну от страха. Не думала, что мы ВОТ ТАК познакомимся.

— А твоя невеста надолго в парикмахерской?

— Не-э знаю. Хочешь чаю?

— Я её дождусь, а пока лучше отдохну. — Она удалилась в спальню, закрыв за собой дверь.

Уф, есть небольшая передышка...

— Как ты, милая? — тихо прошептал мой заботливый жених.

— Надо сделать из Бабочки шашлык, — подумав, сообщила я. — Неактуальное предложение, понимаю, зато мне на душе легче станет.

— Может, тебя укусить? — равноценно предложил Костя.

— Зачем? Не надо меня кусать!

— Но тебя ведь крольчиха укусила, и ты стала такой после этого. А если тебя я укушу, вдруг опять в человека превратишься? Может, стоит попробовать?

— Попробуй. — Я безнадёжно опустила мордочку. Костя вытащил меня из клетки, я зажмурилась. — Ну?

— Чего «ну»?

— Чего ты меня не кусаешь?

— Я уже укусил, — отплёвываясь от шерсти, ответил Костик.

— Слушай, не беси меня, давай кусай нормально, чтобы я почувствовала.

Костя от души хватил зубами мою лапку.

— Ай! Больно же!

— Ты сама просила. Не кричи, маму разбудишь.

— По-моему, не помогло... — прошипела я, дуя на укушенное место.

Повисла невнятная пауза.

— Может, ветеринара позвать? — неуверенно предложил Костик.

— И чего? Он мне укол в попу сделает и я вылечусь? Ага, а то ветеринары что-нибудь понимают в превращениях. А попробуешь ему всё объяснить, он уже тебе укол сделает, да ещё и в психушку сдаст.

Костик обречённо опустил на стул напротив меня.

— Может, тебя вытряхнуть из шкурки?

— Умней ничего не мог придумать? Как ты себе это представляешь? Я тебе чего, коврик, чтоб меня вытряхивать?

Мой любимый опять задумался.

— Может, тебя побрить?

— Я от этого не стану человеком, идиот, а просто буду лысым кроликом! Лучше принеси книгу сказок.

— Зачем?

— Принеси-принеси, есть идея...

Костя прошёл в комнату, порылся в шкафчике. Найдя самую большую, вернулся с ней ко мне.

— Открывай и читай, что там со сказочными героями происходило, когда они меняли

свой облик. Вдруг это мне поможет?

— Сейчас найду. — Костя стал бегло просматривать странички сказок. — О, нашёл! «Иван-царевич и Серый Волк». Вот что тут написано: «Серый волк перевернулся через голову и сделался точь-в-точь Еленой Прекрасной». Ты чем занимаешься?

— По твоему совету пытаюсь перевернуться через голову. Не получается. Уши, наверное, мешают, и попа тяжёлая.

— Осторожней, со стола не свались.

— Что там ещё есть?

— Вот ещё в сказке «Финист — Ясный сокол»: «Любезный Финист — Ясный сокол, явись ко мне, жданный мой жених! И явился ей молодец красоты неописанной. К утру молодец ударился об пол и сделался соколом». Подожди, не бейся, как кролик припадочный! Сначала надо слова заветные сказать.

— Какие?

— Любезная Тася — Ясный кролик, явись ко мне, жданная моя невеста! Чего застыла? Ударяйся давай.

Я резко стукнулась лбом о стол, да так и рухнула, оставшись лежать в ожидании чуда. Ушиблась лихо, но не помогло.

— Что же с тобой делать?

— Ничего со мной делать не надо, лучше поцелуй меня, а то совсем тошно.

— Поцеловать?!

— А что, противно, да? — Я снова расплакалась. Костик меня взял на руки, покрутил-покрутил и поцеловал в нос.

— Получилось! — вдруг расцвёл он.

— Что получилось?!

Костя молча светился от счастья. Вдруг я почувствовала, как стала прибавлять в росте. Окружающая обстановка стала уменьшаться. Ух ты, наконец-то, как надоело быть маленькой!

— Мама идёт! *— дёрнулся Костик, услышав шум из спальни.

Я бросилась в ванную, и он за мной. Мы заперлись.

— Кость, у тебя всё в порядке? Я слышала ещё чей-то голос? Вы там с Тасей?

— Да, мам, у меня всё хорошо.

— Заснула, даже не слышала, что моя будущая невестка пришла. Выходите, баловники, и давайте помогайте мне на кухне на стол накрывать.

С меня постепенно стала исчезать шерсть. Неужели всё обойдётся?

— Ай! Костя, сыночек, кролик пропал один!

Мы притихли. Через пару секунд услышали её смех.

— Ой, да ты просто готовишь его! А я испугалась! И когда ты успел так с ним разделаться?! — Она снова засмеялась.

Хорошо, что мы почти перед моим превращением сунули тушку в духовку, можно будет схитрить и не объяснять, куда делся кролик из клетки. Теперь бы ещё у меня хвост и уши отпали, было бы здорово.

— А что, Зайк, ты и с ушками симпатичная, может, так познакомишься? — пошутил мой любимый, видя, что всё уже налаживается.

Вскоре я приняла привычный облик. Мы тихо постояли, обнявшись и делясь своим теплом друг с другом.

— Ну что, пошли? — шепнул улыбающийся Костя.

— Пошли, только одежда осталась рядом с крольчихой. — Превращения оставили меня голышом.

Мы помялись-помялись и решились. Костя вышел из ванной, принёс моё самое красивое платье и ушёл к матери на кухню. Пока они там о чём-то говорили, я привела себя в порядок. Когда я вышла, меня ждал самый приветливый приём. Стол был уже сервирован, а моя, теперь уже точно, будущая свекровь встретила меня улыбкой. Она оказалась милой

женщиной, которая очень любит хорошо приготовленного кролика. А кто не любит? Только сам кролик...

Постскриптум

После этого случая Бабочка не кусалась. В качестве компенсации её морального ущерба мы больше никогда не готовили кроликов. Чтобы не рисковать...

Андрей Варнавский

Из жизни драконов

Я летал. Рассекал небесную высь, закладывая крутые виражи, рисуя в воздухе замысловатые фигуры. Наслаждался полётом...

Маленькую фигурку возле входа в мою пещеру я заметил не сразу. А заметив, поначалу не обратил никакого внимания. Мало ли кто шастает... Но что-то зацепило, напрягло. Совершая очередной кульбит, я пригляделся. Интуиция не подвела — человечек был знаком. И ещё как! Сам король Лаксимус Сто тридцать восьмой собственной персоной! Он нетерпеливо переминался с ноги на ногу и, задирая голову, высматривал меня.

Что привело его сюда? Оглядев окрестности, я не заметил армии. И королевской свиты. Король был один! На миг я усомнился в здравости собственного рассудка. Король возле моей пещеры — нонсенс! Король без свиты — вообще ни в какие ворота! А два этих события одновременно?

Нехорошо заставлять его величество ждать, и я с сожалением пошёл на посадку. Осторожно, чтобы не задеть коронованную особу (а то потом нагрянут рыцари — где их всех хоронить?), сужающимися кругами, по спирали, я опускался всё ниже. Приземлился прямо перед его величеством, сложил крылья и в ожидании уставился на него.

— Нам надо поговорить, — безапелляционным тоном заявил он. — Не здесь.

— Тогда пройдемте ко мне, — ответил я. С некоторым трудом — драконья гортань слабо подходит для человеческих звуков.

Я провёл короля в гостевую комнату. Это расширенный участок пещеры сразу у входа. Вдоль стен стояли полки, уставленные человеческими черепами. Бутафорскими, естественно. За всю жизнь ни одного человека не убил. Но надо ведь поддерживать репутацию...

Король с интересом обозрел мои «трофеи». Взял один из них, осмотрел критически.

— Подделка, — изрёк он.

— Разумеется. После того как человек побывает в моём пламени, никаких костей не остаётся. Приходится потом заказывать такое вот изделие... На память.

Короли — народ болтливый. А я не хочу, чтобы все знали о моих доброте и гуманности.

Король вернул череп на место, скептическим взглядом обвёл полки.

— Что-то не замечал я, чтобы в моём королевстве рыцари пропадали в таких количествах... Ну да ладно, не о том сейчас речь... — Король осмотрелся, явно желая присесть. Ничего подходящего не нашёл и сделал вид, что стоя разговаривать ему удобнее. — В общем, я к тебе по делу.

— Догадался уж.

— Сегодня утром похитили принцессу.

— Это не я!

Только этого мне не хватало. С этими принцессами столько мороки!

— Знаю, что не ты. Иначе не пришёл бы к тебе... Я знаю кто.

— И кто же?

— Да так, рыцарь один... ффраер залёт... извини, это я на нашем, дипломатическом

королевском языке, тебе он не понятен. В общем, гостил у нас тут один рыцарь, возжелал он руки принцессы...

— И что, получил отказ?

— Да кому он нужен, рыцарь этот? — скривил губы король. — За душой ничего, а всё туда же... принцессу ему подавай. Короче, послал я его... То есть отказал в желании увидеть несравненную Лагидель. А сегодня утром обнаружил, что принцесса похищена.

— Всё это, конечно, хорошо... — Я зевнул. Король отшатнулся — не всякий способен сохранить спокойствие в непосредственной близости от такого количества (а ещё больше — качества!) зубов. — Только я-то здесь при чём? Я к этому не имею никакого отношения.

— Имеешь. Самое непосредственное...

— Не понял.

— Драконы похищают принцесс. Это аксиома... Извини за иноземное слово, неизвестное тебе... В общем, драконы похищают принцесс. Так было всегда. Об этом говорят древние легенды. Дракон похищает принцессу, рыцарь убивает дракона и спасает принцессу, получает награду, в том числе саму принцессу... Если она будет достаточно благосклонна... В общем, ты меня понял.

— Нет.

— Повторяю. Дракон похищает принцессу. Рыцарь убивает дракона. Спасает принцессу. Получает награду. У нас ситуация другая. Нестандартная. Рыцарь похитил принцессу. Значит — что?

— Что? — тупо повторил я.

— Значит, дракон должен убить рыцаря и спасти принцессу! И получить награду.

— Принцессу? — всё так же тупо повторил я. — И на фига она мне нужна?

— Тебе она не нужна, поэтому я и обратился к тебе, зная, что могу предложить другую награду.

— И слушать не хочу ни про какие награды. Дракон спасает принцессу и убивает рыцаря — это абсурд! И я не хочу в этом участвовать.

— А придётся...

— С какой стати?

— Я поговорил с придворным магом. Он сказал, что может создать ядовитый газ. Запустим его в эту нору... И всё. И одним драконом будет меньше. Умеет, гад, уговаривать.

— И как я их должен искать?

— Они не могли далеко уйти. Ты летаешь быстро. У тебя хорошее зрение. Тебе не составит проблем обследовать местность, в которой они могут находиться. Не вижу никаких сложностей.

Не видит он никаких сложностей... Конечно, не ему ведь это делать. Как тут сложности увидеть...

— А может, достаточно вернуть принцессу? Зачем убивать рыцаря?

— Это обязательное условие. Он должен быть наказан.

— Но почему я-то? Что, вам некому поручить это?

— И как ты себе это представляешь? — поинтересовался король, буравя меня взглядом маленьких чёрных глаз. — Что-я спокойно скажу: так и так, какой-то гад спёр принцессу... И как я буду выглядеть в глазах подданных после этого? Дело весьма деликатное. О похищении принцессы ещё никто не знает. И ты должен вернуть её до того, как пойдут слухи. И убить рыцаря.

Вот так живешь себе потихоньку, никого не трогаешь, а тут приходят к тебе да чего-то требуют. Тяжело быть драконом...

— А вы не боитесь, что я потом кому-нибудь расскажу об этом?

— Тогда тебя ждёт вышеупомянутый ядовитый газ...

— Понял. Ладно, а что там с наградой?

— С наградой? — удивлённо переспросил король. — Ах с наградой! Поздно о награде думать. Надо было соглашаться, пока я предлагал. А теперь у тебя может быть лишь одна

награда — чистый воздух в этой конуре.

— Не, ну что за короли нынче пошли, а? Ради собственной дочери расщедриться не могут!

— Как выглядит принцесса, знаешь?

— Видел. Знаю.

— Хорошо. А рыцарь... Ничего особенного. Маленький такой, плюгавенький. Доспехи старые, тусклые... не начистил даже перед визитом. Совсем власть не уважает. Козёл, одним словом.

— Тоже мне описал! На мой взгляд, большинство рыцарей такие. Разве только доспехи обычно до блеска начищают... Но тут уж, скорее, оруженосцы стараются.

— Особые приметы? — поинтересовался я.

— Шрам на левой щеке. Небольшой... но заметный. Вот, другое дело. Теперь вряд ли перепутаю.

— Этого достаточно? — нетерпеливо поинтересовался король. — А то мне возвращаться пора. Когда в твоих руках власть, расслабляться нельзя. На день уйдёшь куда-нибудь — а на твоём месте уже другой. Я и так долго тебя ждал.

— Достаточно. Какие сроки?

— Я же сказал: как можно быстрее, пока никто не заметил отсутствие несравненной Лагидель. Если не успеешь, то узнаешь об этом... когда будешь тут дёргаться в конвульсиях.

Король уже был на пороге, когда я поинтересовался:

— А какие у меня гарантии, что вы не устранили меня после того, как я всё сделаю? Как нежелательного свидетеля?

Король остановился, обернулся ко мне. Задумчиво потёр подбородок.

— Убрать тебя как нежелательного свидетеля? Интересная мысль... — Оц вновь повернулся и вышел из пещеры, задумчиво бормоча: — Хорошая мысль...

Это я так понял, что он намекнул на то, что выбора у меня нет.

* * *

Вопреки желанию короля я не отправился сразу в погоню. Я привык вначале думать, а потом уж действовать.

Проводив нежданного гостя, я прошёл в комнату — следующий за гостиней расширенный участок пещеры. Хорошо, что король не заглянул сюда...

Здесь у меня находилась библиотека. Да, это такие полочки с книгами... А что тут такого? Люблю, знаете ли, поваляться иногда с книжкой в лапах... И ещё я прихожу сюда, чтобы подумать. Обстановка настраивает на соответствующий лад. Видимо, книги, наполненные мудростью, одним своим присутствием воздействуют на сознание...

Итак, что мы имеем? Рыцарь похитил принцессу, король хочет, чтобы дракон принцессу спас, а рыцаря убил. А если дракон откажется, то не жить ему после этого... Можно, конечно, найти себе другую пещеру. Но ведь эти короли — злопамятные, как не знаю кто. И мне совсем не хочется всю жизнь просыпаться по ночам от каждого шороха и судорожно приюхиваться: а не пахнет ли в воздухе чем-то необычным? Да и смутно представляю я себе переезд на новое место. Перевозить всё, что нажито за столько лет... Это сразу привлечёт внимание всех заинтересованных лиц. Короля — в первую очередь. А значит, придётся сделать то, что сказал король...

В принципе ничего сложного... Если бы не одно «но». Нужно убить рыцаря. А я ни разу в жизни не убивал человека.

Что же делать?

Можно убедить себя: он негодяй, похитил принцессу и потому заслуживает смерти. Можно. Но... Я ведь не тупой и умею читать между строк. Объяснения короля по поводу того, почему он обратился именно ко мне, не выдерживают никакой критики. Не хочет он, видите ли, чтобы подданные узнали об этом. Конечно, не хочет... если предположить, что принцесса была совсем не против того, чтобы её похитили. Знаю я этих взбалмошных девиц.

Влюбилась сдуру — и готова на всё ради кавалера. Иначе трудно представить, чтобы кто-то смог похитить саму принцессу прямо из дворца! Ну не верю я в это... А если предположить сговор — легко. А значит, рыцарь — не злостный похититель, которого можно убить без зазрения совести. Он несчастный влюблённый, пошедший против короля ради любви... На такого и челюсти не раскроются.

...Так я ничего толком и не надумал. Мысли кое-какие появились... посмотрим, сумею ли я их развить. Я бы подумал ещё, но надо было поторапливаться. Надо успеть всё сделать до наступления темноты. Сегодня полнолуние. А в полнолуние драконы, как и все нормальные оборотни, обретают свою вторую ипостась. Кто как, а драконы в полнолуние оборачиваются в людей. В страшных и кровожадных людей. Надо успеть всё сделать до того, как это случится. А то растерзаю обоих — и принцессу, и рыцаря, а потом и помнить ничего не буду.

Но прежде чем отправиться на поиски, нужно побеспокоиться об охране пещеры. Неизвестно, сколько времени меня не будет, а какому-нибудь воришке хватит и десяти минут.

Обычно в таких случаях я обращаюсь за помощью к кому-либо из приятелей. Хорошо, что мы, драконы, можем общаться между собой телепатически, посредством мыслесвязи. Я сразу обратился к Зюзику, зная, что он с радостью откликнется на мою просьбу. Зюзик живёт не один, а с женой и сыном. Но полгода назад к ним в гости прилетела тёща и до сих пор гостит. Зюзик будет невероятно счастлив пожить хоть немного в свободной пещере...

Как я и ожидал, приятель откликнулся не раздумывая. Про вероятность искусственного загрязнения воздуха в моей пещере я не стал говорить. А то ещё уговорит побыть здесь свою тещу. Мне-то всё равно, с точки зрения охраны пещеры разницы никакой, только мне Зюзика жалко. Наверняка я управлюсь раньше, чем его величество примет решение о моём умерщвлении, а вот тёща Зюзика потом замучает свою дочь — дескать, у того дракона и пещера побольше, и золота, да и сам он дракон видный, не то что твой... Всё это, естественно, скажется на самом Зюзики. Поэтому я промолчал, веря, что всё обойдется.

Приятеля я ждал у входа. Не прошло и пяти минут, как он появился на горизонте.

И что в нём не нравится его теще? Дракон как дракон. Золота, может, и не так много скопил, но вполне прилично, знаю я и победнее. Почти не пьющий, по драконам не гуляет, верен жене. И внешность нормальная. Для дракона. Разве только крылья маловаты, да на зубах жёлтый налет. Ещё два зуба наполовину чёрные, кариес съедает помаленьку — Зюзик всё боится к стоматологу идти. А в остальном — вполне нормальный дракон.

А вот тёща у него не совсем нормальная... В том смысле, что она может контролировать свои превращения в человека. Такие особенности, говорят, только у них в семье, через поколение передаются. На неё не действует полнолуние, в человека она может обращаться в любой момент, как и обратно. И что самое интересное — прекрасно контролирует себя в человеческом образе. Помнит, кто она, действует разумно и потом, вернувшись в драконий образ, ничего не забывает. Дочь её, жена Зюзика, такими способностями не обладает, должны достаться их сыну. Нет, тёща Зюзика на самом деле неплохой дракон. Просто муж у неё спился, так и помер в какой-то канаве. Поэтому она так тиранит Зюзика, беспокоится о своей дочери, чтобы ей с мужем повезло больше.

Зюзик приземлился, мы переплели кончики хвостов в знак приветствия.

— Все объяснения потом, очень спешу, — сразу сказал я. — Покарауль пока пещеру. Когда вернусь, не знаю, но надеюсь, сегодня. С меня телега пива!

— Замётано.

Эх, если всё получится, то вечером выпьем по паре бочек пива. Давно не расслаблялись. Может, ещё кого позовём... Приятелей у меня много. На миг я даже задумался — не обратиться ли к ним за помощью? Не откажут. Тем более в нашей компании я один такой человеколюбивый... то есть, я хотел сказать, гуманный. Потому как мы все человеколюбивые... Только в разных смыслах. Кто-то любит людей в варёном виде, большинство — в жареном (так готовить проще и быстрее, один раз дыхнул — и готово),

изысканные гурманы — в сыром да с приправами там всякими. В общем, мигом откликнутся, облетят округу, найдут похитителя, пасть порвут, моргала выколют и так далее.

Но вряд ли Лаксимус Сто тридцать восьмой обрадуется участию в этом деле посторонних. И не хочу я ставить под удар друзей. А значит, придётся всё делать самому.

* * *

...Было у царя-лягушки три сына, и пришло им время жениться. По сложившейся традиции вылезли они на берег, закрыли глаза и стали прыгать. На какую лягушку лягушка запрыгнет — та и станет его женой.

Прыгнул, закрыв глаза, старший сын, прыгнул ещё, и ещё, и ещё... пока не почувствовал под собой желанное лягушачье тело.

Потом прыгнул средний сын, долго прыгал, уже даже подглядывать начал, когда наконец повезло и ему.

Пришла очередь младшего, по имени Лягух. Зажмурил он глаза и ка-а-к прыгнул!

— А-а-а! Снимите с меня эту гадость!

Открыв глаза, младший сын увидел отвратительную белизну кожи на человеческой ноге.

Кричала принцесса, гуляющая со служанками возле королевского пруда. Принцесса, на чью ступню запрыгнул несчастный Лягух.

Младший сын поспешно спрыгнул с ноги принцессы, вытер лапы о траву, пытаясь избавиться от мерзкого ощущения, оставшегося от прикосновения к человеческой коже, и попрыгал прочь.

...Долго блуждал он, не решаясь возвращаться с позором. Но темнело, в незнакомых местах становилось страшно, и попрыгал он обратно, к родному пруду.

Родные братья, к тому времени уже разобравшиеся с вопросами женитьбы и супружескими обязанностями, с нетерпением поджидали его. Лягух стоически выслушал издевательства и шуточки в свой адрес, не отвечая на них, и удалился спать на любимый камышовый листочек...

Но недолго горевал младший сын. Потому как пришла к нему фея-лягушка и квакнула:

— Я могу помочь твоему горю.

— Как? — квакнул он в ответ.

— Эта принцесса — не простая, а заколдованная. Если ты поцелуешь её, то принцесса превратится в прекрасную лягушку!

— Но как это сделать?

— Я помогу тебе. Я превращу тебя в человека... Но ровно на один год. За этот год ты должен добраться до принцессы и поцеловать её.

И превратился младший сын царя-лягушки в человека. А поскольку он был умной лягушкой, то не побежал сразу целовать принцессу, а решил сначала разузнать всё поподробнее, как к принцессе подобраться-то лучше. Походив-погуляв по городам и сёлам, он узнал, что принцессы равнодушны к рыцарям. И стал он тогда рыцарем. Особенно прославиться, впрочем, не сумел, но для этого и времени было недостаточно. До превращения обратно в лягушку оставалось совсем немного, когда Лягух отправился покорять сердце принцессы...

* * *

И вот я увидел их. Принцессу я узнал сразу, к её спутнику пришлось приглядеться. Никакой он не маленький и плюгавенький, как говорил король. Вполне нормальный рыцарь. Если бы не шрам на щеке, я бы засомневался, он это или не он.

Меня они не видели — я летел слишком высоко. Зато я их видел отлично — драконьему зрению завидуют орлы.

И что теперь делать? Как поступить? Сделать, как хочет король? И никаких проблем... Но смогу ли я убить человека? Хм... рассмотрим пока с технической стороны. Рыцарь и принцесса идут по лесу. Судя по доносящимся обрывкам разговора — принцесса чем-то возмущается, а рыцарь пытается её успокоить. Лес довольно густой. Приземляться в нём весьма неудобно, учитывая мои размеры. Пока приземлюсь — они убегут. Вряд ли станут дожидаться, пока я сяду перед ними. Главное оружие дракона — огонь. Но как им воспользоваться в лесу, когда два человека держатся рядом, одного из них надо убить, а второй не должен пострадать? Чтоб ни одной волосинки не упало. А если моё пламя над её головой пройдёт — какая там волосинка, вообще лысой останется. Не знаю, как король, а принцесса мне этого точно не простит. Будет требовать моей крови. А что для короля важнее — какой-то дракон или мир в семье? Так что мне надо быть очень деликатным. Эх, и почему я теряю рассудок, когда превращаюсь в человека? В человеческом облике было бы намного проще подобраться к ним.

В общем, я пришёл к выводу, что атаковать сейчас бесполезно. Огнём не воспользуешься, надо приземляться — а в густом, лесу моя манёвренность крайне низка. И если этот рыцарь не дурак, в бой не полезет, прятаться будет вместе с принцессой. Так что ничего мне не светит. Это хорошо. Есть повод отложить нападение — и ещё подумать, как выкрутиться из ситуации.

* * *

— Я устала! Когда мы наконец придём? Сколько можно идти?! Я должна отдохнуть!

— Но, милая, мы отдыхали десять минут назад...

— Не спорь со мной! Любой нормальный рыцарь ездит на лошади!

На это Лягуху нечего было ответить. Лошади боялись его — видимо, чувствовали колдовство. Поэтому приходилось быть рыцарем без лошади.

— Мне уже надоел этот лес, мне надоело идти, и ты мне тоже надоел!

Лягух тихо вздохнул. Не прошло и получаса с того момента, как они покинули дворец, а принцесса уже начала капризничать. И сейчас Лягух сильно жалел о том, что не поцеловал принцессу прямо там, во дворце. Терпение его было на исходе.

«Скорей бы уж превратить её в лягушку, — думал он, — Посмотрю, как ты заквакаешь».

— Ну хорошо, милая, давай отдохнём...

— Почему ты не взял с собой кресла? Почему я должна сидеть на траве?

Лягух уже и не пытался объяснить, что кресла таскать с собой весьма неудобно. Любое возражение приведёт лишь к ещё большему возмущению.

Придётся потерпеть. План Лягуха был прост. Увести принцессу из города, поцеловать, дожидаться, когда она превратится в лягушку, с нею в руках двинуться обратно. Потом закончится действие заклинания, превратившего Лягуха в человека, и они в виде лягушек вернутся в пруд. Всё просто, требуется сущая мелочь — поцеловать принцессу...

— Ты сиди здесь, а мне надо отлучиться... — произнесла принцесса приказным тоном. И куда-то пошла, проворчав: — Если бы я знала, каких удобств лишаясь...

Рыцарь поспешно развязал мешок и принялся рыться в нём. Извлёк несколько книг.

«Как соблазнить принцессу за пять минут» вернулась обратно в мешок, «Как затащить принцессу в постель» последовала за ней.

А вот и то, что он искал: «1000 и 1 способ поцелуя».

Лягух зашуршал страницами в поисках ответа на

важный для него вопрос. Фея не уточнила, а сам он не догадался спросить, куда именно нужно поцеловать принцессу для того, чтобы она превратилась в прекрасную лягушку. Может, достаточно просто чмокнуть её в щёчку? Или в ушко, например. Или требуется страстный поцелуй в губы? Или же... ещё куда?

Лягух проштудировал книгу от и до, но не нашёл ничего, что подсказало бы ответ.

Сейчас он листал наугад в тщетной надежде увидеть то, что не замечал раньше.

Возле уха зажуужал комар. Лягух инстинктивно дернул головой вбок, высунул длинный язык, которым поймал комара, и втянул его в рот. Лягух проглотил насекомое.

«Вкуснятина какая, — подумал он. — Хорошо, что фея догадалась сделать мне такой язык. С виду — обычный, человеческий, а при необходимости удлиняется».

Послышался шорох в кустах — принцесса возвращалась. Лягух поспешно спрятал книгу в мешок...

* * *

Я летел. Махал крыльями что было сил. Нельзя надолго оставлять рыцаря и принцессу наедине. Но и отлучиться пришлось...

Я прекрасно видел, как рыцарь съел комара. И понял, что без магии здесь не обошлось. Значит, срочно требуется консультация мага. А кто из моих знакомых лучше всего разбирается в магии? Правильно, потомственная колдунья, знахарка, ведьма, тёща моего лучшего друга Зюзика, Марь Иванна. В своей пещере она даже магический салон открыла. Драконихи частенько навевывались к ней погадать, будущее узнать, за зельями там разными, приворотными например.

Я даже не знаю, чего Марь Иванна сюда перебралась, там у неё такая клиентура была!

Марь Иванна встретила меня подозрительно радушно.

— Заходи, заходи, будь как дома. Как там зять мой непутёвый?

— Нормально, Марь Иванна. Я тут это... за советом пришёл. По магической части.

— О, тут я тебе всегда помогу, рассказывай... Я рассказал.

— Хм... довольно интересно... забавный случай. Но ничего, сейчас попробуем в Золотое Корыто посмотреть.

— Куда?

— В Золотое Корыто. Штука такая, магическая. Будущее в ней можно углядеть. Или прошлое. Или настоящее. Кому что надо...

Марь Иванна притащила Золотое Корыто.

— И что, даже будущее узнать можно? — удивился я.

— Ну не так чтобы во всех деталях... Будущее, за некоторыми исключениями, многовариантно. Хотя с год назад был у меня случай... Решила я своё будущее узнать. И вдруг оказалось — надо кое-что предпринять... И чёткая цепочка событий выстроится, нерушимая. Которая приведёт к очень хорошему результату... Подумала я, кое-что придумала... вовремя подсуежилась, и всё! Начало сбываться.

— И когда результат будет? — из вежливости поинтересовался я.

— Скоро, скоро будет... я, правда, всех деталей не знаю, не увидела... но главное — это результат. Немного осталось, скоро узнаю, правильно ли я всё сделала... Но что-то мы отвлеклись. Помолчи немного, мне надо сосредоточиться. Молчи и смотри в Корыто.

Я смотрел в Золотое Корыто, смотрел, смотрел... И вдруг увидел. Перед моими глазами возникла красочная, объёмная картина. Не просто картина — я даже звуки и голоса слышал, запахи чувствовал.

Пруд какой-то, лягушки. Кваканье, которое я каким-то образом понимал. И некая лягушка-фея, пообещавшая какой-то лягушке превратить её в человека. И что, если она в образе человека поцелует принцессу, та превратится в прекрасную лягушку.

Потом всё исчезло. Некоторое время я тупо смотрел на дно Золотого Корыта. Затем спросил:

— Это что, на самом деле было?

— Золотое Корыто не врёт, — ответила Марь Иванна. — Оно может не ответить на вопрос, может чего-то не показать. Но если оно что-то показывает, то это — правда.

— Значит, этот рыцарь — лягушка? Лягушка, которую фея на год превратила в человека?

— Ты сам всё видел, — уклонилась от ответа Марь Иванна. — Я тут ничего не могу добавить.

— Вот оно как, оказывается...

Я задумался. И тут же гениальное озарение посетило меня. Я понял, как убить двух зайцев одним выстрелом. И принцессу спасти, и лягушку-рыцаря не убивать, и чтобы король был доволен.

— Марь Иванна... мне лягушка нужна. Поможете?

— Зачем тебе лягушка? Я объяснил.

— А, понята. Тебе повезло. Ко мне в пещеру как раз недавно одна забрела, всё выгнать не могу. Сейчас объясню ей, зачем она тебе понадобилась... думаю, согласится не раздумывая.

Так оно и оказалось. Тёща Зюзика загнала бедную лягушку в угол и рассказала ей мой план. Лягушка действительно не возражала. Настолько, что запрыгнула мне на лапу. Мы вышли из пещеры и поднялись в воздух...

Я летел обратно, а в мозгах крутилась мысль, что здесь что-то не так. Подозрительное радушие Марь Ивановны. Сеанс провидения, за который она даже платы не взяла. Оказавшаяся как нельзя более к месту лягушка. Которая понимает язык драконов. Что-то здесь не то...

Но идея была гениальной, и я был уверен, что осуществлю её.

«Как же тебя дальше-то целовать?» — подумал Лягух. К этому времени он уже галантно поцеловал пальчики, чмокнул милостиво подставленную щёчку... Ни первый, ни второй вариант не прошли. Похоже, придётся целовать в губы... Но принцесса на это не настроена. И вряд ли настроится раньше, чем выберется из леса. Что совсем не входило в планы Лягуха. Что же делать?

— Может, поспишь? — с надеждой предложил Лягух, размышляя о том, что спящую принцессу поцеловать будет проще.

— Здесь?! — возмутилась принцесса. — Ты мне обещал нормальную постель.

«Может, огреть её по башке чем-нибудь тяжёлым? — подумал Лягух. — И, пока она будет без сознания, поцеловать... Фея ничего не говорила о том, что принцесса должна быть в сознании во время поцелуя».

Некоторое время Лягух обдумывал этот вариант. Удобно, конечно... но гарантий результата нет. Как, впрочем, и неизвестно, подействует ли поцелуй, если принцесса будет спать. Правда, можно ещё связать...

«Не буду спешить, — решил наконец Лягух. — Попробую ещё мирными способами. Если не получится... Тогда придётся идти на крайние меры».

— Впрочем, что-то я и вправду устала, — произнесла принцесса. — Пожалуй, прилягу...

Они шли через лес уже не первый час, и изнеженная принцесса успела устать настолько, что готова была уснуть прямо на земле.

Лягух, естественно, не возражал. Терпеливо дождавшись, когда дыхание принцессы станет ровным и спокойным, он приступил к делу.

Сначала поцеловал её в оба уха. Потом — в лоб, в виски, в обе щеки, в шейку. И, наконец, в губы. Очень легко и быстро, чтобы не разбудить.

Выждал несколько минут. Ничего не происходило.

«Придётся целовать дальше», — подумал Лягух и полез в мешок за книгой. Над головой раздался шум, будто стремительно падало что-то небольшое, но тяжёлое.

Посмотреть вверх Лягух не успел. Это что-то упало ему на голову, и он потерял сознание...

Когда Лягух открыл глаза, первое, что он увидел, — сидящую перед ним лягушку. Симпатичную, на его взгляд.

— Ква, — сказала лягушка.

— Ква, — ответил Лягух, который, несмотря на дикую боль в голове, начал понимать, что чудо произошло и принцесса превратилась в прекрасную лягушку.

С трудом он поднялся на ноги. Рядом валялось толстое бревно, которое, похоже, и упало на него.

— Ква, — произнес Лягух.

Наклонился и посадил лягушку на ладонь, поднёс к лицу, внимательно рассмотрел. Лягушка и правда была отменной красавицей.

— Ква, — ласково сказал Лягух. И с удовольствием поцеловал её в красивую мордочку...

И вновь я лечу со всех крыльев. В моих лапах — спящая принцесса. Надо быстрее доставить её в город, пока не проснулась. Замена принцессы на лягушку прошла идеально. Теперь Лягух будет уверен, что та лягушка — и есть бывшая принцесса. Скоро он обретёт настоящий облик, и они вернутся в пруд. Королю скажу, что убил рыцаря. Всё равно тот скоро станет лягушкой, и вряд ли кто-то когда-то увидит его в образе рыцаря. Принцесса вернётся во дворец. Все будут довольны и счастливы.

В том числе и я — смогу вернуться в любимую пещеру, к любимым книгам. Там меня ждёт тишина и покой. То, что мне и надо.

Сейчас доставлю принцессу к городским воротам и вернусь в пещеру. Главное — успел обернуться до темноты. Запрусь в пещере, пережду там полнолуние в образе страшного и кровожадного монстра — человека. И продолжу тихую, спокойную жизнь...

* * *

По коридорам дворца шла смазливая служанка. Вслед ей неслись непристойные шуточки и предложения.

— Я вас всех запомнила, — бурчала под нос служанка. — Вы сполна получите... всех повешаю...

Мужская ладонь с размаху хлопнула по мягкому месту.

— Этого — на кол посажу... — пробормотала под нос служанка.

Кто-то ущипнул за то же место.

— Четвёртую...

— Эй, киса, куда спешишь? Пойдём со мной!

— Крокодилам скормлю... развелось дармоедов... откуда их столько в моём дворце?

Наконец служанка выскочила во двор. Там уже было попроще, и вскоре ей удалось добраться до городских ворот. Там к ней, изнывая от безделья, попытались пристать стражники. Добавив ещё двоих в чёрный список, служанка выскользнула за ворота.

Отойдя на достаточное расстояние, она уже не сдерживалась, возмущаясь во весь голос:

— Бездельники... дармоеды... со всеми разберусь!.. Если бы дворцовые слуги и стражники узнали, с кем

флиртовали, то уже бросились бы бежать, даже не собрав вещи.

Под видом служанки незаметно покинул дворец его величество Лаксимус Сто тридцать восьмой. Помог амулет, когда-то зачарованный придворным магом по заказу предшественника нынешнего короля, Лаксиму-са Сто тридцать седьмого. Королю надо было повидаться с драконом, узнать, как продвигается дело, и чтобы никто об этом не пронюхал.

Вскоре он добрался до пещеры. Воровато оглянувшись — не видит ли кто, — шагнул к порогу...

— Ага! — раздался вопль за его спиной. — Так я и знала!

Король подпрыгнул от неожиданности, развернулся. На него надвигалась женщина, несколько секунд назад выбежавшая из-за груды камней возле пещеры.

— Женщина, вы кто? — поинтересовался король, отступая. — Что вам нужно?

— Она ещё спрашивает, мерзавка! Ну я тебе сейчас задам!

Его величество юркнул за ближайшую кучу камней.

— Женщина, вы меня с кем-то спутали!

— Ну да, конечно, спутала! Щас я тебе покажу, как по чужим драконам бегать! Я так и знала, что он не один здесь!

Король обежал вокруг кучи, чтобы она снова оказалась между ним и этой странной женщиной. Та побежала за ним.

— Я не понимаю, о чём вы!

— Ах она ещё и не понимает!

Они сделали один круг возле камней, остановились перевести дыхание.

— Не зря я тут в засаде сидела, ждала! Ну я тебе сейчас покажу! И зятю моему непутёвому тоже...

Женщина вновь ринулась в атаку, король побежал. Они сделали кругов десять и уже запыхались, когда из пещеры показалась голова Зюзика, привлечённого шумом.

— О, Марь Иванна, а вы тут какими судьбами?

— Щас, погоди, разберусь с этой мерзавкой, потом тебе объясню, какими я здесь судьбами...

— Ну ладно, вы тут развлекайтесь, я пойду ещё посплю...

— Стоять! Никуда ты у меня не пойдёшь! Сейчас тебе будет показательный урок на тему: «Измена и её травматические последствия»!

Тут до короля начало что-то доходить, и он поспешно принялся стаскивать с пальца зачарованное кольцо. Воспользовавшись замешательством противницы, Марь Иванна совершила гигантский прыжок, в полёте схватив огромный камень, который и обрушила на голову короля.

Тот повалился на землю, кольцо слетело с пальца.

— Не поняла! Что это за хмырь? — изумилась Марь Иванна. — А где эта девица?

— Это не хмырь, Марь Иванна, это король, Лакси-мус Сто тридцать восьмой.

— Король? Хм... а я смотрю — симпатичный такой мужчина, видный... А он женат?

— Марь Иванна, я, конечно, знал, что вы не интересуетесь политикой, но чтобы настолько... Его величество был женат, но, к сожалению, овдовел года два назад.

— Хм... Это интересно... Такой красавец мужчина не должен быть один...

— Марь Иванна, вы не о том сейчас говорите. Сейчас надо думать о том, что с трупом делать.

— С трупом? Ой, точно, он же того... Не рассчитала я удар... А зачем с ним что-то делать? Пусть себе валяется... Кому он мешает?

— Нельзя, Марь Иванна. Короля хватятся, начнут искать... Вдруг кто-нибудь его здесь найдёт? На кого падёт подозрение?

— На дружка твоего, конечно! И что с того?

— Люди захотят отомстить.

— Ну и пускай мстят, мне-то какое дело?

— Он мой друг, Марь Иванна.

— И что теперь?

Зюзик немного подумал и нашёл убедительный аргумент:

— А вдруг он расскажет, как всё на самом деле было?

— Да кто его спрашивать-то будет?! С драконами не разговаривают! — Однако голос тёщи звучал не слишком уверенно.

— А вдруг спросят?

— Ну ладно, давай в пещеру спрячем.

— Вонять будет.

— Тебе не угодишь! Тут — нельзя, там — нельзя... Ну повоняет, и что с того?

— А вдруг в пещеру с обыском нагрянут?

— Ни разу не слышала, чтобы в драконью пещеру с обыском заглядывали!

— Так ведь и короли ещё так таинственно не пропадали.

— И что ты предлагаешь?

За спором драконы не сразу заметили, как тело короля вдруг медленно и тихо, стараясь

не привлекать к себе внимания, поползло прочь, за каменную кучу.

— Уходит! — завопила Марь Иванна. — Зюзик, добивай!

— Вы чего, Марь Иванна? Наоборот, надо помочь ему!

— Ты уверен, что так будет лучше?

Зюзик не нашёлся что ответить. С одной стороны, если король выживет, то не простит драконам нападения на свою венценосную особу. С другой стороны, убийство претило его моральным принципам. К счастью, решать дилемму не пришлось. Тёща нашла выход.

— Я знаю, как сделать так, чтобы он остался жив... и не стал нас преследовать.

— И как же? — заинтересовался Зюзик.

— Надо укусить его. Укушенный драконом сам превращается в дракона!

— Вот те на! — Зюзик был изумлён. — Ничего подобного не слышал!

— Зато я слышала!

— Ни разу не видел дракона, ставшего таковым из-за того, что его укусил дракон...

— А ты когда-нибудь видел, что остаётся от человека, укушенного драконом?

Зюзик вынужден был признать, что после драконьего укуса от человека обычно остаётся весьма мало, и то, что остаётся, вряд ли способно ещё во что-то превращаться.

— Тут аккуратность нужна. Хорошо, что я сейчас в человеческом обличье, могу сделать аккуратный укус.

— По-моему, вы что-то недоговариваете, — полувопросительным тоном сказал Зюзик. Тёщино поведение показалось ему весьма странным.

— Ничего я не недоговариваю, — ответила тёща, почему-то смутившись и покраснев. — Правда, говорят, есть один побочный эффект... Превращенный в дракона влюбляется в того, кто его сделал таким... если они разного пола... Но это так, слухи...

Поспешно схватив руку Лаксимуса, Марь Иванна укусила его за запястье.

* * *

А потом была свадьба. Меня на неё, правда, не пригласили... ну да я не в обиде. Хоть и благодаря мне его величество Лаксимус Сто тридцать восьмой и тёща Зюзика нашли друг друга.

Зюзику на свадьбе не понравилось, он шепнул пару слов королю, тот его понял и разрешил покинуть торжество, выделив пару телег с пивом и три — с закусками. И мы с Зюзиком вдвоём отпраздновали славное событие.

До самого утра мы пили пиво из бочек, закусывали чипсами, травили анекдоты — в основном пошлые — да подумывали поискать молодых дракониц лёгкого поведения... На последнее Зюзик так и не решился. Всё равно отметили славно. Хоть наутро и голова болела, а пиво закончилось...

В жизни королевства мало что изменилось. Народ даже и не догадывается, что ими правят драконы. Король стал таким же драконом, что и Марь Иванна, — то есть превращающимся в человека по своему желанию. Поэтому обычно они — люди. Лишь иногда по ночам, под покровом темноты, покидают дворец, оборачиваются в драконов и летают, летают, летают...

Новоявленная королева Марь Иванна в одиночестве прогуливалась возле пруда. Убедившись, что рядом нет любопытных глаз, она подошла к пруду, к самой кромке воды. Из зарослей камыша выбралась фея-лягушка.

— Ну как? — поинтересовалась Марь Иванна.

— Всё отлично, — ответила фея. — Они любят друг друга. Моя дочь с детства была влюблена в Лягуха. Но ты же знаешь наши принципы. Ей ничего не светило. А теперь благодаря тебе...

— Да уж, ловко я придумала с принцессой. Что если он поцелует принцессу, то она станет прекрасной лягушкой. Знала, что он поверит.

— Лягух такой... слегка наивный. Грех было не воспользоваться. Он до сих пор уверен

в том, что женат на бывшей принцессе. Моей дочери повезло — попала в царскую семью. Благодаря тебе.

— Ну я своё получила... А всё благодаря Золотому Корыту. Как увидела тогда, что стоит предпринять какие-то действия в нужную сторону, так всё потом удачно сложится... Вот, подсуежилась, такой план придумала. Там, в Золотом Корыте, я видела, что в случае похищения принцессы рыцарем король обратится к приятелю Зюзика, потому что тот живет ближе всех ко дворцу... И остальные варианты событий.

— И не говори, классно ты всё придумала... Послышались голоса — кто-то приближался, и королева быстренько распрощалась с феей-лягушкой.

— Увидимся ещё, — прошептала она на прощанье. И поспешила во дворец.

Иван Иванов

Магазин юристов

Памяти Айзека Азимова

В июле 2062 года было жарко. Тени исчезли с улиц, и духота липла к людям назойливой цыганкой. На противнях тротуаров никого не осталось, кроме неугомонных супругов Крышкиных, которые смело двигались по направлению к магазину юристов. Отец семейства, Ни-кифор Петрович, давно хотел туда наведаться — снизить алименты для бывшей жены-стервы, разобраться с наследством, получить страховку, заткнуть шумных соседей, не попасть под сокращение... Накопилось: Хлебнув горячего воздуха, тучный мужчина махнул цветастым рекламным буклетом. По такой жаре из ноздрей должно вырываться пламя. Он перевёл напряжённый взгляд на буклет, которым пытался обмахиваться. Адрес: переулок Желаний, восемь.

— Енотик, — обратился он к попугаю, — ты уверена, что мы идём правильно? Давай поглядим на схему.

Он беспомощно развернул брошюру, делая вид, будто пытается искать нужную страницу. Жена прищурилась и, не распаясь понапрасну, ответила односложно:

— Идём. — Её глаза сказали: «Вопрос исчерпан, и не строй из себя служебно-розыскную болонку».

Женщина была хороша... ну пятнадцать, в крайнем случае — десять лет назад. Впрочем, не будем копаться в этой теме, лучше выясним, почему юрист понадобился ей. Да потому, что у других есть. При помощи этого полезного устройства можно продавать и покупать недвижимость, обменивать туфли на замшевые тапочки. Кстати, вот и магазин: вывеска, ромбовидные окна, автоматическая дверь, добро пожаловать... Внешний мир исчез словно сон. Внутри дышалось легко и свободно. Холл представлял собой благоухающий цветник. Журчали искусственные ручьи, где-то в зелени пели настоящие птицы.

К покупателям выпорхнул молодой человек, поприветствовал их и жестом пригласил в павильон.

— Господа, — голос его не до конца сломался и звучал по-стариковски, — в зале прошу соблюдать тишину, не размахивать руками и не пользоваться фотокамерами.

— Знаем, — пренебрежительно отозвался Никифор, взмахивая ресницами в сторону жены. — Руками не трогать, конфетами не кормить, рожи не корчить.

— Верно, — кивнул юноша. — Прошу.

Они спустились по ступеням и попали в торговый зал — узкий, но длинный. На стенах, на потолке и под ногами лежал бледно-голубой кафель. Воздух стал влажным и тяжёлым — пахло не то рыбьим кормом, не то лекарством.

— Интересно что-нибудь? — спросил возникший из ниоткуда мужчину в белом халате. Он держал сачок, доверху наполненный чем-то копошащимся и красным.

— Да, интересует, — ответил Никифор Петрович, — юриста нам подобрать...

— Для офиса?

— Домашнего.

— На какую сумму?

— А что у вас есть? Давайте мы посмотрим, а потом решим.

— Хорошо. Следуйте по этому ряду. Будут вопросы — подойдёте. Я постоянно здесь.

Супруга уже тащила свою говорливую половину к первому стенду.

— Полосатик, ты уверена, что нам не стоит начать с конца? — осведомился Крышкин.

— Нет.

— А кто учил, что у входа выставляют самых залежалых и бракованных? Разве не ты?

— Хватит меня позорить! Делом займись. Прочти, чего они там написали про эту модель. Громко и внятно!

Убедившись, что сотрудник в белом уже не слышит их, дисциплинированный муж начал:

— Тип модели — юрист универсальный, артикул такой-то, вес пятьдесят килограммов двести граммов, комплект поставки: защита прав потребителей, правила дорожного движения, обновления один раз в месяц в сервисном центре, питание трёхразовое, сон шесть часов, жилое пространство четыре квадрата, срок эксплуатации десять лет, цена триста кредитов, производитель... мелко написано, не разберу...

— Чего его разбирать, радость моя, Китай, разумеется!

— Да, ты права, Китай.

— Следующий.

— Тип модели — юрист универсальный, артикул такой-то, вес пятьдесят килограммов...

— Пропускай, надо от семидесяти. Девочки сказали: всё, что легче, китайское барахло.

— Я предлагал с конца начать...

— Не спорь со мной! Прочитай вот про этого. Сколько весит?

— Семьдесят. Тип — юрист офисный...

— Не годится. Домашнего ищи.

— Может, его?

Любовь Потаповна приблизилась к огромной стеклянной колбе, сквозь стенки которой было видно человеческую фигуру с закрытыми глазами. Юрист висел в прозрачной жидкости, голый и неподвижный.

Она внимательно обошла товар со всех сторон, что-то прикинула и отрицательно покачала головой.

— Сзади уж очень напоминает твою мать.

— С чего ты взяла, пупсик?!!

— Мне лучше знать. Идём.

Супруги Крышкины сновали от одного стенда к другому, любознательные, упорные и неудовлетворенные. Строгий мужчина вновь возник перед ними. Теперь в его сачке копошилось что-то жёлтое.

— Хотите сами покормить?

Любовь Потаповна скривила губки и сделала вид, что вопрос адресован не к ней. Никифор Петрович виновато пожал плечами и замотал головой:

— Уж вы как-нибудь сами, пожалуйста.

Покупатели покидали выставочный зал разочарованными: даже триста кредитов дорого для Крышки-ных. Юноша с ломающимся голосом кашлянул и спросил прямо:

— Ничего не подобрали?

Они не обернулись. Юноша продолжил:

— Если надо подешевле, есть замечательная модель за сто тридцать кредитов, просто сказка!

Муж и жена вздрогнули, глаза их сверкнули и ожили...

— Мы посмотрим, — ответили они одновременно. И в этой слаженности нет ничего странного, как-никак четверть века вместе. #

— Предупреждаю, у этой модели нет сертификата категории «Б».

— Ну и что? — неуверенно буркнул Крышкин и вперился в жену, — Это же пустая формальность, я правильно вас понимаю, молодой человек?

— Так он в рабочем состоянии или нет? — уточнила Любовь Потаповна. — Чего ты смотришь на меня? Я не разбираюсь в ваших сертификатах.

Менее чем через минуту в маленькой комнате, вход в которую был укрыт от посторонних взглядов, Крышкины любовались на своё несертифицированное приобретение.

— Это просто клад! — уверял юноша. — Начинка от самых престижных моделей. Посмотрите на его кожу, профиль, пальцы, всё выглядит натурально. А в отличие от других аналогов его не надо кормить три раза в день. Я объясню...

* * *

Ночью в подъезде орали коты, а Никифору Петровичу снились кошмары. Он вздрагивал: внутри его черепной коробки первая жена, Екатерина Иосифовна, закатывала истерику.

«На мия-а-а-со пуцу! — вопила она. — Разми-а-а-жу, мерза-а-а-вец!!»

Коты скакали по перилам, как школьники на перемене, а Никифор Петрович, обливаясь потом, убегал от страшной женщины в грохочущей железной колеснице. Погоня закончилась, когда в отчаянном рукопашном бою его локоть отскочил от челюсти Любви Потаповны. Ответный удар коленом в бок вернул его в тихую заводь супружеского ложа.

— Вот стерва, — прошептал он и сразу пояснил, услышав грозное сопение: — Да не про тебя! Всякая дрянь снится, в себя прийти не могу. Переел, наверное...

— Выпей активированный уголь.

— Не поможет... коньяку бы рюмочку...

— Да спи же ты! — хрипло выдохнули в ответ, потирая измятую щеку. — И смотри, чтоб руки вдоль туловища...

— Люба, — осторожно буркнул он после минуты молчания, — как ты думаешь, он уже зарядился?

— На часы посмотри, рано ещё. Сказали, минимум двенадцать часов. Ты включил его в шесть, сейчас ровно полночь, значит ещё шесть надо ждать.

— Люб?

— А.

— Как ты думаешь, для чего выдаётся сертификат категории «Б»?

— Не знаю... Не всё ли равно теперь? Будет плохо работать — вернём. Ещё вопросы есть?

— Да я просто так спросил.

* * *

Они всегда вставали в шесть. Но в то утро вскочили в пять тридцать. Юрист лежал на дочкиной кровати. Катя ночевала у подруги. От мужской фигуры тянулось два провода, оба заканчивались в электрической розетке. Два раза в неделю по шесть часов — и не надо никакого дополнительного питания. Никифор Петрович, кряхтя, нагнулся и выдернул их.

— Люба, иди, включать будем.

— Ну включи сам! — ответила она из ванной. — Занята я.

— А вдруг я чего не так...

— Так, так! На нос надави до щелчка, и всё. Или тебе вчера плохо объяснили?

Никифор Петрович зачем-то погладил собственный нос, поднял руку, воровато

оглянулся и сделал это. Юрист открыл глаза.

— Присаживайтесь, будем знакомиться. — Голос робота прозвучал низко, серьёзно, даже официально. — Принесите паспорт, аэромобильное удостоверение или другой документ, удостоверяющий вашу личность.

— Хорошо, — кивнул новоиспечённый хозяин и без промедления всё исполнил.

— Супруга имеется? — Да!

— Свидетельство о заключении брака и паспорт жены.

Петрович принёс.

— Дети?

— Дочь! Одна штука. Семнадцать лет.

— Документы на дочь.

Документы были предоставлены без промедления.

— Квартира ваша?

— Моя, то есть жены, то есть на ней...

— Документы.

— Есть!

Шёл седьмой час утра. Юрист сканировал бесстрастным взглядом паспорт микроволновки. Любовь Потаповна шумела феном. Никифор Петрович в пижаме, сидя на полу, усердно копался в куче бумаг. От него потребовали найти майскую квитанцию за оплату телефона. Фен утих, и из ванной донеслось:

— Милый! Ты помнишь, что говорил тот парень в магазине?

— Я занят, лапка моя! Очень занят!

— Нет уж, иди сюда и послушай, дорогой! Утомлённый отец семейства поднялся на ноги и потопал в ванную.

— Ну?

— Тот парень предупредил, что кроме ночи его надо обязательно выключать один раз в день на полтора-два часа, чтобы сбрасывать напряжение.

— Ну выключим.

— Дубина! Мы на работе будем. Звони дочери и предупреди её. Понятно?

— Понятно.

* * *

Катя Крышкина чертовски хотела спать. Ноги гудели, голова весила, как авоська с противотанковыми гранатами. Это началось вчера: сидели в кафе, летали в киношку, оттуда в диско-бар, потом Витя с Рубеном повезли их с Танькой в ночной клуб «Лабиринт»... Она не спала всю ночь. В десять утра еле доковыляла до квартиры, открыла дверь, избавилась от розовых туфелек, вошла в комнату и рухнула на кровать, не раздеваясь.

Сначала звонил папа, потом мама, снова папа и снова мама. Они звонили, а дочь спала. Дочь спала, а они звонили.

Катя проснулась оттого, что папа с мамой трясут её за плечи и кричат. Мутным взором она окинула взволнованных предков и села, уронив голову на руки.

— Чего тебе, ма? Сплю я.

— Почему ты не брала трубку?!

— Я не слышала.

— Почему ты не взяла трубку?!!

— Ма! Отстань, а! Ты чё, в самом деле?

Дверь комнаты громко захлопнулась. Катя тупо уставилась в пустоту.

— Придурки, — выдохнула она и повалилась досматривать свои сны про Витю и Рубена.

Супруги закрылись на кухне, чтобы обсудить происходящее. Любовь Потаповна стояла чернее тучи, руки в боки, причёска растрёпана.

— И давно он ходит кругами по залу?

— Я здесь не намного раньше тебя, милая, — оправдываясь, отвечал Никифор Петрович. — Но он уже ходил, когда я вернулся.

— Я знала, что так получится. Оба мы хороши, понадеялись на дочку. — Жена села на табуретку. — Может, всё-таки выключишь его?

— Пробовал, бьётся.

— Чего делать-то будем? Пожарных вызовем или сразу в магазин позвоним?

— Люба... — А?

— Люб, я узнал, что такое сертификат категории «Б». Эт-то очень плохо, что мы его купили, очень плохо, ты не представляешь наск-колько! — Никифор Петрович был грустен как никогда.

— Ну?

— В лицензионном отделе на работе всё объяснили...

— Говори уже!

— Выдачей сертификата категории «Б» подтверждается, что детали, из которых собран робот, совместимы и могут работать, не нанося вреда.

— И что? Какого вреда?

— Сертификат выдаётся заводом-изготовителем. Если сертификата нет, это означает, что машину собирали не на заводе, а в подвале из того, что было. В общем, нелегально. Детали в таких случаях тестируются поверхностно, и никакой гарантии, что они уживутся, нет.

— Что ты хочешь этим сказать, милый? Мы купили фуфло?

— Ещё какое! Но самое страшное, что за это накажут не только магазин, но и нас!

Юрист вошёл на кухню, невозмутимо поясняя только что сказанное:

— Вы совершенно правы, хозяин, приобретение и использование андроидов без сертификата категории «Б» запрещено международным и внутренним законодательством. В России ответственность за это преступление впервые установлена Уголовным кодексом две тысячи пятьдесят шестого года. Если деяние не повлекло крупного ущерба, наказание составит три месяца исправительных работ. Если будет доказано причинение вреда имуществу и здоровью третьих лиц, виновный понесёт наказание в виде ограничения свободы сроком до одного года. В случае смертельного исхода вам грозит десять лет колонии общего режима на соляных копиях Ахтубинского района.

— Приехали! — воскликнула мать семейства. — Эй, умник, а ты не мог бы выключиться до завтра, а?

Искусственный юрист ничего не ответил. Он развернулся и направился в Катину спальню.

— Чё он делает? — насторожилась Любовь Потаповна.

— Сейчас воткнётся в розетку, ляжет на кровать и баиньки, — рассуждал вслух Петрович. — Правда, там уже есть Катя, и он её током ударит. Надо сказать, сильно, думаю, двести вольт будет наверняка. Мама.

Любовь Потаповна отреагировала мгновенно. Она вскочила, схватила табурет за ногу и бросилась спасать дочку. Удар пришёлся прямо по темечку. Юрист сделал пару шагов и рухнул перед дверью. По его телу пробежали еле видимые возмущения электричества, не предвещавшие ничего хорошего.

— Люба! Зачем ты так?! — Никифор догнал жену и первым делом отобрал табурет. — Может, они ещё деньги за него вернут! Ломать-то зачем?!

Юрист тем временем встал и случайно задел Любовь Потаповну. Она взвизгнула, её встряхнуло, и причёска окончательно развалилась.

— Чёрт! Чёрт! Чёрт! Никифор! Он **ОЧЕНЬ СИЛЬНО БЬЁТСЯ!** Держись от него подальше!

Супруги отошли подальше, насколько позволяли размеры прихожей, и уставились на своё наказание бешеными глазами.

— Хозяин, — произнёс робот, — обработка данных завершена.

— Может, ты это, того, — неуверенно попросил Крышкин, — в зале сегодня поспишь?

— Задача поставлена некорректно, — послышалось в ответ. — Поставьте корректную.

Любовь Потаповна ретировалась в спальню и закрылась там, как в неприступном замке, от беды подальше.

— Дорогой, разбирайся с ним сам! Человек и робот смотрели друг на друга.

— Я бы хотел, — прошептал толстяк, стараясь слиться со стеной, — я бы хотел, чтобы ты... немедленно приступил к выполнению задач.

Мало понимая, что говорит, Никифор Петрович старался отвечать в духе задаваемых вопросов. Авось повезет и кукла сама уберется отсюда.

— Поставьте корректную задачу.

Неожиданно стало ясно как день, чего хочет этот юридический комбайн. Он изучил документы, находящиеся в доме, внёс их в свою память, систематизировал и теперь готов действовать. Глаза господина Крышкина встретились у переносицы и забегали под тонкими бровями. Раз уж других способов избавиться от угрозы нет, придётся озадачить его по полной. Пускай принесёт хоть какую-нибудь пользу.

— Так, хорошо, слушай меня, — набираясь уверенности, произнёс брошенный всеми человек. — Задача первая: сделай так, чтобы мои алименты, перечисленные первой жене, вернулись обратно.

— Принято.

— Задача вторая. Гидрофокусная станция, завещанная отцом брату, должна стать моей.

— Сохранено.

— Страховая компания отказалась платить за аэро, мой прекрасный «опель», я хочу, чтобы они заплатили.

— Добавлено в список.

— Соседей из восьмисотой квартиры выселить за нарушение правил проживания.

— Принято.

Открылась дверь спальни:

— Организуй обмен этой квартиры на более просторную, без доплаты, на севере или северо-западе, первый и последний этажи отпадают, ремонт чтобы не требовался. Понятно?

— Сохранено. Открылась дверь детской:

— Пускай Рубенчика восстановят в академии, он живет на улице Хлебникова, за баней. Документы возьми у него.

— Принято в обработку.

— Эй-эй! Я ещё не закончил! — возмутился Никифор Петрович. — Вы забудёте всю память.

— Использовано десять процентов памяти, — ответил юрист.

Робот слушал их около получаса. Заявки лились как из рога изобилия. Дождавшись тишины, юрист снял с полки рожок для обуви и нырнул в хозяйские ботинки.

— Мы будем бороться! — Голос низкий, серьёзный, официальный. — Сроки давности не закончились. Доверенность не понадобится.

— Вам виднее, — вырвалось у Никифора Петровича. Хлопнула дверь квартиры. Крышкины остались

одни. Любовь Потаповна рухнула в кресло и злобно уставилась в настенный кинотеатр, на экране которого мельтешила реклама. Дочь орудовала веником и совком, а Никифор Петрович с раздражающей обеих женщин наивностью выглядывал в окно, за которым растекалась ночь.

— Мам! А вдруг он кого-нибудь поранит? У тёти Тани на первом этаже собачка, она ко всем лезет, вдруг он её того?..

— Ей полезно, — донёсся тихий ответ.

— Я позвоню в милицию! — срывающимся голосом объявил единственный в доме мужчина.

— Только попробуй. — Настенный кинотеатр заглох, кресло скрипнуло, выпуская хозяйку. — Значит, так, — в голосе Любови Потаповны созрела решимость, — про милицию забудь. Завтра ты, голубчик, найдёшь время посетить этот замечательный магазин и наведёшь справки. Пускай они его отловят, выключат и заберут вместе с ботинками, а нам вернут наши сто тридцать кредитов.

* * *

Цветы благоухали, журчали ручейки, а внизу, в торговом зале, пахло то ли кормом для рыб, то ли лекарством. За толстым стеклом ждали своих покупателей юристы. Крышкин схватил за руку человека в белом халате:

— Проведите меня к руководству, пожалуйста!

— Что случилось? Извините, вы кто?

— Два дня назад я купил здесь юриста, у меня с ним проблемы.

— Понятно. Отдел технической поддержки там. Отдел технической поддержки размещался в скучной комнатухе с белыми стенами. Там сидел парень, на футболке которого болтался бейджик «АЛЕКСЕЙ».

— Слушаю вас, — сказал он, не отворачиваясь от монитора.

— Понимаете, какое дело... Алексей, я купил в вашем магазине искусственного юриста.

— Чек, накладная, гарантийная книжка с собой? — Нет.

— Не страшно, назовите свою фамилию и приобретенную модель, я найду.

Петрович назвал. Паренёк кивнул и выдал:

— Восьмого июля Крышкин Никифор Петрович приобрел в нашем магазине, в комиссионном отделе, комплект запчастей «б/у» на сумму сто тридцать кредитов. Юристы на ваше имя не продавались.

Крышкин побледнел. Близорукий Алексей слился с монитором в единое целое и перестал реагировать на внешние раздражители. Это означало одно — разговор окончен, помочь ничем не могу.

— Но как же так?.. — Где-то внутри обманутого покупателя, под самым сердцем, улыбнулся крокодил страха. Жена будет в ярости. Уходить прямо сейчас нельзя. Надо попытаться ещё раз, — Алексей! Послушайте! Вы же знаете, какие это на самом деле были детали. Я взял целого юриста, там, в отдельной комнате. Заплатил за него, я... Я прошу помочь мне, просто... просто... вчера он сбежал. Понимаете? Немножко сломался и убежал. Понимаешь, Лёш?

Парень напрягся, но по-прежнему делал вид, что рядом никого нет.

— Боюсь, Лёш, как бы он не натворил чего плохого, вот чего я боюсь.

Пиявки безрадостных мыслей облепили Никифора Петровича, выпили остатки хорошего настроения и веры в людей.

«Ну конечно, там не дураки работают! — рассуждал он, шагая домой. — Ребята постарались по максимуму снять с себя ответственность, и это нетрудно с таким количеством юристов-киборгов. Не подкопаешься!»

* * *

Судебная система в 2062 году представляла собой единый сервер с колоссальным объёмом данных. Подать исковое заявление можно было не вылезая из пижамы, имея лишь банальный выход в Интернет. Живые судьи остались в прошлом, об их существовании и особенностях работы знали по книгам, фильмам, архивным документам. В действительности судью заменил искусственный интеллект, постоянно пополняемый и обновляемый, как любая компьютерная программа. Потребность в живых юристах отпала естественным образом. Внешнее сходство юристов-роботов с людьми — банальная дань моде и

возможность продать товар подороже.

Все разбирательства происходили в сети. Документы и отпечатки пальцев сканировались, изображение и голос превращались в файлы, под ходатайствами и жалобами стояли электронные подписи. В этой системе не нужен был транспорт, не создавались очереди, отсутствовала предварительная запись.

В споре побеждал тот, кто отправлял на сервер самый полный комплект материалов. Ответчику давалось несколько дней на подготовку возражений. Не успел — пеняй на себя. Юрист Крышкиных мог бы выполнить поручения, не выходя из квартиры, но там их пришлось бы выполнять строго друг за другом, то есть по очереди. Ему нужен был многоканальный выход, неограниченное соединение, позволяющее начать выполнение всех задач сразу в режиме реального времени. Это было возможно сделать, подключившись к системе из подвала, где имелись подходящие разъёмы. Значит, только в подвале.

Собачка тёти Тани проявила поразительное благоразумие, спасшее ей жизнь. Псина сразу врубилась, что сверху спускается не человек. А раз так, то можно тихо прикинуться ковриком и подождать минутку. Робот не обратил на неё внимания. Он спустился в подвал, внимательно (если так можно выразиться) осмотрел магистрали проводов и направился к металлическому шкафу. Искусственные пальцы содрали пломбу и ухватились за ручку. Теперь все внутренности коммуникатора доступны! Разъёмы подобраны, оборудование совместимо, устанавливается соединение... Со стороны казалось, что мастер-кабельщик с головой ушёл в работу. Он стоял в неестественной позе, согнувшись буквой «зю», отведя руки назад, и напоминал лыжника, летящего с горы.

Соединение установлено. Пароль доступа проверен. Регистрация в сети произведена. Каналы открыты. Список выгрузки сформирован и принят в обработку судебным сервером. Затылок юриста превратился в площадку для фейерверка. Из него посыпались искры, как раз в том месте, куда пришёлся удар табуретом. Сервер затребовал статус источника выгрузки. Ожидание ответа. Источник направляет зашифрованные данные. Ожидание. Данные приняты к обработке. Искры сменились едким дымком. Собака тёти Тани прикрыла мокрый нос лапкой и фыркнула. Распознавание данных. Расширение каналов. Приём задач. Распознавание... Прекратить сеанс? Нет. Источник не раскрылся. Источник классифицирован как заслуживающий доверия. Дешифровка данных начата.

Через пять минут ценное приобретение Крышкиных сломалось окончательно. До пожара, слава богу, не дошло: дым всосало в решётку климат-контроля, искрение прекратилось. Закончив передачу данных, робот оттолкнулся от шкафа, прикрыл дверцы и повалился на пол, не издав больше ни звука. Утром его нашли работяги из службы санобработки города. Убедившись, что перед ними не бродяга и не труп, они поступили просто и незамысловато — отправили находку в утиль-контейнер. В то время когда Никифор Петрович робко отстаи-

вал свои права в магазине, городская свалка принимала юриста в свои благоухающие объятия...

Когда живая система правосудия даёт сбой, она больно и неожиданно бьёт по чьей-то судьбе. Неверные выводы, поспешные решения — и вот выносятся неправосудный приговор. Если сбой даёт компьютер, то есть электронная система, сеть, накрывшая государство, устроенная таким образом, что решение окончательное и обжалованию не подлежит, за один день может пострадать огромное количество людей. Так и случилось. Раненый юрист Крышкиных отправил на главный сервер гигабайты опасных кодов. Они были сгенерированы случайно, вследствие неполадок в теменной части головы. Выполнение поставленных задач и утечка энергии не дали ему достаточных ресурсов, чтобы проконтролировать свои действия. К счастью для владельцев магазина, об этом никто и никогда не узнал. Свалка поглотила нелицензированного вредителя вместе с биографией. Через сутки местные специалисты — любители полезных находок разобрали робота на части и продали перекупщикам, те — другим знатокам ценных вещей, а те в свою очередь сбывли товар в руки подпольных производителей.

С того жаркого июльского дня прошла неделя. Город стал другим — он метался, охваченный хаосом, хохотал и плакал. Власть принадлежала случаю, во всём царила безжалостная логика ошибок. Судебный сервер заболел — он перестал жить по программе, превратившись в чудовищный аттракцион, игральные кости, выдавая решения в результате смешения споров, истцов, ответчиков, свидетелей и обвиняемых. Газеты прозвали его одноруким бандитом, карающим невинных и вознаграждающим недостойных. Беда заключалась в том, что исполнением решений тоже занимались не люди. Наличные деньги отменили ещё в 2018 году после общемирового нефтяного кризиса. Натуральный обмен был запрещён пять лет спустя. Мир давно перешёл на виртуальную валюту — кредиты, поэтому в большинстве случаев контроль сбережений, вкладов, счетов не представлял никаких трудностей. Сервер судебных исполнителей исправно арестовывал счета, перебрасывал кредиты с одного на другой, компенсируя моральный и материальный вред, исполняя судебные решения, безумные и ошибочные... по всей стране! В тюрьмы входили новые узники. Президент был осуждён за хулиганство и выслан в колонию общего режима на Алтай. Министерство культуры перечислило по миллиону кредитов пенсионерам Калмыкии. Арестованы счета Министерства обороны, признано право собственности Русской православной церкви на все угольные месторождения, запрещена деятельность общества по защите прав животных...

Никифор Петрович почесал живот и отложил газету. Вот уже пять дней они с женой не летали на работу. Страна находилась в каком-то шоке, будто каждый день ждали бомбардировки. Что за бред, нелепица, чушь?! И это правда, всё реально и без права на обжалование. Система обрушилась даже на президента, а что говорить о них, обычных людях! Толстяк вздохнул и выхлебал очередную рюмку коньяка. Одно оставалось загадкой — успел юрист ввести их данные на сервер или нет. От этого зависело многое! Если вы никогда не судились и никаким другим макаром не касались этой системы, то есть ни в качестве свидетеля, ни в каком-либо ином, тогда можно спокойно наблюдать, что творится с другими, — жалеть их или завидовать (почему бы не позавидовать пенсионерам Калмыкии, чёрт возьми?!) — но оставаться непричастным. Если данные ушли, то можно, как говорит Катя, курить бамбук и нюхать страусов. Короче, тогда уже бесполезно что-то делать...

Зазвонил телефон. Крышкин надавил потным пальцем на кнопку, заработал громкоговоритель:

— Па! Папочка, ты меня слышишь?

— Да, радость моя. Ты где?

— Я у Рубена, па, я сегодня не приду, вы меня не ждите.

— Всё нормально?

— Да, пап. Представляешь, Рубену выплатили компенсацию за чей-то моральный вред, триста кредитов, представляешь?!!

— Круто, дочь, он просто счастливчик. — У Петровича перехватило дыхание. Везёт же оболтусам!

— Па, это ведь потому, что он однажды подрался и чуть не угодил в тюрьму, правда?!

— Ну, возможно, значит, его данные были в компьютере...

— Па, я просто в шоке! Он ведёт меня в «Цитрус», самый дорогой ночной клуб города! Это ж просто крутизна!

— Я рад за тебя, Катя!

— Ну пока, пап, нам пора лететь! Скажи маме сам, я не хочу с ней разговаривать.

— О'кей.

— Пока! — Она отключилась первой.

«Ввёл данные или нет? — мысленно спросил у бутылки толстяк. — Какой кирпич упадёт на мою голову?» Жена у соседки, обсуждает последние новости и небось задаёт себе тот же самый вопрос. Ему вдруг захотелось посетить магазин. Эти ребята наверняка терпят огромные убытки, ведь юристы уже никому не нужны. Система перестала выходить на контакт, и юристы остались без работы, а товар без покупателей. Он не пожалел денег и

вызвал такси.

— Всё дело в грамотном управлении бизнесом, — уверенно и с охотой объяснял мужчина в белом халате. Он держал сачок, доверху наполненный чем-то копошащимся и красным. — Мы использовали имеющиеся виды и внесли корректировки в их программный комплекс, ничего более. Мы даже не стали менять цену, ведь перед вами те же тела, те же энергетические запасы и, по сути говоря, тот же уровень сообразительности моделей.

Крышкин оказался среди зевак, заглянувших в магазин с ромбовидными окнами. Он ожидал увидеть их зашторенными и тёмными, а на входе должен был красоваться огромный замок, но странно... изменилась только вывеска. Теперь входящих приветствовал МАГАЗИН ДОМАШНИХ ВРАЧЕЙ.

— Посмотрите, как легко диагностируется заболевание, — заливался продавец, орудуя сачком, словно указкой. — В кисти рук наших домашних врачей встроены блоки для ультразвукового исследования, глаза позволяют получить самые точные данные о состоянии костей, возможно быстрое снятие кардиограммы и даже принятие родов в домашних условиях. По-моему, это совсем неплохо, не правда ли? Модельный ряд представлен лучшими производителями. Цены на любой вкус, выбирайте.

Никифор Петрович отделился от группы и медленно пошёл к выходу. Он снова почувствовал себя обведённым вокруг пальца. Поднявшись наверх, в цветущий холл, он остановился и принялся отрешённо разглядывать разбросанное тут и там многообразие бутонов, колокольчиков, коробочек и прочих причудливых форм растительной жизни. Скоро он услышал, что из зала поднимается ещё кто-то.

— Ничего не подобрали? В ответ что-то буркнули.

— Если надо подешевле, есть замечательная модель за сто двадцать кредитов, просто сказка!

Неразборчивое бурчание.

— Это просто клад! Начинка от самых престижных моделей. Но должен предупредить вас, у этой модели нет сертификата категории «Б». Сами понимаете, формальность, но зато как бьёт по цене. И ведь мы ничего не выигрываем, совсем ничего.

Голоса удалились и исчезли. Никифор вспотел. Он выбежал прочь, в жаркий летний день, задышавшись, совсем забыв про такси, ожидавшее его у входа.

— Вам плохо? — Шофёр окинул Крышкина безразличным взглядом.

— А? Нет! Это я так, воздуха не хватает... — Он с трудом втиснулся в салон.

— Ничего, щас будет прохладно, закрывайте дверцу.

Мужчина за рулём выглядел скучающе-равнодушным. Собрался выключить телевизор, просмотром которого убивал время, но беспокойный пассажир остановил его:

— Пускай работает, хочу новости послушать.

Жёлтый аэро поднялся с медлительностью аквариумной рыбки, дождался свободного места в воздушной магистрали и слился с потоком летящих собратьев. Ведущий на экране жёстко экономил эфирное время — строчил фактами, не позволяя себе дышать и моргать.

— Пресс-секретарь Федеральной службы безопасности сообщил: причина сбоя системы правосудия обнаружена и распознана. Установлен предположительный виновник, меры к задержанию и аресту которого уже предпринимаются... Премьер-министр Кубы Дэн Вашингтон заявил, что готов оказать России гуманитарную помощь в обмен на разрешение по устройству военных кубинских баз во Владивостоке и на Камчатке... В последние дни наблюдается рост нелегальных переходов через государственную границу Российской Федерации в Казахстан, Украину и Китай, сообщил министр внутренних дел Магомед Магомедов, в основном это российские граждане, получившие по ошибочным решениям судов крупные денежные суммы... Продолжение выпуска новостей после короткой рекламы...

— Американцы, как всегда, хотят с нас поиметь, — деловито продолжил водитель. Он отключил звук и взялся разъяснять обстановку: — Правильно делают, кто бежит. Отхватил, значит, не сегодня завтра могут отнять. У казахов, хохлов и китайцев наши карточки тоже в

ходу. Если перечислить в ихнем банке на другой счёт, то, считай, отмыл. Продумано всё. Эй, козёл, че ты жмёшься?! Дорога узкая или летать не умеешь?!!

Машину тряхнуло. Слева и справа к такси словно прилипли два белых легковых аэро. На языке оперативных сотрудников этот приём назывался «тиски». Зажатый таким образом аэромобиль становился беспомощным. Управлять нельзя, выпрыгнуть тоже нельзя. Поимка прошла успешно. Слегка помятую жёлтую капсулу спустили в небольшой тихий дворик. Водителем никто не интересовался. Забрали Крышкина. Он закатывал глаза и хватал ртом воздух. Обыскали, отняли паспорт и усадили к себе.

— Кто вы? — спросил он, озираясь по сторонам.

— Не догадываешься?

— Нет!

— В конторе объяснят.

— Понял теперь, какую кашу заварил, Никифор Петрович? — Полковник службы госбезопасности Карпенко, высокий худой мужчина в коричневом пиджаке, внимательно смотрел на задержанного. — Это тебе не видеопиратство, а подрыв государственной власти с далеко идущими последствиями. Осознал?

Пленник вскочил, вытянулся по струнке и, густо покраснев, крикнул:

— Осознал!

— Сядь, я тебя умоляю, Петрович... Зачем же ты его в подвал послал, а?

— Виноват!

— За-чем? — Полковник не сводил глаз с допрашиваемого.

В ответ тишина и лысеющая макушка, покрывшаяся пятнами. Карпенко перевёл всепонимающий взор на телефон и кого-то набрал. Включилась громкая связь.

— Владимир Николаевич, это Карпенко.

— Докладывай.

— Да вот гражданин Крышкин тут у меня в гостях, признаётся чистосердечно, но ничего поделатъ, так сказать, не может. Что мы делать с ним будем? Может, сразу в Москву, пускай у тамошних голова болит? Мы своё дело сделали — причину нашли, человека задержали...

— И я не вижу смысла с ним маяться, отправляйте вечерним рейсом в Москву.

— Ну во-от, — удовлетворённо протянул Карпенко, расплываясь в улыбке. — Приятно было познакомиться, Никифор Петрович.

— С семьёй-то проститься можно? — всхлипнул «главный злодей месяца».

Сотрудник органов что-то прикинул и кивнул:

— Говорите номер, я наберу.

Крышкин назвал сотовый жены. Общение проходило в режиме громкой связи:

— Пупсик?

— Ты куда делся? Я чё-то не поняла, родной! Карпенко ухмыльнулся и вопросительно взглянул на

вспотевшего в сотый раз пленника.

— Пуп-сик, ты только не ворчи, я должен тебе кое-что сказать...

— Нет, это я должна тебе кое-что сказать, дорогой! — Изъяснялась она, как всегда, резко.

— Я должен уехать в Москву, так надо, я потом всё объясню, не хотелось бы тебя заранее расстраивать... Может быть, ты даже догадываешься... — Крышкин с трудом подбирал слова, выпрашивая подсказку у скучного полковника.

— Я прекрасно всё знаю, по телевизору уже показывали, — сказали из динамика более спокойным голосом. Карпенко напрягся. — Что ж, дорогой, похоже, тебе повезло впервые в жизни, нам всем наконец-то по-настоящему повезло!

— О чём она? — не выдержал Карпенко, вклиниваясь в разговор. — Что вы видели, гражданка, по какому каналу?

— Ха! Канал судебных новостей, разумеется! Полчаса назад решением областного суда

Никифор Петрович Крышкин признан недееспособным!

— Пупсик! — взвизгнул государственный преступник, хватаясь за голову.

— Над ним установлена опека и сумма ежемесячного содержания три тысячи кредитов...

Карпенко крикнул.

— ...опекуном назначена конечно же я... Никифор Петрович превратился в два огромных

краснеющих уха.

— ...из средств Министерства обороны... Карпенко поправил пиджак.

— ...другим решением в мою личную собственность передано всё федеральное имущество, расположенное на территории города. Вот умора! Теперь я могу пойти в налоговую, к фээсбэшникам, военным и затребовать с них аренду! Ха-ха-ха! Соседка Таня позеленеет. Ты хоть слушаешь меня?

— Мы вас внимательно слушаем, — ответил за всех Карпенко.

— Но самое главное...

— Не томи, родная! — Крышкин вцепился в столешницу так, словно только по ней можно было выкарабкаться из абсурда.

Громкоговоритель всхлипнул.

— Ах! — вздохнул динамик, Любовь Потаповна плакала. — И самое главное, о чём должна знать страна. Уй, я готова разрыдаться... Временно исполняющим обязанности президента на период отсутствия отбывшего на Алтай главы государства назначен... Ой, я сама в это почти не верю, но сегодня объявлено решение Конституционного суда, дорогой, а это, знаешь ли, не рецепт шарлотки... Сегодня временно исполняющим обязанности президента... назначен... Катюшкин жених и, я думаю, практически наш единственный сын — Рубен-чик... — Прошептав имя будущего зятя, Любовь Потаповна ушла в такой счастливый, всепоглощающий плач, что Карпенко не выдержал и выключил телефон.

— Что мне делать, товарищ полковник? — совсем растерялся пленник, удерживая столешницу, словно падающее дерево. — Мне ведь теперь всё равно. В её глазах я и раньше не был дееспособным, но теперь станет ещё хуже.

— Лучше не будет, я людей по голосу раскусываю. — В словах следователя сквозило участие. — Слушай, Петрович, скажу тебе по секрету, у меня этот бардак уже вот здесь, вот здесь и вот здесь. Ни минуты покоя! Подожди, начальство звонит. Да, Владимир Николаевич!

— Карпенко! Я всё слышал, немедленно освободи его, если хочешь остаться полковником.

— Да я уже понял. Его, собственно, никто и не держит... Никифор Петрович, примите мои извинения, вы абсолютно свободны.

— Куда вас подбросить, Никифор Петрович? — строго спросила громкая связь. — В нашем распоряжении, между прочим, весь аэрофлот страны.

— На Кубу, — решительно ответил он, разжал пальцы и осторожно вышел из-за стола. Неровной походкой прошёл к окну, посмотрел на залитый солнцем двор. — Да, пожалуй, на Кубу.

Маргарита Бобровская

Домовой. Рассказы дяди Васи

Памяти В. С. Покровского

Дело было в Стрельне. Жил я с семьёй в старом многоквартирном доме. Целый квартал таких домов был когда-то выстроен на деньги купцов, а потом превращен в коммуналки. В

узкий тёмный коридор выходили двери квартир, а в конце его стояла лёгкая приставная лестница на чердак. В этом коридорчике и собирались соседи-мужички за пачкой папирос. Жил среди нас один старик. Не то чтобы особняком держался, но в друзья никому не навязывался, на вид был угрюм и замкнут. О прошлом старика никто из соседей не расспрашивал, но все подозревали, что при случае можно услышать интересную биографию. Несмотря на свой почтенный возраст, он сохранил прямую спину и твёрдую походку. Седой, он походил на колдуна или знахаря. К тому же старик знал все церковные праздники и умел заговаривать болезни, но непонятно было, верит он ревностно в Бога или водит дружбу с нечистой силой. Его даже звали, как раньше звали всех домовых, — Серафимыч.

Наше поколение атеистами воспитывали — икон в домах не было, а если и были, то не в красном углу, а в шкафу на полке; крестили тайно, да и церкви почти все закрытыми стояли. И вдруг на тебе, сосед — верующий!

Непорядок! Надо поспорить, посмеяться... Дурачье! Однако женщины за советом бегали к нему постоянно — как лечить да как хоронить.

Мы же, боясь признаться в том самом себе, с удовольствием слушали его редкие рассказы и байки, доя приличия подшучивая над их религиозной и мифической подоплёкой. Вот однажды старик завёл речь о домашних духах, и я как бы на полном серьёзе спросил:

— Вот сколько слышу от тебя, Серафимыч, сказок, а сам домовых не видел. Можно на них посмотреть? Или нету их совсем?

Старик оживился, взглянул с недоверием — не подшучиваю ли я над ним. Потом усмехнулся, закурил и, растягивая слова, ответил:

— Домового-то увидеть можно, только это очень страшно!

Весёлость с меня мигом сошла. Я в недоумении посмотрел на соседа.

— Шестого июня будет Троица. Под этот праздник возьми борону и ступай на чердак. Как залезешь, увидишь домового — на печном борове сидеть будет. Но смотри не струхни — лицо у него будет твоё собственное!

Тут старик сверкнул глазами, а я аж вздрогнул!

— На голове у него будет шапка. Если ухитришься сорвать её, с этой шапкой сможешь летать на шабаш! Но тут же уходи, да перед собой держи борону и спиной к домовому не поворачивайся, а то каюк!

Тут Серафимыч, попыхивая папиросой, опять помрачнел, глаза потускнели, и он снова превратился в старого знахаря.

Каждый из соседей тогда подхватил тему — вспомнили, как однажды приняли за домового кто мешок картошки, а кто вора-домушника. Пошумели и разошлись, а я стоял как зачарованный, глядя на чердачную лестницу.

Всю ночь я не спал — всё представлялся мне этот домовый с шапкой. Только собственное лицо я на нём представить не мог — это вам не в зеркало смотреться! А ещё я постоянно ловил себя на мысли: «Где достать борону?» Твёрдо зная, что история эта покоя не даст, я решил проверить рассказ Серафимыча на деле.

На следующий день я отправился на поиски бороны. Облазил всю Стрельну — так и не нашёл. Да и не хотел находить, представляя её размеры и вес. Всё равно что тащить на чердак ковш от бульдозера! Так вот, возвращаясь я с этих поисков, захожу в наш дворик. А моя жена под окошком какие-то цветы сажает. Лейки-лопатки на земле, а у завалинки, сиротливо так, стоят грабли — как будто на меня смотрят! «А чем, собственно, грабли от бороны отличаются? Всё то же самое, только с черенком, и нести легче!» От радости чуть не подпрыгнул! Ну, думаю, теперь только праздника дожждаться.

Ждать пришлось недолго — в делах дни пролетели, и наступил канун Троицына дня. На моё счастье, начались белые ночи, и в чердачное окно на чердак проникал хоть и тусклый, но свет.

Как только настал вечер, в меня будто бес вселился: выйду, посмотрю на лестницу — рано ещё: то мужики покурить соберутся, то женщины посплетничать останоятся. Часам к одиннадцати все уgomонились и разошлись. Жена моя тоже уснула. Я тогда взял грабли и

дверь тихонько прикрыл. А свет везде погасили — коридор тёмный, хоть глаз выколи. Да такая меня жуть взяла, аж коленки дрожат. Но отступить поздно — Троица раз в год бывает. Поднялся я по лестнице, открыл люк, а грабли не лезут! Я и так их, и сяк — широкие больно! Еле-еле втиснул их бочком, а потом влез сам. Дрожу весь, как лист осиноый, — с чего? Непонятно. Ничего ещё не увидел! Пыльно на чердаке, окошко маленькое, грязное. Как глаза привыкли, стал этот боров искать. А трубу сбоку заставили каким-то хламом: и коробки там, и кровати — чего только не натащили! Обхожу я этот хлам, а за ним, на борове, домовый сидит, в шапке! Ну всё, как Серафимыч говорил!

Я остоленел... Стою с открытым ртом, в грабли вцепился! А домовый не шевелится, голову на грудь уронил и спит будто. Даже лица не видно — моё оно или чужое. Тут я вспомнил, что задерживаться нельзя, сдёрнул с его головы шапку и вроде бежать, но, от страха наверное, замялся и думаю: а зачем мне эта шапка понадобилась? Ну неужели я на шабаш летать буду? И вообще, как мне с ней обращаться? Наизнанку её выворачивать или задом наперёд надевать? Нашёл время думать! Домовой тем временем проснулся и замычал что-то нечеловеческое! Я грабли подхватил и назад. Помню, что спиной поворачиваться нельзя, и пчусь задом. А сила эта нечистая вдруг встала и пошла на меня! Мычит и руками машет! И откуда прыть у меня взялась? Я как затрусил, да и забыл, что люк открыт. Ну и ухнул туда! Спасибо граблям, что сразу туда не пролезли, а то не собрать бы мне костей! Повис я, значит, на граблях, держусь за палку, ноги барахтаются — лестницу ищу. А она, зараза, заскользила и сползла бесшумно по стеночке. Тут я голову поднял и вижу, что домовый этот ко мне из люка наклоняется — чёрный весь, как чёрт, страшный! Я заорал благим матом на весь дом и палку с перепугу выпустил. Треснулся об пол, и всё. Не помню ничего, наверное, сознание потерял. Очнулся, а вокруг меня мужики — кто с ножами, кто с топорами — подумали, что воры залезли. Они, конечно, спрашивают, что я на чердаке делал-то? Ну я и рассказал всё, как есть. Те, кто со мной рассказ Серафимыча слышали, смекнули, что к чему, и как покатытся со смеху! А я сижу, как дурак, ничего не понимаю. Тут один говорит: «Серафимыч! А ты-то что на чердаке забыл?» Я поднял голову, а надо мной, господи помилуй, домовый стоит! Я пригляделся—и впрямь Серафимыч! Старик рассмеялся в усы и говорит:

— Не спалось мне что-то — мысли в голову лезут. Думаю, старый я стал. Вдруг до зимы не доживу? Дай доброе дело сделаю, пока жив, — боров печной почищу. Прошлую зиму какая тяга плохая была, а? Но из молодых ведь никто не знает, что к чему! Пошёл на чердак. Почистил трубу от сажи, боров собрал и сел отдохнуть. Так и уснул. Просыпаюсь — надо мной стоит кто-то, с граблями! А это Василь наш, на домового посмотреть пришёл! Ну что, насмотрелся?

Тут все, конечно, со смеху попадали! Я потом долго помнил, что с нечистой силой шутики плохи!

Когда мы съехали из этого дома, меня ещё долго не покидала мысль — может, Серафимыч этот и был настоящим домовым? Кроме него, об этом никто, конечно, не знал. Рассказывали, что дом наш простоял ещё не один год. Весь квартал снесли, а он стоял. Да вот только, как умер старик-то, и его сровняли...

Франтишка Вербенска

Меч с золотой чешуей

Демон принял образ большой золотой рыбы и осторожно, как делают это карпы, осмотрел водную гладь, укрытую сумерками. Раньше спокойствие реки в этот нас могли нарушить только лошади. Но теперь всё изменилось. Он уже не мог защитить свою реку и только печально наблюдал, как неотвратно уходит из неё жизнь и вода умирает от грязного белья, мусора, а кое-где и от разлагающихся тел мертвецов. Люди... Многие

столетия он наблюдал за жителями гор — они были шумными, громогласными, глупыми, но временами очень забавными... Временами...

Меч свистнул, с мерзким хлюпаньем прошёл сквозь тело и упёрся в позвоночник. Грознат, дворянин из замка Стрела, встретил коленом живот противника и вытащил лезвие из трупа. Над местом битвы раздался жуткий рык. Воины противника закружили вокруг солдат Пржемысла. Они со всех сторон окружены копьями, их силы неравны.

На возвращение домой остаётся только надеяться. Там, на невысоком, лесистом холме между рекой и вершинами гор, поросших соснами, стоит крепость. Из-за высокой стены на дорогу смотрят молодая женщина и её сын Мартин, который до сих пор находится под материнской опекой...

Кому-то из чехов всадили копьё под подбородок так, что размозжили лицевые кости. Солдат хрипит, висая на копье, и пытается сломать древко. Конные отбиваются от мечей атакующих. Пешие тянут коней за хвосты, пытаясь скинуть седоков, чтобы они, потеряв силы, упали в кровавое месиво битвы.

Доспехи Грозната уже блестят красной влагой, мокрые волосы свисают сосульками, из раны на руке сочится кровь. Огонь безумия искривил его губы. С диким криком он врывается в армию Мишняна, навстречу ошетилившемуся оружию. Он словно увяз в болоте, как будто запутался в терновнике... и чувствует, как холодная сталь проникает в его плоть.

Мелкий дождь омыл крепость с высокой стеной и заплакал над горем мальчика с длинными детскими кудрями и его матери.

* * *

Вдова Грозната, пана из Стрелы, искала защиты у пана Бавора из Стракониц, своего двоюродного брата. Молодой вельможа, который был приближен к королю и собирал имения, как чернику в лесу, выказал ей снисхождение, какое оказывают крестьянам, но не более того. По просьбе двоюродной сестры, которая в своё время вышла замуж за небогатого человека, он принял Мартина ко двору. Будет служить дамам в качестве пажа, научится хорошим манерам, верности церкви и преданности ленивым панам.

Вскоре пан Бавор уехал в сопровождении королевской стражи, чтобы свидетельствовать при подписании важных бумаг и вести переговоры с сильными мира сего. Пажу Мартину впервые пришлось засыпать в одиночестве. Он тихо плакал, лёжа на соломе в сарае, как и подобает новичкам.

Когда Мартину исполнилось четырнадцать лет, ему торжественно вручили меч.

Способный в искусствах, которые надлежит знать пажам, смелый в драках, но не в речах, он был готов сопровождать своего господина на дорогах войны и мира. Он не имел ни громкого имени, ни звучного прозвища, поэтому должен был выполнять чёрную работу, которая недостойна героев и мало способствует продвижению по службе.

Годы утекали, словно вода в златоносной реке Отаве, на которой стояла крепость Стрела. А в замке Страко-ницы сын Грозната приближался к своему совершеннолетию.

Мартин мечтал о рыцарском поясе, но юноша мог получить его только с благословения короля, некоторых титулованных особ или своего высокородного господина.

Пан Бавор, как и подобает вельможе, держал большой двор с немислимым количеством челяди. Он был вечно занят или находился в дороге, так что до племянника ему не было никакого дела, он просто выкинул его из головы. У Мартина практически не было шансов совершить какой-либо подвиг. Он не мог сделать ничего такого, чтобы дядя заметил его или хотя бы вспомнил о Мартине.

Каждый год с приближением весны человеческую душу терзает тоска, как завывающий ветер, который пригибает кустарник. Измаявшийся без дела Мартин отыскивал страконицкого капеллана.

— Ты хочешь исповедаться, сын мой? — спросил он ласковым голосом и всплеснул

морщинистыми руками.

— Святой отец, я хочу тебя кое о чём попросить, — сказал Мартин, который чувствовал себя увереннее с мечом в руках, нежели со словами на языке. — Как только мой дядя вернётся из земель франков, передай ему оружие, которое он мне подарил, и мою просьбу освободить меня от присяги и службы начиная с этого момента.

Оставив капеллана с открытым ртом и мечом у ног, Мартин прошёл ворота, пеший и безоружный, — так, как пришёл пятнадцать лет назад, с непокрытой головой и босой в знак своей покорности. Но шёл он прямо, гордо неся свою голову и напевая «Роза красная в саду цветёт».

В селе, которое принадлежало крепости Стрела, осталось пять полуразрушенных домов, к ним со всех сторон подступало болото. Среди вересковой пустоши росли только полынь и чертополох. Крыша родительского сарая обвалилась, во дворе кричали серые утки и ковылял старый конь. Управляющий Стрелы одряхлел ещё больше, он кашлял и путал слова. Мать умерла — февральские морозы унесли её с собой. А Мартин об этом ничего не знал.

В комнате стоял тяжёлый аромат трав, которыми окуривали постель умирающей. На стене висел деревянный крест, а в углу — меч, оставшийся от кого-то из предков, тяжёлый и плохо сбалансированный. В сундуке у стены после умершей остались только чётки да потрёпанный кошелек с восемью грошами.

Мартин взял оружие и взмахнул им. Лезвие завихляло в воздухе.

— Я сильный, я могу наносить смертельные раны, — утешал он себя, — но простая секира ударила бы быстрее...

* * *

Если бы не вспорхнувшие вьюрки, Мартин и не заметил бы мальчика. Его длинные волосы сливались с коричнево-зелёными цветами наступающей весны. Волнистые пряди скрывали молодое лицо чужака, измождённое и бледное. Он сидел на земле, привязанный к стволу сосны. Казалось, что, если бы не верёвка, он давно упал бы. Его путы были сплетены из лыка и до огненных ссадин натёрли нежную кожу.

Следы на вересковой пустоши и просеке говорили о схватке. Как минимум с тремя разбойниками, что удивительно для такого молодого и хрупкого юноши. Рассерженные сопротивлением или разочаровавшись в мелкой поживе, разбойники оставили его, безоружно-

го, на медленную смерть. Но почему? В волосах на темени были комья земли и стебли травы, словно его хотели похоронить заживо. Откуда он тут взялся? Не деревенский, вообще не местный, немного похож на странствующего клирика... Возможно, купеческий сын, который заблудился в лесу. Но как он сюда попал? Нестыкуемые мелочи насторожили Мартина: неужели это ловушка лесных разбойников? Будь что будет. Разве не является рыцарским девизом охранять тех, кто в опасности? Не раздумывая дальше, Мартин достал охотничий нож и разрезал путы.

— Клянусь святым Михаилом и святым Иржи, что отомщу тем, кто напал на тебя и отобрал твоё имущество. — Освободив путника, он напоил его водой из кожаной фляжки.

— Ты не должен обязывать себя клятвами, Мартин из Стрелы, — ответил юноша. Он был очень слаб, чтобы двигаться. — Они из твоей деревни, но они не хотели взять ничего из того, что у меня есть.

— Я понимаю, это была злая шутка, но я не понимаю, почему ты не освободился сам? — с удивлением произнёс молодой дворянин. — Немного постараться, и ты достал бы до узла, а потом...

Глаза юноши, синие, как воды реки, широко распахнулись.

— Они не шутили, а я не мог дотянуться до узла, он из... — Юноша закрыл глаза и зачастил, словно в лихорадке: — Заговорённая земля имеет силу, металл в теле мешает

превращениям, а лыком можно опутать водные сущности...

У Мартина перехватило дыхание: он помог злему речному духу!

— Я не дух, — обиженно возразил водяной и с трудом сел в папоротниках. — Мы из мяса и костей, как и вы. Истекаем кровью, если ранены, стареем, хоть и медленнее. Рождаемся и умираем, как нам поручил Создатель, кто бы он ни был.

— Вы причиняете вред людям, — твёрдо сказал Мартин. Он снова поднял свой нож и направил его на юношу. — Вы топите людей и животных, вызываете бури и наводнения, приносите болезни!

— Я похож на монстра? Если бы я не был Моеком, рождённым в прибрежной пещере, но был бы Моеком, рождённым человеческой женщиной, которого крестили бы по вашим канонам, я имел бы право на законный суд, если бы меня ложно обвинили, и возможность выбрать рыцаря, который защищал бы меня в бою. Пока ты думал, что я человек, ты помогал мне...

Мартину стало стыдно, и он воткнул нож в ствол сосны. Он переборол страх и неприязнь, помог водяному встать и обнял его в знак примирения. Однако целовать его не стал, как поступил бы с человеком в этом случае.

— Не понимаю, почему я должен причинять вред без всякой причины тебе или другому человеку твоего народа? Вы сами себе причиняете достаточно вреда! Я отблагодарю тебя за освобождение и выплачу свой долг чести. — Моек решил, что не будет рассказывать человеческому юноше о мире чар и таинственных сил, в котором каждая вещь и каждый поступок должны быть вымерены и оплачены. — Чего ты желаешь?

Мартин рассмеялся от неожиданного вопроса.

— Расскажи мне, как там у вас с девчонками? — спросил он лукаво.

Моек смерил его испытующим взглядом.

— Не хуже ваших, — произнёс он до смерти важным голосом. Его глаза сверкали, как поверхность воды, на которой отражается солнце. — Но если встретишь русалку, то поймёшь, что домашняя каша чужаку калач.

Мартин покраснел и замолчал. Он не хотел влезать в такие нюансы. Моек лишь ухмыльнулся.

* * *

Так сплелись жизни Мартина из Стрелы и Мое-ка-водяного. В крепости, сидя у очага, они вместе строили планы. Мартин с чашей хмельного мёда — из последних запасов, а Моек с вином, разбавленным до такой степени, что почти не отличалось от воды. Он признался, что не переносит крепкие напитки.

— А превращусь-ка я в кубок, прекрасный, как закат солнца! — предложил Моек. — Продашь меня на рынке и получишь деньги на дорогие доспехи и боевого коня, с которым добудешь рыцарские шпоры и славу!

Мартин помрачнел.

— Это обман, поступок, недостойный рыцаря, — выдохнул он огорчённо. — Ведь ложь — это смертный грех!

— Нисколько, — продолжал Моек — со странностями людского поведения он уже был знаком. — Ты просто предупредишь купца, что это не простая драгоценность. Что она имеет необычные способности и требует бережного обращения.

Сказано — сделано! Но не всё у них вышло гладко. Ювелир торговался хуже, чем дьявол за грешную душу, и заплатил мало.

Моек, превратившийся в золотой кубок, инкрустированный кораллом и янтарём, тихо выл, когда в него наливали горячее вино и края щекотали усы и губы. Потом кто-то из весёлого общества налил в кубок крепкую паленку — вишнёвую водку, она и вернула Моеку его настоящий облик водяного.

Благородные пань разбежались в испуге! Водяной демон с большими глазами, как у

ящерицы, и зелёной чешуйчатой кожей оскалил на них зубы, острые, как у щуки. Когда же гости отважились вернуться — вместе со священником, святой водой и распятием, — комната была уже пуста. Только чёрный кот тенью проскользнул между ног.

— Я слышал, — начал Моек, как только вернулся в Стрелу в человеческом обличье, — что король Прже-мысл готовит поход в австрийские земли, отплатить за те беззакония, которые тамошний владыка чинил на вашей земле. Меч у тебя есть, если хоть что-то умеешь — быстро получишь более благородное оружие, верь мне! Пока обойдётся без кованого доспеха с цепями. Того, что мы заработали, хватит на кольчугу, наручи и кожаный шлем с ободом. Щит сделаем сами, из хорошего дерева и крепкой кожи — будет прочнее стального!

— Не хватает боевого коня, — вздохнул Мартин и забрал его у соперника с шахматной доски. Игрой в шахматы они коротали время.

— Коня... — важно протянул Моек. — Конём буду я! Только удила не возьму. Я и так буду тебя слушаться.

И если в человеческом обличье Моек был неказист, то в образе вороного коня он был просто прекрасен! С благородным изгибом шеи, могучий, ретивый, с водопадом шёлковой гривы и с блеском отваги в глазах.

— Хорошо, что на боевом коне не путешествуют, — сказал Моек, когда Мартин сел на него, — ты тяжёлый! И когда это ты успел растолстеть? Хорошо ещё, что нам не удалось достать кованые доспехи. А то понадобились бы ещё два коня на смену, а кто бы тебе их искал? Седло жмёт... сделай с ним что-нибудь! И прошу, по возможности корми меня рыбой, пока я буду в этой шкуре!

Чешское войско готовилось к походу в австрийские земли. Развевались флаги с огненными орлами и серебряными львами. Собирались земские воины, сосредоточивались по общинам. Гетманы набирали людей в отряды. На службу в один из них и нанялся Мартин. К нему приставили слугу, чтобы тот заботился о коне.

Но поход не был удачным.

Не было громких побед, благородных сражений, похожих на рыцарские турниры, непобедимых рыцарей, одним взмахом меча разгоняющих толпу. Только жажда и голод, пепел и земля, превращенная тысячами ног в месиво, вонь и грязь, гнойные раны и боль, горящие деревни и люди, ставшие дымящимися головешками, и измотанные кучки чешских солдат, побитых, как затравленные звери.

Мартин перестал понимать происходящее, он знал только, что воюет. С горсткой смельчаков он прикрывал отступление последнего отряда рассыпавшегося войска. Моек помогал ему, как мог, в шкуре жеребца:

бил противников копытами, зубами вырывал из сёдел. Неприятельское подкрепление приблизилось к их отряду. Крики воинов и коней, встающих на дыбы, треск брони, падающие люди, брызги кровавой влаги, глаза, глядящие в вечность...

— Жаль твоего коня, — бросил Мартину кто-то из раненых солдат в рваной кольчуге. — Немного ему осталось. Нуда нападение мы отбили... теперь будем убегать от преследователей. Но посмотри, одна задняя нога почти отрезана, висит только на коже. Не мучай животное...

— Я хочу с ним попрощаться, — сказал Мартин ожесточённо, вытирая рукой лицо, запачканное кровью и грязью. Конь у его ног стонал, пытался встать. — Догоню вас, не бойтесь.

Но ждали его напрасно. Все решили, что он мёртв или взят в плен.

Тех двоих охранял Бог. Помогали ли им морские виллы Дуная, болот и трясин или собственное терпение, меч и волшебство? Но в Стрелу они вернулись после трёх месяцев скитаний. Моек сильно хромал, правая нога его была искривлена.

— Не быть мне водяным, — сказал сухо Моек, — я потерял плавник. Если бы ты бросил меня в австрийских равнинах, меня бы точно растерзали огнивы и диво-женки.

— Больше мне не помогай, — ответил Мартин, — твой долг уже оплачен. Ты и так еле живой. В третий раз, боюсь, нам не уйти от смерти.

— Я не гожусь в бой, — согласился Моек, задумчиво протягивая руки к огню, — но если ты совершил ошибку — делай то, что умеешь, и то, что потешит твоё сердце.

При дворе пана Бавора все очень ценили барда, который прекрасно играл на лютне и других музыкальных инструментах. Он сочинял героические оды и любовные баллады, от которых благородные дамы краснели и бросали страстные взгляды на своих рыцарей. Барда звали и другие вельможи, золотом платили за нежный голос и очаровательный напев. Он обходил стороной выпивку, забавы и обжорство... А то, что был хромым, никого не смущало. У него были хорошие манеры, золотистые кудри, милое лицо и другие достоинства.

— Я пытался, — сказал он однажды в Стреле, — заработать достаточно денег, за которые покупают любовь женщин и покорность мужчин. — С этими словами он выложил на стол ряд мешочков с округлыми звенящими бряжками и живо добавил, как только увидел, что у Мартина напряглось лицо: — Но для тебя я останусь защитой. Ты заплатишь собственным потом и кровью, добывая рыцарские шпоры.

Однако украшения, которые ему подарили милые дамы, Моек всё же сохранил — не из жадности, но из уважения и на память.

Когда через несколько лет на престол взошёл молодой король Вацлав и снова пошёл войной на Австрию, в дружине пана Бавора шёл воевать и Мартин из Стрелы, одетый в добрые доспехи. И чешские воины, опустошив вражеские земли, через пять недель вернулись домой с победой и богатыми трофеями.

На одиноком холме потом выросли круглая башня высокого замка и стены каменной крепости: по предложению Моека тайным ходом Стрелу соединили с рекой Отавой.

Моек пережил рыцаря Мартина, его славу, потомков и замок, который никогда не был захвачен, только разрушился от времени. Люди и сейчас, спустя много лет, иногда встречаются с Моеком. В виде большого карпа с золотой чешуёй и кривым плавником он важно проплывает по реке от развалин Стрелы к Страконицкому мосту. Старея в воде, отравленной ядами. Не любит рыбаков, зато любит музыкантов.

Анна Шохова

Сказка о справедливом солдате и мертвой принцессе

Долго в нашем краю бушевала война. Никого она не щадила. Да для солдата нет большей награды, чем ратный подвиг за правое дело да молитва родных.

Вот однажды солдат, которого Франтишек звали, выпросил у своего хозяина отпуск, чтобы семью повидать да родным стенам поклониться. Хоть и суров был пан, но справедлив и за доблесть и службу верную отпустил солдата на побывку. Ведь каждый знает, что не то беда, коли пусто у солдата в животе, а беда — коли горько в душе.

Долго ли, коротко ли, но пришёл солдат в родную сторону. Да только не нашёл он там ни матери, ни жены: голод и болезни — войны верные спутники — всех прибрали. Погоревал солдат, да делать нечего, пора на службу возвращаться. Коли нет родных в живых, то свист пуль да картечи — самая весёлая песня на свете — и душу излечит, и грусть растопит.

Велика земля наша — от одного города до другого то день пути, то неделя будет. А верста версте рознь, коли камень на сердце лежит. То ли с грусти великой, то ли чёрта проделки, но заплутал Франтишек в горах. Уже и день, и другой идёт, а горам и лесам конца-края нету. Но как третья ночь миновала, вышел солдат к чужому королевству.

Удивился солдат, да назад не повернёшь — в кармане дырки свистят, а живот от голода сводит. Милостыню просить ему не пристало, коли руки да голова целы.

«Авось, — думает, — кому подсоблю или службу справлю, голодным и не останусь!» Добрался Франтишек до города, но невесело его встретили — повсюду флаги чёрные развеваются, знать, траур большой.

Коль не знаешь, что творится, то иди в трактир выпить...

Зашёл солдат в ближайший трактир, сел в уголке да стал слушать, что люди говорят, чьи кости моют. И узнал он дивные вещи: говорили, что король здешний продал душу дьяволу. А как час расплаты пробил, вместо себя дочь единственную в преисподнюю отдал. Душа принцессы в пекле горит, а король в замке веселится. Пирует король, а земля гибнет. Говорили люди и о том, что принцесса Аделаида хоть и преставилась, но тело её так никто и не отважился похоронить. И лежит она, бедняжка, в замке, в своих покоях, да не цветами, а камнями драгоценными и золотом осыпана. Много смельчаков там сгинуло, так как тело принцессы сторожат черти.

— Что ж у вас тут за несправедливость такая творится?! — вскричал солдат.

А трактирщик глаза опустил и говорит:

— Что верно, то верно. А принцесса-то наша была милая, добрая и приветливая, как лучик света. И если б не король, то нашла бы себе суженого...

Франтишек больше слушать не стал, закинул за плечо котомку и прямо в замок направился. Подошёл к ограде — ворота открыты. Ров перешёл беспрепятственно, а нигде ни стражника, только из больших окон песни и смех доносятся. Вот как беззаботно король развлекался дарами преисподней!

Разозлился солдат, да чёрта поминать не стал — тут их и так достаточно. Вошёл Франтишек в замок, по лестнице каменной поднялся, во все комнаты заглянул, но пусто кругом — одна паутина да сырость. Наморщил он лоб, посмотрел по сторонам и заметил, что в окне башни вроде как блеснуло что-то. Поднялся солдат в башню, а там... Посреди большой залы, на одре, под чёрными покрывалами лежит принцесса. А вокруг ни креста, ни свечки, что всем умершим полагается, только золото да камни драгоценные переливаются в лунном свете.

Посмотрел солдат на принцессу и глазам своим не поверил. Лежит перед ним девушка — да словно и не мертвая, а спит только, адскими чарами околдованная. Опустился тогда Франтишек на колени перед принцессой и стал молитвы читать о спасении её невинной души. Но как только имя Бога произнёс, в ту же секунду загрохотал гром, поднялся ветер, да такой, что стены зашатались! И почудилось солдату, будто замок сейчас в ад провалится! Протёр глаза служивый и увидел, что возле одра погребального появился сам Князь бесовский.

— Как ты посмел нарушить её сон?! — прогремел дьявол.

Но не испугался солдат. А чего ему бояться, коли перед господами он никогда головы не опускал, а в бою не раз смерть видел?

— А ты по какому такому праву невинной душой завладел?! — возмутился Франтишек.

— Не тыкай мне, солдат, ты мне не ровня. А что геенна возьмёт, никогда не вернёт. Или не слышал об этом?

— Слышать-то слышал, а всё равно — непорядок это, ваше адское благородие. Даже самому распоследнему злодею перед казнью исповедаться дают, а тут принцесса... Разрешить хоть помолиться за неё да похоронить, как того закон Божий требует!

— Тут мои законы, и решать мне! Да посмотри, за кого просишь!..

Словно по велению дьявола, осветила луна печальное лицо принцессы. Застыл покорённый Франтишек на месте, и показалось ему, что нет на свете никого прекраснее, чем эта принцесса, и ни один бриллиант на свете с красотой её не сравнится..

«Эх, душа ненаглядная, — подумал солдат, — кабы тебе для спасения крестик мой, что от матери остался, на шею надеть... Да разве позволит рогатый?»

— Ну же, солдат, зачем тебе мёртвая? — продолжал лукавый. — Принцесса она или нет, тебе-то что? А за храбрость свою, за то, что отважился мне перечить, можешь взять столько драгоценностей, сколько унесёшь! Хоть все забирай!

И заиграли камни драгоценные всеми цветами радуги, заискрилось золото и будто само к ногам солдата подступило. А Князь бесовский смеётся, руки потирает, видно, решил

солдатскую душу за самоцветы купить. Вздыхнул солдат, достал из-за пояса кинжал с камешком алым на рукоятке и говорит:

— Куда ж мне столько драгоценностей? Я и так богат. Ведь не у каждого солдата такой клинок есть...

Рассмеялся хозяин преисподней, да так, что пламя во все стороны языками жадными расплзлось. А Франтишек не растерялся и воткнул кинжал в изголовье погребального одра. Так у солдат заведено — если костёла поблизости нет, воткнут служивые меч или кинжал в землю и молятся на них.

И снова поднялся ветер, стены замка зашатались, а всё золото и драгоценности разом исчезли. И прежде чем дьявол успел опомниться, солдат положил на грудь принцессе свой крестик серебряный, встал на колени и молитву дочитал, а с последним словом молитвы всё стихло.

Нахмурился хозяин преисподней и говорит солдату:

— Что ж, Франтишек, твоя взяла, забирай принцессу! Пробудится она ото сна, но немой останется. Целый год будет тяжёлым крестом у тебя на шее висеть. И с этой минуты должен ты заботиться о ней, охранять её и беречь. А коли засомневаешься, хоть в мыслях своих пожалеешь обо всём, так верну, как прежде было! И оба вы тогда в моей власти окажетесь!

Приздумался солдат: одно дело с нечистой спорить, и совсем другое — принцессу на попечительство брать. Испытание, поди, не из лёгких.

Дьявол победоносно рассмеялся, но Франтишек поднял голову и сказал твёрдо:

— Не пристало солдату перед трудностями да заботами отступать. Войну прошёл, так и это сдюжу. Только и ты своему слову верен будь!

Топнул копытом Князь тьмы и исчез, будто его и не было. И сразу как будто светлее стало во всём замке. Принцесса открыла глаза и удивлённо посмотрела по сторонам. Её прекрасный наряд вдруг превратился в крестьянское платье, а уложенные в причёску волосы спутались. Солдат подошёл к ней и помог подняться.

— Ничего не бойся, принцесса. Идти нам надо, и путь не близкий. Тяжело будет, но коли душой не покривим, так и чёрта одолеем.

И как только он это сказал, вновь поднялся ветер и умчал их из замка, перенёс за горы Кроношские, в края, где служил солдат.

— Эти места я очень хорошо знаю, — повеселел Франтишек, — там, за долиной, стоит замок моего господина, графа Максимилиана. Туда и дорога лежит. Как придём в замок, скажу, что ты моя сестра Аделька. Может, и тебе найдётся местечко. Хоть на кухне! Знаю, что непригодны руки принцессы к труду, но кухаркам, поди, помогать сможешь?

Аделька кивнула, а потом глаза опустила, мол, не знаю, как работать надо... Солдат усмехнулся:

— Простая работа всегда найдётся, а народ у нас хороший, в трудную минуту поможет да подскажет, как быть. Да и не насовсем это! Ещё полгода я должен отслужить своему господину, а потом граф отпустит меня на все четыре стороны. А там, глядишь, другую работу найду. А теперь — в дорогу, путь не близкий.

Шли они целый день и вечером постучались в ворота замка. Дворня радостно встретила Франтишека и его немую сестру — красота открывает двери, а приветливой улыбке прощается многое. Аделька стала помогать на кухне. Училась быстро, старалась прилежно, и так ладно у неё всё получалось, что сам граф заметил молодую девушку и приставил её к своей сестре в услужение.

Франтишеку господин пожаловал звание капитана и направил его с поручением в дальнее селенье. Со спокойным сердцем уезжал теперь уже капитан из замка и думал, что не грозит его принцессе никакая беда. Если бы он тогда знал, как ошибается...

Сестра графа Максимилиана была очень высокомерна. Графиня гордилась своей красотой, но рядом с новой служанкой Аделькой вся её красота блёкла — какие бы платья она ни надевала, какие бы драгоценности ни примеряла на себя. Почернело сердце графини,

стали душить её злоба и зависть к служанке, которая своей кротостью находила путь к сердцу каждого! Ох, как часто графиня заламывала руки перед своим братом и молила его отправить Адельку обратно на кухню, а лучше в хлев, а ещё лучше — выгнать её за пределы замка! Но граф не верил наветам сестры и был непреклонен. Потому что сердце Максимилиана было навеки отдано Адельке. Полюбил граф бедную немую девушку, и немота её была любви не помеха.

Но чем сильнее крепла любовь графа, тем сильнее душила ненависть его сестру. Оставаясь наедине с Аделькой, так и норовила графиня задеть грубым словом девушку, а случалось, что и толкнуть ненароком, и ударить в гнев. А тут ещё граф Максимилиан объявил сестре, что собирается ехать к королю и просить у него разрешение на свадьбу с простолюдинкой. Графиня была в бешенстве! И в мыслях она не могла допустить, чтобы ненавистная простолюдинка вошла в их благородную семью! Решила она во что бы то ни стало свадьбу расстроить...

В день отъезда графиня пожелала брату счастливого пути и удачи, притворившись радостной за него. Но лишь закрылись за графом ворота замка, тут же объявила, что Аделька украла у неё перстень с драгоценным камнем. И приказала заточить служанку в темницу. Она даже хотела казнить Адельку, но на то могли дать разрешение только граф и капитан стражи Франтишек. Думала графиня о том, как поступить, если братец не поверит ей и отпустит девушку: «Уговорю Франтишека отослать её домой, с глаз долой. А если уговоры не помогут — заплачу душегубу, чтоб ночью тёмной горло он ей перерезал и на съедение диким зверям бросил. Была Аделька, да сгинула. Не хватит никто!»

К тому времени вернулся в замок капитан Франтишек. Сразу же рассказали ему дворовые люди, какая беда приключилась с его сестрицей. Вбежал Франтишек к графине, а она ему на грудь кинулась и давай плакать-причитывать. Дескать, с сестрой его сладу нет — долго графиня замечать не хотела, что Аделька на руку нечиста. Но и помыслы у неё тёмные, и сама она нерадива. Да если бы не сестра-воровка, Франтишеку невесту бы нашли благородную и титул пожаловали.

Хоть и красива была графиня, и говорила она ладно да складно, не мог Франтишек поверить ни одному её слову!

Попросил он у госпожи время на раздумье — утро вечера мудренее. Вышел из покоев — а на сердце всё равно что камень лежит. И пошёл он за советом к своему старому полковому другу.

— Не верь ты словам графини! — говорит ему соратник. — Много девок она со свету сжила, кто не по сердцу ей пришёлся — поминай как звали. Вот и твоя сестра ей поперёк горла встала. Видно, причина в том, что граф наш Максимилиан решил твою сестру в жёны взять и к королю за дозволением поехал.

Поблагодарил Франтишек товарища и направился в темницу, к своей Адельке. Не хотел стражник пускать Франтишека, а пришлось — чином-то он повыше будет.

Вошёл капитан в темницу и подмигнул Адельке, мол, и у стен уши есть, а сам стал ругать да отчитывать девушку за нерадивость и неблагодарность госпоже! А как услышал, что стражник побежал всё графине докладывать, обнял принцессу и зашептал ей на ухо:

— Не горюй, принцесса, всё сладится. Не думал я, что здесь беда нас ждать может. Бежать теперь надо... О службе моей не печалься — pošлю графу весточку, чтоб зла на нас не держал. Спрячемся мы далеко-далеко, не найдёт нас ни чёрт, ни графиня. А там, глядишь, и год кончится... Пойдём же скорее, не ровён час, стражник вернётся.

И двинулись они в путь. Мешать им никто не стал — стражнику на воротах Франтишек сказал, что Адельку домой отвезти велено. Стражники в ответ только головами покачали да и отпустили их с миром.

А как узнала графиня, что Франтишек с Аделькой бежали из замка, взбеленилась, словно дракон — вот-вот пламя изо рта вырвется! «Догнать, — кричит, — в острог посадить, чтоб другим неповадно было!» Позвала она своего самого верного слугу, дала ему мешок золота и повелела догнать беглецов, головы им отрубить и ей на блюде в замок доставить.

Хоть и глуп был слуга, да и у него ума хватило — взял мешок золота, сел на коня и напрямик к королю поскакал с докладом.

Долго ли, коротко ли ехали Франтишек с Аделькой, то тут, то там на работу нанимались — хорошие люди везде найдутся. Перезимовали с угольщиками, а по весне на мельницу помогать пристроились. Вертелось мельничное колесо, крутились жернова, и время летело незаметно.

Наступила осень. Вот однажды, работая на дворе, услышал Франтишек крик, вбежал в комнату, а там мельничиха плачет, говорит, что Аделька пропала: месила тесто, как вдруг налетел ветер, закружил по дому и унёс её. Догадался Франтишек, чьих это рук дело. Попрощался с мельниками, поблагодарил за всё и пошёл на

Чёртов холм. Где ж, как не там, дорогу в пренеподнюю искать? Встал он на вершине холма и закричал:

— Эй ты, чёртово отродье, вот, значит, как держишь ты своё слово?! А ну верни мне принцессу! Я выполнил все условия и ни разу не пожалел, что она со мною!

Разверзлась земля, повалил чёрный дым, и появился сам Князь бесовский.

— Нет от тебя покоя, солдат! Перестань кричать — чертенят распугал! Кончился год, сдержал ты своё обещание, и я от своего слова не отступил. Принцесса уже давно в замке своём, тебя ожидает! Смелый ты человек, Франтишек, ни на одну мою уловку не попался. Сгупай с миром, душа солдатская. Кабы все на этом свете такие были, некого было бы у нас на сковородках жарить. А за то, что все испытания прошёл, на судьбу не роптал да меня не испугался, будет тебе счастье!

Поблагодарил Франтишек хозяина преисподней, поклонился ему и пошёл к замку принцессы Аделаиды. Шёл он долго, ночевал под открытым небом, минуты считал, пока не привела его дорога к королевству. Издали ещё Франтишек заметил, что город вновь окутан печалью. Неужто обманул его Князь тьмы?

За слухами и вестями направился солдат всё в тот же трактир. Обрадовался ему трактирщик и говорит:

— Слушай и не перебивай: семь дней прошло, как умер наш король, — прибрали его черти. А вслед за этим вернулась в замок и принцесса. Живая и здоровая, но печальная и молчаливая. Целыми днями не выходит она из костёла, молится. Знать, короля оплакивает, оттого и весь город в трауре...

Не стал Франтишек дальше слушать, а побежал к замку. Жива, жива и здорова его Аделька. А что в трауре, так время лечит.

Стражники на воротах пропустили капитана, почтительно склонив головы. Во дворе замка остановился Франтишек, не зная, куда идти. И вдруг он услышал музыку — костёл, значит, близко!

Сотни свечей освещали старинный храм, курился ладан, и звуки органа наполняли своды одухотворённым величием. Костёл был полон, как на рождественских службах. Но, заметив Франтишека, дворяне и придворные дамы расступились и почтительно склонили головы. Перед алтарём на резной скамейке, прикрыв своё прекрасное лицо кружевной вуалью, сидела принцесса. Хотел было Франтишек подбежать к ней, обнять и расцеловать, но сдержался и медленно подошёл к ней с поклоном. Уже не простая деревенская девушка была перед ним, а принцесса.

— Моя госпожа, почему ваши глаза печальны? Колдовство больше не властно над вами, но, что бы ни произошло, я готов преданно служить вам до последнего часа!

Принцесса подняла вуаль, улыбнулась и ласково посмотрела на своего спасителя.

— Мой милый Франтишек! Как только я услышала твой голос, вся печаль, сковавшая моё сердце, исчезла. Когда я оказалась в замке, то первым делом направила послов во все соседние королевства, чтоб только отыскать тебя! Но они нигде тебя не нашли. Я очень тосковала...

Франтишек почувствовал, как в груди его неистово колотится сердце. Он понял, что Аделька его не забыла и по-прежнему любит, но простой солдат, пусть даже и

дослужившийся до капитана, вряд ли может рассчитывать на руку принцессы Аделаиды.

— Моя госпожа! Я долго искал вас, и моё сердце звало меня сюда. Теперь я вижу, что вам ничто не угрожает, и, значит, я могу вернуться...

Принцесса встала с резной скамеечки и топнула ножкой, обутой в великолепную туфельку.

— Вернуться? После того что мы пережили вместе, ты хочешь оставить меня здесь одну?

Франтишек недоверчиво посмотрел ей в глаза, но увидел не властную госпожу, а свою приветливую Адельку. Она улыбнулась и зашептала Франтишеку на ухо:

— Ты в самом деле хочешь покинуть меня? Ты думаешь, что я смогу наслаждаться балами, охотой и прочими придворными забавами, если тебя не будет рядом? Или ты думаешь, что я с большей радостью стану женой высокородного принца, чем супругой человека, который самого дьявола не испугался? Ты действительно хочешь, чтобы эта сказка закончилась именно так? Но я клянусь перед ликами святых — на всём белом свете есть только один мужчина, которого я люблю и который достоин стать королём! — Принцесса гордо вскинула голову и обратилась к придворным: — Верные мои слуги! Добрые мои друзья! Скажите, хотели бы вы видеть на троне короля справедливого, мудрого и смелого?

Подданные ответили принцессе радостными возгласами.

— Будете ли вы служить ему верой и правдой, как служите мне?

Все почтительно поклонились Аделаиде.

— Да будет так, и, даст Бог, под его правлением оставят нас горе и беды, которые принесла война!

Костёл наполнился ликующими криками придворных и вельмож. Зазвонил колокол, оповещающий округу о счастливом событии.

Глаза Франтишека светились счастьем, но вдруг тонкая морщинка тревоги легла на его лоб. Словно читая в его сердце, принцесса поняла, о чём он думает.

— Не переживай, мой рыцарь! Знаю, что ты честен и благороден и никогда против правды не пойдёшь. Не печалься о неоплаченном долге своему графу. Оплатить его было для меня самым малым, что я смогла сделать для своего спасителя. Теперь ты свободен в своих поступках и можешь сам распоряжаться своей судьбой.

Франтишек обнял принцессу и горячо поцеловал её в жаркие губы.

Придворные ликовали, колокольный звон разбудил засыпающий город, и вот уже в каждом доме слышались радостный смех и восхваления в честь нового короля.

И была потом красивая свадьба, про которую слагали песни, и стал Франтишек справедливым владыкой этого королевства. Всегда он решал споры с соседями миром, и каждый король внимал его справедливым речам, и слава о нём осталась в веках. И жили Франтишек с Аделькой долго и счастливо, как на розовом облачке, в любви и радости!

Горемыка Ондрей

Жили в одном селении старик со старухой, и было у них три сына. Двое были сорванцами, и постоянно на них кто-нибудь сердился, а самый старший сын с малых лет помогал по дому, работал в поле и ухаживал за животными. И ничего удивительного не было в том, что младшие братья ещё не выросли, а старшего уже не любили. Все их упрекали и советовали брать пример с Он-дрея. Но это ни к чему не приводило.

Однажды ребята пошли в лес за хворостом. У подножия горы, на которой виднелась старая разрушенная крепость, Ондрей работал, а братья бегали друг за другом. Услышав их крик, Ондрей всё бросил и помчался к ним — не случилось ли чего? Куда там! Когда Ондрей заметил братьям, что пора бы и делом заняться, они стали уговаривать его пойти с ними посмотреть на развалины. Ондрей отговаривал мальчиков, он слышал, что ходы и коридоры в таких развалинах часто обрушиваются и засыпают людей. Но братья только посмеялись над ним. Ондрей испугался, что они полезут туда одни, и стал карабкаться за ними чуть

поодаль, но так, чтобы мальчики были у него на глазах.

Ондрей догнал их и снова стал отговаривать от этой затеи, просил вернуться. Но братья всё смеялись и вынудили Ондreja залезть в подземный ход одного. Он шёл вперёд и видел, как сверху падают куски земли и камни. Непоседливые братья, оставшиеся снаружи, снова полезли вверх по камням искать ещё один вход в крепость. На Ондreja внезапно обрушился потолок.

Он оказался отрезанным от внешнего мира. Находясь достаточно глубоко под землёй, впереди Ондрей обнаружил пустое пространство и узкий туннель. Тогда он полез дальше в надежде увидеть солнечный свет. Лез долго и, уже потеряв надежду, уставший, лег на пыльную землю. Внезапно перед его лицом что-то промелькнуло. Неужели мышь? Но нет, он услышал голос девушки.

— Иди за мной, не сдавайся — выход близко!

И действительно, преодолев небольшое расстояние, Ондрей разглядел узкое отверстие в комнату, в которой полыхал огонь. Он оказался на чёрной кухне. Всюду лежали котелки, ложки, ножи и другие предметы, названия которых он даже не знал. Здесь не было никого, кроме чёрной вороны, прогуливающейся по столу.

— Отряхнись немного, ты весь в пыли, и я покажу, где ты будешь жить.

Ондрей не верил своим ушам — неужели с ним говорит птица?

— Не удивляйся, а делай что говорю. Будешь меня слушаться, всё у тебя будет хорошо. Проходи!

И Ондрей вошёл в другой мир. Оказалось, что под горой располагался подземный дворец, в котором было светло как днём. Комнаты были обставлены красивой мебелью, ели с серебряных и золотых блюд, пили из хрустальных бокалов. В одной такой комнате стояли письменный стол и шкафы с книгами. Ондreja захотелось узнать, что в них. Ворона, заметив его интерес к книгам, предложила помочь в них разобраться.

— Я был бы этому рад, милая ворона! Но я неграмотен — мои родители не могли отправить меня в школу, так как были бедны и боялись отпускать меня далеко, пока не вырасту.

Кольнуло сердце Ондreja — мать с отцом наверняка уже беспокоятся, что сына нет так долго. Он сказал об этом вороне, но та покачала головой:

— Ты не сможешь отсюда выбраться несколько лет. Тебе будет что есть, что пить, будет удобно, но двери в твой мир откроются через пять земных лет, когда ты станешь уже взрослым. Тоска тебе не поможет, лучше подумай, как хорошо ты проведёшь здесь время.

— Кто ты? Почему живёшь под землёй?

— Кто много спрашивает, тот многое узнает! Сейчас покажу тебе твою комнату. В сундуке найдёшь новую одежду — твоя превратилась в лохмотья.

Что оставалось делать Ондreja? Охваченный грустью, он послушал ворону. Вскоре у него действительно не осталось времени на воспоминания. Он изучал иностранные языки, играл на лютне и, несмотря на протесты вороны, готовил еду и прибирался на кухне.

Окружали его волшебные вещи, но он всё любил делать сам.

— Надо и рукам давать работу, чтобы не обленились, — улыбался он, когда ворона говорила: всё сделается само, стоит только подумать.

Когда Ондрей узнал обо всех странах, животных и растениях больше, чем десяток учёных вместе взятых, научился вычислять путь небесных тел, узнал, как из руды выплавлять металл, а из металлов и других материалов делать разные механизмы, он стал взрослым.

Однажды Ондрей заметил, что ворона загрустила. Так как они давно знали друг друга, Ондрей понял, что происходит что-то неладное.

— Дорогая подруга, что случилось? Могу я тебе чем-то помочь?

— Ондрей, сегодня откроются двери во внешний мир. Мы должны расстаться, это меня и печалит. Как только часы пробьют четыре, в Жёлтой зале откроются большие кованые двери. А я должна буду остаться в комнатке в конце коридора — наступит время моего сна.

Как ты знаешь, раз в три месяца я засыпаю на три часа. Обидно, что я не смогу тебя проводить.

Ондрей уже привык жить во дворце и засомневался, хочет ли он на самом деле выйти отсюда. Ворона покачала головой — он должен жить среди людей, а в подземном дворце новых знаний уже не получишь. Пусть лучше он найдет применение всему, что узнал, и своё место в мире — так должно быть!

С тяжёлым сердцем Ондрей попрощался с доброй вороной, в последний раз обошёл дворец, который стал ему домом. За несколько минут до четырёх он поспешил к комнатке вороны и тихо приоткрыл её. Ондрей хотел на прощание посмотреть на свою благодетельницу, погладить её чёрные перышки.

Но на узкой кровати, которая занимала собой почти всю комнатку, лежала красивая девушка. Как Ондрей раньше не догадался, что и она заколдована?! Он смотрел на её лицо, копну чёрных волос и стройную фигуру в чёрном платье, не в силах пошевелиться! Он сразу понял, что влюбился в красавицу. Ондрей медленно подошёл, наклонился и поцеловал её. Девушка тут же проснулась.

— Ах, Ондрей, что же ты делаешь?! Быстрее к дверям, уходи! Меня так наказал Солнечный король, и нет мне спасения. Не хочу, чтобы и ты мучился, если не успеешь ко времени. Слышишь, часы начали бить? Прошу, беги, не задерживайся!

Девушка вытолкала Ондreja из комнатки, и он послушно побежал к Жёлтой зале. Двери только что распахнулись, и Ондрей выбежал вон. Когда он подумал, что лучше бы ему остаться с этой прекрасной девушкой там, в подземном дворце, было уже поздно. Двери закрылись и начали исчезать, будто здесь ничего и не было, кроме каменной стены, поросшей мхом и травой. Ондрею пришлось спускаться вниз, к людям.

В размышлениях, увидит ли он ещё родителей и братьев, Ондрей медленно шёл от развалин. Внезапно он услышал мужские голоса. Два парня раскапывали землю как раз в том месте, где Ондрей когда-то пролез в подземный ход. Это были его братья. Каждый год они приходили сюда в надежде найти хотя бы тело старшего брата. Тогда мальчики убежали от страха, никому ничего не рассказав, — боялись, что родители накажут их за то, что бросили в горах их самого любимого сына.

Спустя несколько дней было уже поздно думать о спасении, и братьев начали мучить угрызения совести. Они стыдились того, что не любили Ондreja. Поверит ли теперь кто-нибудь, что у них не было злого умысла?

Так случается, когда уже поздно что-либо исправить. Однако братья Ондreja увидели настоящее чудо: оплакиваемый мальчик внезапно вернулся к ним мужчиной, здоровым и сильным, к тому же ещё и образованным, и хорошо одетым! От радости братья чуть с ума не сошли, а что говорить об их старых родителях! Новость о свершившемся чуде разнеслась по всему краю. Господин этой земли послал за Ондреем, чтобы лично расспросить его о приключениях и проверить его знания. Ондрей немного солгал, чтобы оградить дом своей милой вороны от чужого любопытства. Рассказал, что чудом его перенесло в другое место, а потом вернуло домой таким же образом. Господин этому поверил. Он читал в старых книгах, что эта крепость некогда принадлежала волшебнику. Мальчика охраняло, видимо, какое-то волшебство, которое не вредит невинным людям. Господин решил отправить Ондreja к самому королю.

Властитель также задал Ондрею несколько задач, чтобы проверить знания, о которых ему столько говорили. Убедившись в том, что перед ним действительно образованный человек, король взял его на службу и даже хотел женить Ондreja, но тот не мог забыть заколдованную девушку. В свободное от службы королю время Ондрей читал в разных книгах, как найти Солнечного короля.

Не прошло и двух лет, как Ондрей стал известным человеком. Не забыл он и о своих братьях. Один из них хотел остаться в деревне и ухаживать за родителями, и Ондрей подарил ему поместье. Другой решил стать воином и, кроме обмундирования, ничего не хотел принимать от брата. На службе он прославился как отважный и ловкий человек.

И учёные иногда не видят простых решений, даже когда они оказываются у них перед глазами. Именно брат-офицер заинтересовался, что Ондрей постоянно ищет в хрониках. Когда старший брат рассказал ему о заколдованной девушке, тот покачал головой.

— Такой учёный, и не догадался подняться на западную гору и позвать Солнечного короля? Ведь об этом почти в каждой сказке говорится!

Ондрей решил, что дело этим не испортишь, отпросился у своего короля, сел на коня и поехал на запад. Поднялся на гору, за которую заходит солнце, а когда оно было уже низко, позвал:

— Король Солнце!

— Кто ты и чего хочешь?

— Я Ондрей, которого в подземелье старой крепости спасла заколдованная девушка. Её наказали и превратили в ворону. Пожалуйста, прости её и отмени наказание! Я хорошо её знаю и не могу поверить, чтобы она совершила что-то плохое!

— Смотри-ка, а мы о Терезке чуть не забыли! Не видим, что делается под землёй. Расскажи мне, как ты к ней попал.

Ондрей поведал королю свою историю. Солнце к тому времени совсем закатилось за горизонт. С его последними лучами на землю спустились две величественные фигуры — Солнечный король со своей королевой.

— Не могли мы тебе показаться до заката, иначе бы ты ослеп. Так ты любишь ту девушку?

Ондрей, ошеломлённый их появлением, смог только кивнуть. Госпожа подала ему сияющий цветок.

— Эта роза откроет темницу Терезки. Я уже давно простила ей, что она чуть не помешала моей свадьбе. Она послушала отца-колдуна, который хотел получить для себя Солнечное царство. Но когда Терезка помогла тебе в нужде, она убедила меня в своей невиновности.

Возможно, она тоже любит тебя, а может, и нет. Эта роза вернёт ей человеческий облик, когда она встретит человека, которого полюбит. Это будет и её, и твоя последняя проверка, Ондрей. Её возлюбленным необязательно будешь ты. Сможешь ли освободить её, зная, что, возможно, она будет счастлива с другим?

Едва Ондрей успел поблагодарить короля и королеву, как они исчезли. Вернувшись к своему коню, Ондрей поехал за Терезкой. Он был рад тому, что теперь знает её имя. К заброшенной крепости он добрался только на рассвете.

Сможет ли он искренне желать Терезке счастья, если она полюбит не его? Да разве может он откладывать её освобождение после всего, что она для него сделала? Ведь он освободил бы и совершенно незнакомого человека, если бы имел такую возможность. Да, он боялся, что Терезка выберет другого, ведь он целых два года тосковал по ней! Но Ондрей любил Терезку и поэтому желал ей счастья. Ондрей коснулся розой камня. Послышался грохот, земля покрылась трещинами и заходила под ногами. Внезапно Ондрей оказался в Жёлтой зале и впервые увидел за его окнами небо. К нему подлетела ворона.

— Ондрей! Как ты сюда вернулся? Неужели ты научился колдовать?

— Терезка, я принёс тебе розу от Солнечной королевы.

Он хотел добавить то, что ему рассказала госпожа, но в этом не было необходимости. Едва Терезка посмотрела на розу, как снова стала красивой девушкой, которую он однажды видел в комнатке. Так, значит, она любит именно его! Молодые люди обнялись и поцеловались.

Вместе они пошли по дворцу — нигде не было и следа разрушений, вокруг был цветущий сад. На месте руин крепости возвышался красивый замок. Терезка удивилась этому, ведь её отец-колдун построил дворец тайно, где-то под землёй. А Ондрей подумал, что замок подняла на поверхность сила волшебной розы, дара небесных владык.

Остаток дня для влюблённых прошёл незаметно. Рука об руку они вышли посмотреть на закатное солнце, поблагодарить любезных короля и королеву. Последний луч погладил

Терезку по лицу, и её простое чёрное платье превратилось в свадебное — белое с золотым.

Жили Терезка с Ондреем счастливо. Их дети, внуки и внуки их внуков были образованными, дружелюбными и благородными людьми. Все их любили и уважали.

Людмила Астахова

Золушка. Постскриптум

Осень

Осень не торопилась в этом году, совсем не торопилась. В каких краях заблудились холодные ветры, где спрятались тяжёлые тёмные тучи, с полными карманами затяжных дождей? Неведомо. Но оно и к лучшему, право слово. Серые стволы клёнов колоннами подпирают золотой потолок листвы, сквозь которую сияет ослепительно-синее, совсем не осеннее небо. Стучат о землю крошечными ядрами спелые каштаны, пахнет тёплой пылью, и кусты мелких хризантем радуют взор. В такие дни нужно гулять, и лучше не по парку, а в лесу, а ещё лучше — в компании друзей, с плетёнкой вина и корзинкой, в которой головка сыра, несколько домашних колбасок, свежий хлеб и что-нибудь вроде марципановых булочек на десерт.

— Вам скучно, ваше высочество?

Тоненький голосок вырвал Принцессу из омута приятных мыслей. Видимо, она слишком громко вздохнула.

— Нет, пусть маэстро продолжит.

Так вот... в такие дни нужно гулять на свежем воздухе, наслаждаться последними тёплыми деньками, а не сиднем сидеть в душной комнате и вполуха слушать, как козлообразный придворный менестрель преклонных лет изволит терзать бедную старушку-арфу. Музыке маэстро Люса неуклюже вторила флейта одной из фрейлин. И всё это безобразие называлось здесь послеобеденным отдыхом. Здесь — это в королевском дворце, странном месте, где люди изощрялись в способах отравить себе и другим жизнь, выдумывая нелепые церемонии, правила этикета и всякие другие глупости.

Принцесса с тоской посмотрела поверх плешивой головы менестреля в окно, из которого открывался великолепный вид на холмы, покрытые виноградниками. Где-то за ними, возможно, даже в лесу её батюшки, в этот момент Принц со своей свитой скакал верхом в своё удовольствие. Ей же предстояло прослушать ещё одну романтическую балладу, а затем запастись терпением, потому что Катрин станет читать вслух что-нибудь дьявольски нравоучительное. Когда сама умеешь читать, причём бегло и на двух языках, то слушать битый час, как кто-то безо всякого выражения гнусавит себе под нос страницу за страницей, мучительно вдвойне. Принцесса вспомнила, как совсем недавно она забиралась в свою кровать с книгой и чуть ли не до зари читала о подвигах Роланда или про диковинные путешествия господина Поло. Правда, потом ей доставалось от мачехи за перевод свечей, но, с другой стороны, ещё неизвестно, что хуже — визг склочной и недалёкой женщины время от времени или бесконечная надменная чопорность придворных. Как там любил говаривать батюшка? «Где родился, там и сгодился», — кажется. Батюшка хоть и высокого рождения человек, но народной мудрости не чурался. Главный управляющий королевскими лесами всю жизнь прожил вдали от бурных придворных страстей, спокойно пересидев в своем замке все перипетии большой политики. Ему олени, лисы да вепри всегда были дороже королевских почестей.

— Ваше высочество, ваше высочество! Кажется, его высочество вернулся с прогулки! — пищит Мадлен, закатывая хитрые голубые глазки в притворном восторге.

Очень хорошо. Наконец-то.

Наследник престола врывается в будуар своей супруги как свежий осенний ветер, и

пахнет от него прелой листвой, конским потом и совсем немного — полынью. Горькой-прегорькой, как часы ожидания, которые становятся для Принцессы всё дольше и дольше. Карл сияет белозубой улыбкой и небрежно стряхивает с тёмных волос прилипшую паутинку, становясь центром всеобщего внимания и не слишком молчаливого обожания фрейлин.

— Как вам понравилась прогулка, ваше высочество?

— Вы не устали?

— Ах, вы так надолго похитили у нас наших кавалеров, ваше высочество...

Ответы кратки и почти резки. Принц не расположен сейчас к куртуазности. «Понравилась», «Нет», «Не говорите глупостей».

Он видит только одну женщину. Свою Принцессу. И за этот взгляд, полный огня, можно простить и сдержанное презрение королевы, и завистливый шепоток за спиной, и невозможность побыть наедине со своими мыслями, да и просто побыть собой. Как сказал поэт: «Сердце женщины — сосуд, который заполняется любовью к мужчине». Или он сказал по-другому? Какая разница, если любимый зовёт тебя в свои объятия.

— Ваше высочество, сопроводите меня!

Она бабочкой вспорхнула с кресла, вкладывая прохладные пальчики в горячую широкую ладонь мужа. Его губы коснулись уха, и от тёплого дыхания сильнее забилося сердце.

— Я так соскучился, ваше высочество. Какое счастье!

Так почему же кто-то внутри сказал дрожащим от обиды голосом: «Ты забыл. Меня зовут Синдерелла»?

Зима

До чего же неприятно, когда чужие руки снимают с тебя одежду, украшения, когда тебя вертят как безмозглую куклу, пусть даже делают это со всей возможной осторожностью, и щебечут тонкими голосами, точь-в-точь как диковинные жёлтые птички, подаренные намеренно оливковолицым иностранцем-послом! Так и хочется прогнать всех прочь и упасть в кровать прямо в одежде. Пусть думают что хотят. Пусть смеются над неуклюжей дикаркой.

— Всё! Хватит! Подите вон. Я сама разденусь.

Служанки недовольно ропщут, но, после того как Принцесса для вящей убедительности запускает в самую нахальную костяной гребень, поспешно ретируются. Чтоб топтаться за дверью и обиженно пыхтеть, подглядывая в замочную скважину.

Господи, как всё глупо! Кто же знал, что в этом дворце, куда так стремились сестры, человек перестает принадлежать сам себе! И к этому невозможно привыкнуть. Видят небеса, она старалась! Всеми силами, из кожи лезла вон, стремясь почувствовать себя здесь если не своей, то, по крайней мере, не настолько чужой и чужеродной. По крови, по титулу и рождению Принцесса была выше всех своих фрейлин, и не её вина в том, что она привыкла жить иначе, чем живут эти женщины.

Из драгоценного венецианского зеркала на Принцессу смотрела чужачка. Рубины и алмазы в диадеме, высокий воротник бального платья, расшитого золотой и серебряной нитью, жемчужное ожерелье, оттягивающее шею, и где-то посреди всей этой почти варварской роскоши — юное лицо. Лицо, ещё не успевшее сменить здоровый и вульгарный румянец любительницы налётов на чужие малинники на благородную зеленоватую бледность затворницы. В её девичьей спальне, отбитой в череду кровавых драк со сводными сестрами в единоличное пользование, у Принцессы тоже имелось зеркало. Было оно древнее, бронзовое, но в его мутных глубинах она видела себя настоящую, живую. Пускай даже с поцарапанным носом или с синяком под глазом. Пускай в простых серебряных серёжках, а не в нынешних сверкающих гроздьях бриллиантов, но всё равно — самую свободную и счастливую девушку на свете.

Тогда казалось, что бал — это самое лучшее, что с ней может случиться. Он и случился, волшебный и незабываемый. Но, возможно, батюшка был прав, когда говорил, что

порой женщине хватает одного-единственного бала в жизни, чтоб потом помнить его до седых волос, измучить внушек рассказами о том событии и унести прекрасные воспоминания с собой в могилу. А она, дурочка, не верила. Думала, что много балов не бывает. Оказывается, бывает.

— Что случилось?!

А вот и Принц явился. Заметил наконец отсутствие супруги.

— Это третий бал за этот месяц. В пост, — говорит она, не поворачивая головы в сторону замершего в дверях Карла.

— Я чем-то обидел вас?

Зачем смотреть на жёсткие складки в уголках его губ, говорящие о крайней степени раздражения? Есть ли смысл отвечать?

— Ваше высочество, я с вами разговариваю. — Это сказано уже на тон выше.

— Меня зовут Синдерелла, — отвечает она тихо-тихо.

— Я чем-то обидел вас? — спросил недоуменно Принц.

Очень хочется заплакать, но королевский дворец не место для слёз в присутствии кого бы то ни было. Плакать нужно, накрыв голову подушкой. А лучше — не плакать вовсе, иначе утром её величество разглядит признаки расстройства в покраснении век и холодно поинтересуется причиной, причём выберет самый неподходящий момент, публично, и, чего доброго, потребует подробнейшего доклада. Словом, унизит каждым словом и жестом.

Принц сменяет гнев на милость.

— Я не понимаю причину твоего недовольства, — говорит он уже совсем другим голосом. Очень похожим на тот голос, которым он когда-то просил милую девушку примерить туфельку. — Ты плохо себя чувствуешь?

— Я прекрасно себя чувствую.

— Лучше бы ты вдруг почувствовала себя плохо! — в сердцах бросает Принц.

Намёк вполне понятен.

— Именно поэтому король и королева меня ненавидят? Потому, что я до сих пор не беременна?

— Во-первых, они тебя не ненавидят. А во-вторых, они только хотят, чтобы у меня был наследник.

— А ты сам хочешь?

— Так надо.

— Ты же не слишком любишь детей.

Он смотрит на жену так, словно видит впервые.

— Я хочу наследника, и это не имеет никакого отношения к любви к детям, — чеканит его высочество.

И так всегда!

— Тогда пойди и скажи их величествам, что я занемогла. Пусть потешатся надеждой.

— Ты не должна так говорить.

— Это ещё почему? Потому, что племенные кобылы не умеют разговаривать? Или потому, что моё мнение здесь вообще никого не интересует?

Карл кусает губы, щурится и колеблется между желанием хлопнуть дверью и желанием обнять свою строптивую Принцессу. Он сегодня совсем не хочет ссориться, он ведь так её любит, но искренне не понимает, почему ей не нравится жизнь, о которой мечтают все знатные девушки королевства. О чём мечтают простолюдинки, Принцу невдомёк, но его высочество подозревает, что даже последняя батрачка не отказалась бы стать принцессой, если бы такое было возможно. Разве можно быть несчастной принцессой?

— Мне жаль, что ты так думаешь...

Дверь тихонько закрывается у неё за гордо выпрямленной спиной.

А за окном идёт снег. Он укрывает постепенно крыши и деревья, дальние холмы и ближние клумбы. И Принцесса отдала бы что угодно, чтобы сейчас стоять на снежной целине и смотреть, как из тёмного неба сыплются и сыплются снежинки.

Королевская прогулка по лесу — это то занятие, где дамы демонстрируют своё остроумие, а кавалеры — ловкость и умение держаться в седле после двух ведёрных кубков вина. Для побега из-под неусыпного ока фрейлин нужна не абы какая смелость и хитрость. Вот и несётся по тропинке серая в яблоках кобыла с удалой всадницей в седле, словно за ней по пятам гонятся адские гончие с самим Люцифером во главе. Времени так мало, а до заветной полянки ещё далеко...

Есть в самой чаще, там, где не ступала нога даже самого завязтого охотника, уютное такое местечко. Полянка не полянка, ложбинка не ложбинка, но растёт там старый корявый ясень, и летом трава там выше человеческого роста, среди которой не различить, кроме как по журчанию, крошечного родника.

— Крёстная!

Женскую фигуру в густой тени почти не видно, но у Принцессы очень зоркие глаза. Женщина улыбается и немного склоняет голову в знак приветствия. Она никого не станет по доброй воле именовать «вашим высочеством».

— Давно не виделись, милая моя! — говорит она и протягивает руку, чтобы помочь беглянке спешиться.

У неё зелёные, цвета молодой листвы глаза и волосы с серебристым отблеском, отчего молодое лицо сияет из полумрака, как луна в весеннем небе.

— Ах, Крёстная!

Щека прижимается к щеке.

— Надеюсь, ты не рассказывала своему духовнику о столь... экзотическом родстве? — улыбается женщина. — А то, гляди, одной лишь епитимьей не обойдёшься.

— За мной стойко держится репутация молчуньи и дикарки.

— Репутация — дело наживное. Что же привело тебя ко мне на этот раз?

Принцесса вглядывается в эту хрупкую знакомую улыбку.

— Ты знала?

— О чём?

— О том, что я не буду там счастлива... о том, что всё будет так...

Закушенная губа говорит больше всех слов. И отчаянный блеск в глубине глаз, так похожий на блеск непролитых слёз.

— А разве ты была счастлива дома с мачехой и сводными сестрами?

Принцесса топает ножкой в бархатном сапожке.

— Опять отвечаешь вопросом на вопрос? У вас, волшебников, что, так принято?

— Я не волшебница, — строго говорит женщина. — Я тебе сто раз говорила. Ты хотела побывать на балу, куда тебе заказано было ехать?

— Хотела.

— Ты там была? — Да.

— Я выполнила твоё желание. Но исполнение желаний не является волшебством. Твой Карл может исполнить почти всё, что ты пожелаешь. Ты же не называешь его колдуном?

— Только давай без нравоучений, — вздыхает Принцесса. — Меня только и делают, что учат все, кому не лень.

— Я не учу. Я пытаюсь понять.

— Что здесь понимать? Я там чужая.

Женщина то ли задумалась, то ли прислушалась. Она смотрела куда-то в глубину леса, словно спрашивала совета неведомо у кого.

— Я не делала так, чтобы Принц влюбился в тебя, — молвила она. — Если бы ты была дурой, хамкой и невежей, то даже в самом роскошном платье, в умопомрачительных драгоценностях, в крошечных туфельках ты не завладела бы его сердцем. Здесь нет ни моей вины, ни заслуги. Ты всё сделала сама. И сама надела вторую туфельку.

— Я люблю его.

— Значит, прими свою жизнь такой, какая она есть. Смирись. Так, кажется, учат вас ваши попы?

— Я там чужая, и мне всё чужое. И я не могу смириться— Принцесса вот-вот заплачет. — Я думала, ты сможешь мне помочь.

— Только добрым словом, милая моя девочка.

Эту грусть ни с чем не перепутаешь. Кто не был бессилен перед неизбежностью, тот не поймёт.

— Но... почему?

— Чтобы почувствовать гармонию с любым миром, надо быть внутри него, вырасти в нём, принять его, стать его частью. Ты же пока — часть другого мира.

— Мира слуг и челяди? Там, где отвела для меня место мачеха? Вот уж нет!

— Никто и не говорит, что это твой мир. Но тебя тяготит несвобода, в которой ты живёшь в королевском дворце, ты привыкла быть свободной. В мыслях, в словах и поступках.

У Крёстной тонкие руки, покрытые лёгким загаром, руки знатнейшей из знатных, но без аристократической белизны. Как странно...

— Тебе не кажется странным, что принцесса, будущая королева, может быть столь несвободна?

— Не кажется. Так было, есть и будет. Либо ты принцесса, либо ты кто-то другой. Например, Золушка.

— Да... Принцесса-Золушка звучит глупо. Крёстная разводит руками, изображая растерянность, но на губах её играет лукавая полуулыбка.

Хотя часы не бьют полночь, но разговор пора заканчивать. Иначе Принцессы хватятся — и паника, которая возникнет в результате, сравнится только с кануном Всемирного потопа. А потом будет столько разговоров...

— Значит, нет никакого способа? — спрашивает Принцесса уже с высоты своего седла.

— Есть, — говорит зеленоглазая очень серьёзно. — Стать Принцессой, но не забыть о том, что ты когда-то была Золушкой. — Ей самой становится неудобно от ненужного пафоса собственных слов.

— Прощай, Крёстная.

— Прощай, детка!

Шелестят кусты, и скворец скандалит из зарослей неловкую всадницу, которая торопится обратно — к своему Принцу, к своей жизни, другой жизни.

Крёстная водит тонким пальчиком по коре старого ясеня.

— А захочешь забыть, не получится, — шепчет она тихо и грустно-прегрустно. — Напомнят. Рано или поздно.

Может быть, она различает в шелесте листвы резкий мужской голос, надменный и в этот миг полный презрения: «Ты хоть помнишь, кем ты была? Золушкой». Но эти слова прозвучат ещё не скоро. А может быть, вообще никогда не прозвучат.

Хотя вряд ли.

Александр Сивинских

Конец сезона ранамахии, или Abovo

В агрегате, предназначенном для стрельбы, было килограммов восемь весу. Оптика напоминала средних размеров гимназический телескоп. Благородного красноватого оттенка лаковый приклад украшали арабески и серебряные накладки.

— Что, вот из этой дуры? — весело спросил Ваня и покачал четырёхрычажный арбалет на руке.

— Да, — сухо ват ответил Кирилл Матвеевич. — Из этой. И поменьше иронии, ваша светлость. Мы и без того сильно упростили традицию. Раньше...

— Знаю я про ваше «раньше», — отмахнулся Ваня. — Четырнадцать лет долбили, вызубрил, как «Отче наш».

— Позволю заметить, ваша светлость, это «раньше» более ваше, чем моё. Мой род служит короне не дольше полутора веков.

— Где вас только тогда откопали, заноз, — пробормотал Ваня и с нарочито тягостным вздохом начал снаряжать магазин.

Болты были тяжёлыми, с завёрнутыми кульком лепестками наконечников. В полёте они раскроются — также как и оперение. Загудит, завоюет пугающе в специальной свистулке воздух. Находиться на противоположном конце траектории — страшно. Ваня хорошо знал об этом. Вот, например, третьего дня, во время манёвров... Стрельба по их позиции велась болтами с тупыми гуттаперчевыми головками, и всё-таки Митя Елпырин, друг и кузен, от испуга натурально распла-

кался. А ведь давно не малыш, шестнадцать лет! Впрочем, и восемнадцатилетнему Ване стоило больших трудов сохранить непроницаемое лицо, когда с неба посыпались жутко завывающие арбалетные стрелы.

«Боже, царя храни...» — верноподданнически закурлыкал телефон у Кирилла Матвеевича.

На лице Кирилла Матвеевича возникла смущённая гримаса. Он переступил с ноги на ногу и втянул голову в плечи, стараясь не оказаться к царевичу спиной и в то же время укрыть от него трубку. А с нею — и тайну переговоров.

Ваня ребром ладони вколотил магазин в приёмник арбалета.

— Секретничайте без опаски. Я не слушаю, — громко сказал он и отошёл шагов на пять.

Прицелился в кривую осинку (целеуказатель мигом отсчитал метраж, ввёл поправку на ветер) и плавно, как учили, спустил крючок. Отдача оказалась сильнее, чем ожидалась. И гораздо сильнее, чем у пневматического самострела. Басовитого гудения тетивы слышно не было, врут романы, лишь железно лязгнули рычаги лука.

Болт пробил ствол навывлет. Из-за спины донеслись сдержанные рукоплескания.

— Не нужно оваций, — довольно улыбаясь, попросил Ваня. — Что, папенька звонил?

— Да. Его величество интересуется, каков ваш настрой, — сообщил Кирилл Матвеевич. — Ваши братья, Николай Александрович и Василий Александрович, уже пустили стрелы. Ждут только вас.

— И прилетели их подарочки, разумеется, к Соне и Варьке?

Кирилл Матвеевич молча кивнул. Ваня покачал головой:

— Надеюсь, никто не пострадал. Николаша — известный снайпер.

— Его величество на сей счёт меня не проинформировали. Послушайте, Иван Александрович, может быть?..

— Хорошо-хорошо, — сказал Ваня и направил арбалет в сторону леса.

— Я не то хотел сказать... Осмелюсь предложить ещё раз. Может быть, всё-таки проедем к усадьбе Феодоры Карловны?

— Ни за что! — сказал Ваня бесшабашно и выстрелил.

* * *

Ошибки не было. Сканер показывал ровнёхонько на поганую лужу. Надеяться, что там обитает девица-красавица, было бессмысленно.

«Может, хотя бы русалка?» — почти без надежды подумал Ваня.

Он передал арбалет горестно причитающему Кириллу Матвеевичу, расправил высокие голенища охотничьих сапог и полез по чавкающей грязи. Напрямую. Уже на четвёртом шаге поскользнулся и едва не упал. Шапка свалилась. Подбирать её не имелось ни малейшего

желания. Ругая себя последними словами (от особенно крепкого сочетания немедленно начали гореть уши) за то, что не сообразил вырезать батог, Ваня лез, и лез, и лез к чёрной яме. Было совершенно ясно, что никакой невесты тут не отыщется. Даже последней утопленницы. И то: сводить счёты с жизнью куда как приятнее в глубоком омуте, в чистых струях.

Однако упрямство младшего царевича успело войти при дворе в поговорку.

Добрался.

Разило от лужи — ох. Не то чтобы смрадом ретирадного места, но и далеко не ландышами. Ваня наскоро сполоснул в торфяной воде руки, завертел головой. Сейчас ему хотелось одного — забрать стрелу и вернуться домой. Пусть на хлеб и воду. Потому что папенька грозно обещал: без невесты вернёшься — месяц поститься будешь!

«Да хоть два месяца, — думал Ваня. — Но пегую лошадь Агнессу, выученицу немки Феодоры Карловны, которая столь любезна родителям, — к чертям! К бесам! Пускай на ней хворост для адских печей возят, на дуре».

— Эй, журавль! Простоволосый!

Ваня вздрогнул, вытянул шею, заглядывая в тёмную воду. Неужто всё-таки утопленница?

— Не туда смотришь. Здесь я, здесь. Твою стрелу калёную стерегу. От тритонов и пиявок. Вдруг позарятся, х-хе.

Ваня наконец сумел определить направление звука. Да вот беда, за бородатой кочкой, что одиноко торчала там, откуда доносился ломкий девчачий голос, сумела бы спрятаться разве что комнатная собачонка.

Пряталась — жаба. Крупная, если не сказать здоровенная.

— И никакая не жаба, — обиделась тварь, когда царевич, не сдержавшись, проговорил в полный голос вертящееся на языке слово. — Тоже мне юный натуралист! Какой-нибудь пипой суринамской не назвал — и то счастье. Давай забирай свой снаряд, и адье! Дитя паркетов...

Ваня присел на кочку и сообщил, что уйти так просто не может.

— Только не «надо мне морочить голову рассказами о поисках невесты, идёт? — склочным голосом сказала «никакая не жаба».

— Не идёт, — тоскуя, возразил Ваня, — Ищу невесту.

— Ты что, голубь, серьёзно?

— Не извольте сомневаться.

Некоторое время они смотрели друг на друга молча. Потом в голос захохотали.

Кирилл Матвеевич, наблюдавший за сценой в оптику арбалета, яростно плюнул, затопал ножками и нехорошо выбранился, поминая в первую очередь собственную душу и лишь во вторую — Ванину матушку. Которую отчего-то полагал распутной.

* * *

— Вы низкий человек, — отчётливо сказал Ваня — Будь вы постарше, вызвал бы на дуэль и продырявил насквозь.

Митя Елпырин вскинул подбородочек с прыщиками, зазвенел:

— Вот как, ваша светлость! А что мешает продырявить меня сей же час? Вам ведь что угодно сойдёт с рук.

— Уходите, князь, — вместо ответа сказал Ваня, делая шаг прочь.

Потом порывисто обернулся и протянул Мите раскрытую руку. На ладони лежал случайно обнаруженный сегодня слугами пакетик, выпавший из кармана макинтоша старого друга. «Мышьяк. От крыс, мышей, пупырчатых жаб и др. вредителей» — значилось на пакетике.

— Что это? Извольте пояснить, каких вредителей вы намеревались травить в моём доме? — Ваня до боли сжал кулаки. — Стыдно, князь. Ведь вы дворянин.

— Вы приказываете людям обыскивать мою одежду?

— Не смейте, не смейте! — с горечью и отвращением воскликнул Ваня. — А сейчас покиньте дом. Немедля. В приёме вам с нынешнего дня отказано. И велите высечь портного. Он нерадив, у вас дыра в кармане.

У Мити задрожала губа, щёки покрылись жаркими пятнами. Он тряхнул головой и убежал, цепляя носками туфель пол.

* * *

Поселить зелёную невесту во дворце отказались решительно. Ване было предложено на выбор: летняя губернаторская резиденция (старая, в новой обитал губернатор с семьей) или пентхаус в «Англетере». Царевич выбрал резиденцию. Там по крайней мере имелся пруд.

Его ежедневно навещал Семён Аронович, лучший специалист Императорской Медицинской академии по расстройствам сна и прочим нервическим хворям, — а больше никто. Иногда звонил Кирилл Матвеевич, справлялся о здоровье и погодах, имея в виду, безусловно, другое. Голос у него был больной и надтреснутый. Батенька обошёлся, с ним беда как крутенько.

Да попервоначалу бывал ещё Митя Елпырин, пока находка мышьяка не рассорила друзей навсегда.

«Никакая не жаба» — она так и не сообщила, к какой разновидности земноводных принадлежит, — целыми днями шлёпала по дому, а на ночь уходила в сад. Ваня в разговоре звал её в шутку то Василисой, то Варварой. Ей, похоже, было всё едино.

Зато поболтать она любила. Предпочитала темы географические и ботанические; однако совсем недурно разбиралась также в холодном оружии, древней истории, верованиях и религиях. В лошадях. На что могло сгодиться лягушке, пусть крупной, любое из этих знаний, оставалось для Вани вопросом.

Через неделю «совместной» жизни он, посмеиваясь, спросил, способна ли Василиса-Варвара превращаться в девушку. Та почти по-человечески вздохнула и сказала:

— Конечно. Я ж Кошечка Бессмертного дочь.

Царевич с готовностью расхохотался. «Невеста», вопреки ожиданию, смех не подхватила, а строгим тоном велела отвернуться. Ваня, продолжая похохатывать, выполнил просьбу. Разговор происходил в павильоне, возле пруда с карпами и лебедями. Поэтому громкий всплеск не показался Ване неожиданным. Зато последовавшее за всплеском...

Его глаза накрыли вдруг мокрые, но тёплые и нежные ладошки, к спине прижалась, несомненно, девичья грудь, и упоительнейший под небом голос игриво спросил:

— Угадай, кто?

Он невольно поворотил голову. Девушка была нага и прекрасна. Лишь чресла препоясывала изумрудно глянцева повязка, да густые влажные волосы двумя крыла-ми прикрывали перси. Сквозь волосы просвечивало нежно-розовым.

— Ой, — тихо сказала она, не сделав ни единого движения, чтобы прикрыться.

* * *

Обвенчались через неделю, в деревенской церкви, без помпы. От двора официально присутствовал брат Николаша с хохотушкой Соней. Да инкогнито — маменька под плотной вуалью, сопровождаемая Кириллом Матвеевичем. Его величество прислал поздравление, от холода которого и гренландский лёд стал бы, верно, на сажень толще.

Когда после венчания проезжали в коляске, среди мещан, мужиков и детей, искренне радовавшихся счастью царевича, мелькнул тонкий силуэт Мити Елпыри-на. Ване показалось, что у юного князя в руке пистолет. Он сейчас же схватил жену в охапку, вызвав восторг зрителей. Выстрела не последовало.

Теперь он звал её правильно, Машей. Она не могла находиться в девичьем обличье

больше восьми часов — и это сводило его с ума. Обнимая её, Ваня шептал, что он счастливейший человек на свете.

К нему зачастили братья с жёнами, думцы, офицеры из полка, в котором Ваня служил добрых два года. Только отец никак не желал поддаться чарам Машеньки. Да где-то бродил с мышьяком и пистолетом низкий человек Митя Елпырин, лелея скверные мысли.

* * *

Разумеется, папенька тоже сдался. В сентябре Ваня с молодой женой были приглашены во дворец, на приём по случаю подписания мирного договора между Белуджистаном и Персией. Переговоры, благополучно покончившие с ещё одним затяжным конфликтом, велись в России, а император Александр Александрович выступал их главным инициатором.

Впрочем, кажется, даже дворцовые кошки догадывались, что главным событием вечера должно стать долгожданное воссоединение августейшего семейства. По слухам, государь, ознакомившись с киноплёнкой, на коей была снята гуляющая в саду Маша, нашёл младшую невестку очаровательной, себя же — старым упрямцем.

Маша блистала весь вечер. Её «маленькое платье» от Коко Шанель — васильковое, в цвет глаз — стоило всех бриллиантов всех дам и девиц. Ваню наперебой поздравляли. Отец поцеловал его, сказав только: «Сын!» Но глаза у влиятельнейшего монарха обеих Европ были при этом определённо на мокром месте.

Когда начались танцы, Ваня после первой мазурки оставил Машу на попечение невесток (отчего множество кавалеров возликовали) и прошёл с братьями к ломберным столам. Отец считал, что его молодое обаяние может сыграть на руку державе в кое-каких политических вопросах. Ване необыкновенно везло. После того как он едва ли не раздел индийского магараджу за считанные партии, мнение папеньки переменялось.

Царевич был отправлен в курительную комнату, где страстно обсуждались перспективы совместного с Германией строительства гигантской пушки, способной выводить за пределы земного притяжения (а то и отправлять к планетам) снаряды с экипажем внутри.

— Довольно нам ползать по земле, как кротам! — экспансивно кричал не вполне трезвый князь Елпырин, отец низкого человека Мити, известный всему свету прожектёр. — И под водой, как ракам. А ежели летать, то несколько выше воробьев. Посмотрите, в туннеле под Беринговым проливом уже к Рождеству пройдёт первый экспресс! Я свободен позвонить прямо сейчас своей... простите, не могу назвать имени... своей даме сердца в Леопольдвилль! Мало того!.. Говорят, у каждой голландской коровы вместо старого доброго колокольчика на шее висит крошечный радиопередатчик, сообщающий хозяину о её местонахождении и, представьте, пищеварении! А космос так и остаётся для нас terra in cognita, господа! Доколе, господа?! Крупп даст нам лучшую сталь, Нобель — взрывчатку, фабрика в Гусь-Хрустальном — броневое стекло для иллюминаторов. Великий лётчик Руси Нестеров подыщет орлов для экипажа! Через три года селениты начнут служить половыми в трактирах, а марсианцы — дворниками. Говорят, у них по шести рук, и, если дать в каждую по метле, чистота будет не-зем-ной, ха-ха-ха!

Ваня совсем уж было собрался возразить князю, что ускорение при выстреле убьёт нестеровских орлов в первый же миг, но тут его побеспокоил Кирилл Матвеевич.

— Ваша светлость. На два слова. Отошли на балкон.

— Простите, что я без обиняков, Иван Александрович. Но, скажите, каким образом ваша прелестная су-прута оборачивается... словом, туда и обратно?

— А вам что за печаль? — начал сердиться Ваня.

— Дело в том, что она так увлечена танцами. К тому же убеждена, что вы всё ещё за картежом. И если вы намерены что-то изменить, сейчас самое время...

Ваня наконец понял, к чему клонит верный старик. «Маленькое платье» от Шанель никак не сочеталось с набедренной повязкой из лягушачьей шкуры, и Машеньке нынче

пришлось обойтись тривиальным шёлковым бельём.

— Сколько времени вам понадобится на подготовку экипажа? — спросил царевич.

— Он уже ждёт вас, ваша светлость. Возле греческой калитки сада.

Ваня с чувством пожал сухую ладонь Кирилла Матвеевича и бросился вон.

Лягушечья шкурка с изнанки была мягкой, бархатистой. Пахла берестой, родниковой водой, цветком кувшинки, ещё чем-то неуловимым. Пахла Машей. Ваня скомкал её в кулаке и, сжав зубы, быстрым шагом отправился на кухню. Сердце колотилось, как строчащий автомат системы Томпсона.

Месье Татю колдовал над соусом. Интересно, для кого? Ваня совершенно определённо высказал решение заночевать во дворце. А впрочем, какая разница?

— Прочь! — сказал он коротко. — Allez!

Проворно, точно покрытый крестным знамением нечистый дух, повар ретировался.

Ваня раскрыл дверцу плиты (месье Татю считал, что пища должна готовиться только на живом огне) и швырнул шкурку внутрь. Затрещало. Царевич захлопнул дверцу, повернул до упора замыкающий винт и выбежал прочь.

На миг Ване показалось, что сквозь его собственное лицо проглянула узкая, с прыщиками на подбородке, мордочка Мити Елпырина. И победно усмехнулась.

* * *

Никто не мог сказать точно, когда и куда пропала Машенька. Одна лишь Соня помнила, что она в какой-то момент страшно побледнела и, попросив прощения, ушла в сторону дамской комнаты. Челядь разводила руками: «Неужто мы упустили б её из виду, такую красивую? Нет, не выходила». Бесследно пропал и негодяй-провокатор Кирилл Матвеевич.

Лучшие силы государства были брошены на розыск, и всё-таки... Всё-таки поиски покамест оставались безуспешными.

Ваня в крайнем отчаянии решился на поход к баронессе Феодоре Карловне, о которой поговаривали как о ворожее и чернокнижнице.

Старуха — фиолетовый брючный костюм, гофрированная манишка, сапожки со стразами и нога на ногу — приняла его, восседа в креслах и покуривая вонючую трубочку с тонким мундштуком. Ване показалось, что со времени их последней встречи Феодора Карловна ещё больше почернела и высохла. Сейчас она не просто напоминала ведьму, как прежде, а натурально была ею.

— Что, колупчик, фаша сфетлость? — нарочно коверкая речь, спросила немка и добро улыбнулась, обнажив белёсые дёсны и жёлтые от кенийского табаку зубы. — Агнессу фам позфать?

Ваня, наклонившись к самому лицу карги, отчеканил:

— Баронесса, я не в том настрое, чтобы шутить. Советую воздержаться от подобного тона. Вам, должно быть, известно о моём горе. Способны ли вы помочь в поисках?

Феодора Карловна выпустила в его сторону струю сизого дыма и рассмеялась отвратительно:

— Отчего ж не помочь? А знаете ль, царевич, какую цену я запрошу? — Акцент из её речи исчез совершенно. Как и показная доброта из линий страшного лица.

— Не полцарства ли? — спросил Ваня, готовый ко всяким пакостям со стороны старухи.

— Мы, кажется, уговорились не острить, — прошипела ведьма. — Да и на что мне ваше полударство? Брать, так всё целиком. — Она встала и направила трубочку Ване в грудь. — Честь отдадите?

— В каком смысле, уточните, — спотыкаясь на согласных, проговорил Ваня.

— В аристократическом, разумеется! — ещё гадостнее, чем прежде, захохотала немка, тряся головой. — Станете подонком ради любимой?

— На что вам моя честь, баронесса? — Титул Феодоры Карловны Ваня буквально продекламировал. — Свою потеряли?

Ведьма словно не заметила оскорбления. Или не сочла это оскорблением?

— О, мин херц! Сие — ценная штучка, если знать толк. Брильянт, да какой! Я их давненько собираю, один к одному. Такие экземпляры имеются — что ты! Не желаете ль взглянуть на коллекцию?

Она прошествовала к бюро, достала из-под одежды ключ с замысловатой бородкой, открыла один из ящиков. Вынула шкатулку, откинула крышечку. В шкатулке, в бархатных гнёздах, покоились прекрасные камни. Некоторые были прекрупными. Около полдюжины углублений оставались незаполненными.

— Вот, полюбуйтеся особо на крайний самоцвет. Последнее приобретение. А какова огранка! Эта честь принадлежала вашему кузену, царевич. Князю Дмитрию Елпырину. Мальчик проигрался в прах. Из-за каких-то двадцати тысяч империялов мог потерять честь в глазах света. Предпочел отдать её мне, посчитав, что это всего лишь оборот речи. Сейчас служит на побегушках у какого-то брачного афериста. Долг, кстати, так и не вернул, спустил на скачках. Зато уже без прежней робости и сомнений. — Феодора Карловна отставила шкатулку. Не закрывая. — Что, ваша светлость, готовы ль на торг?

— А любовь... не пострадает?

— Настоящая — нет. Зато в походе беспрерывно будет сопутствовать удача. Да какая!

— Тогда готов, — сказал Ваня твёрдо. Он был уверен, что честь, выкованная десятками поколений великих предков, его не оставит. Никогда.

* * *

— Эй, харя мохнатая! Ну-ка, стоять на месте, а то!.. — грозно прикрикнул Ваня и ткнул арбалетом в шею медвежонку.

Тот съёжился и захныкал.

Медведица остановилась, шумно дыша и яростно сверкая очами.

— Чего тебе... д-д-д-добрый молодец? — Последние слова дались ей с видимым трудом.

— А ну проси, чтоб не стрелял, не сиротил детушек! — кривляясь, посоветовал Ваня и подгрёб к себе ногой грязный и растрёпанный шерстяной клубочек. Клубочек норовил откатиться и часто-часто моргал жёлтенькими глазками. — Скажи, дескать, ещё пригодишься. Ну, давай.

— Отпусти ребёнка, сволочь. Что велишь, сделаю.

— А забойсь, — веселей прежнего сказал царевич, — Да живо, а то у меня палец затёк. Не приведи господь, дрогнет.

— Чтоб мне всю жизнь лапу сосать, — прорычала медведица с ненавистью.

Ваня, ослабившись, достал левой рукой телефон и бросил зверю.

— Когда понадобится, звякни. А сейчас стой на месте. Без движения. Возле опушки парня твоего отпущу. О'кей?

— Это девочка, идиот, — сказала медведица ему в спину.

* * *

Волк метался в круге и выл. Флажки трепетали. Ваня потягивал гранатовый сок из фляжки и уговаривал:

— Ну-ну, серый, хорош дурить. Всё одно ведь не выскочишь. Сядь на хвост, разговор есть.

— З — загрызу!

— Вот ты меня загрызёшь! — Ваня показал волку кукиш, издевательски подвигал пальцем. — Стоп, я ска-зал! Слушать меня. Давно с гончими не сталкивался? Сейчас в два

счёта тяткину свору организую. — Он подпустил в речь фальшивого дружелюбия: — А у тебя ведь логово вон под тем выворотнем, да?

— Ну ты и дерьмо! — сказал волк поражённо и наконец остановился.

— Тц-тц-тц, — прищёлкнул языком Ваня. — Как смело. По-волчьи.

— Живодёр! Фурманщик! Нав-ав-авуходоносор! Р-разорву в прах!

— Поговори, ага. Испытай мои нервы. — Царевич поднял к глазам руку, изучил чистоту ногтей. И вдруг гаркнул: — А ну лечь, бобик! На брюхе ползти!

Волк заметно вздрогнул. Непримируемая дикость в глазах сменилась ясно видимым ужасом. «Как этот ферт узнал, что я на четверть собака? — думал он. — Как?!» Ответа не было. Волк с отчаянием понял, что проиграл.

— Что ты от меня хочешь? — с тоской провыл он.

Проблем с поимкой селезня не намечалось — охотничий сокол Тимур не зря считался лучшим из лучших в Европе. Зато со щукой... Ваня исполосовал блесной весь затон, выловил трёх судаков и огромнейшего голавля, но щука не попадалась. Тогда он прибегнул к последнему средству. Электроудочка была строжайше запрещена в царстве. Он сам как-то раз бросил в пруд браконьера, промышлявшего таким варварским способом, после чего опустил в воду провода и замкнул контакт...

Но сегодня было не до законности.

Когда ударил разряд, рыбы всплыло великое множество. Ваня направлял лодку только к самым знатным экземплярам. Он торопился — электрошок штука короткая. Особенно для крупняка.

Торопился не напрасно. Щука — голубое перо уже мало-помалу приходила в себя. Плавала не кверху брюхом, а на боку, слабо двигая плавниками и хвостом. Царевич зацепил её подсакom, вытряхнул в лодку. Вместе с ней выпала какая-то маленькая блестящая рыбёшка, похожая на рыбку-звездочёта из аквариума. Впрочем, Ване было недосуг изучать гримасы природы — пусть даже столь привлекательные с виду.

Он потрепал щуку за жабры. Глаза у той обрели некоторую осмысленность.

— Слушай внимательно, — сказал царевич, — повторять не стану. Да это и не в твоих интересах: пересохнешь. Выбор у тебя невелик. Или я отношу тебя на сто шагов от воды и оставляю возле муравьиной кучи. Уверен, эти крошки сперва прогрызут твоё брюхо и выедят икру, а уж после... Впрочем, обойдёмся без физиологической откровенности. Или ты обещаешь достать для меня что угодно хоть со дна моря. Поняла — кивни.

Щука дёрнула хвостом.

— Годится, — сказал Ваня. — Ты вообще говорящая? Щука молча вздрогнула всем телом.

— Не беда, главное — меня понимаешь. Выбираешь, разумеется, сотрудничество и возвращение в родную стихию?

Щука с остервенением закивала, треща начавшей подсыхать чешуёй.

Ваня удовлетворённо потёр руки и вывалил щуку за борт. Когда он покидал лодку, забытая золотенькая рыбёшка прошептала ему вслед:

— Отпусти ты меня, королевич. Дорогой за себя дам я откуп...

Ваня не услышал. Он скинул ногой в воду надоевший путеводный клубочек ведьмы Феодоры и размашисто зашагал к возвышающемуся не遠деке дубу, дудя под нос: «...мы наступаем, и враг бежит, бежит, бежит!»

В кроне дуба празднично поблёскивал кованый сундук.

* * *

Кошей схватился за грудь и рухнул на колени, по-старушечьи причитая:

— Ой-ой! Что же это? Как же? Иванушка, золотое сердце, не губи. Брось, брось баловаться с яичком. Ой, аккуратнее, ради всего святого!

Он бухнулся лбом в мозаичный пол и молитвенно протянул к Ване руки.

— Позвольте, но что для вас свято, милейший? — высокомерно осведомился царевич и приблизился вплотную.

Кощей смотрел на него снизу вверх. Сапог царевича очутился рядом с Кощеевой ладонью. Ваня секунду подумал и поставил на унизанные перстнями пальцы кованый каблук. Легонько надавил.

— Так что-с?

— Жизнь, жизнь свята!

— Чья жизнь? — Ваня надавил сильнее.

— Всякая, всякая! У-уй, рученька моя!..

— А любовь, семья, супружество?

— Я давно холост, — прокуковал Кощей. — Только доченька и осталась.

— Вот мы и подобрались к предмету нашей приятной беседы, — сказал Ваня. — Верните мне Машу, вы, зауропод, и разойдёмся миром. Яйцо ваше драгоценное, — царевич ядовито осклабился, — останется неприкосновенным.

— Вернёшь? — мягчайше спросил Кощей.

— Я что, на ваш взгляд, выгляжу душевнобольным? — спросил Ваня.

Кощей заплакал. Самозабвенно, как ребёнок.

* * *

Лягушка уютно курлыкала. Ваня нёс милую жену за пазухой и радовался. Ему теперь казалось безразличным даже то обстоятельство, что Маша по-прежнему станет ежедневно оборачиваться земноводным. Он боготворил её всякой — и маленькой квакушкой, и соблазнительной девушкой. Сейчас, после стольких лишений и испытаний, он любил её куда больше, чем прежде. Ваня твёрдо решил, что уговорит отца закатить грандиозное празднество, с приёмом на тысячу персон, балом, фейерверками и шествием индийских слонов.

И Маша, его Маша будет на балу единственной примой. Ваня украсит её такими драгоценностями, каких не было у Семирамиды и царицы Савской. Каких нету в батюшкиной короне. Об этом бале станут говорить веками.

Он знал, где взять бриллианты.

* * *

Топор под мышкой неприятно холодил кожу и колотил рукояткой по выступающей косточке. Ваня видел себя титаном, идущим на сражение с олимпийскими богами. Сердце его переполняло восторг, а мышцы — небывалая сила. Он походив оттолкнул лакея Феодору Карловну, процедив: «Не ходить следом, мэр-рзавец, в Сибири сгною», — и захлопнул за собою тяжёлые створки дверей.

Ведьма беседовала подле окна с дурой Агнессой. Пегая воспитанница немки показалась сейчас Ване ещё больше похожей на лошадь, чем обычно. Он насилу сдержал желание закричать ей какую-нибудь весёлую кучерскую дерзость.

Ни слова не говоря, царевич прошествовал к бюро, достал топор и принялся ломать ящики. Бюро было новеньким, дубовым, переплетённым бронзой — и очень крепким.

Феодора Карловна, в первый момент от неожиданности совершенно растерявшаяся, опаматовалась, каркнула что-то по-немецки и, деревянно переставляя ноги, бросилась к нему. Ваня спокойно дождался, когда баронесса подбежит, схватил её, повалил и в два счёта сковал захваченными для того наручниками. Руки и ноги. Рот забил кляпом.

Подроспела Агнесса.

— Что вы делаете, ваша светлость? Как вы можете? Вы... вы не имеете чести!

— Да, отсутствие чести — это надолго, — сказал царевич, улынувшись. После чего, с молниеносно изменившимся лицом, рявкнул: — Сядьте в кресло, мадемуазель! Немедля! И

не мешайте мне. Или скучать вам в Петропавловке до скончания века.

Агнесса пронзительно, точно дворовая девка, ойкнула, вскинула костлявую лапку ко лбу и потеряла сознание.

...Один бриллиант лежал отдельно от прочих: наиболее крупный, чистейшей воды и безупречной огранки. Когда Ваня взял его и, повинаясь какому-то почти мучительному позыву, прижал к впадинке под адамовым яблоком, карга тоскливо завывала, начала бешено биться и пускать слюну. И вдруг распалась в прах.

А Ваня, точно очнувшись от морока, с недоумением смотрел на топор у себя в руке, на растерзанное бюро, на груды омерзительных лохмотьев, оставшихся от ведьмы. На обмякшую подле кресел Агнессу. Потом поморщился, аккуратно положил топор на бюро и поспешил к воспитаннице Феодоры Карловны. Была она, конечно, глупой курицей и натуральной страхолюдиной, но барышней, к тому ж дворянкой.

* * *

— Куда вы теперь? — спросил Кощей.

Кирилл Матвеевич, щурясь, как обожравшийся сливок котик, бережно сложил чек вчетверо и упрятал во внутренний карман.

— Думаю податься в Новый Свет. Там с вашими рекомендациями и моим безукоризненным лакейским аристократизмом, — Кирилл Матвеевич со вкусом хохотнул, — меня будут в драку рвать друг у друга тамошние крёзы. Особенно когда узнают, что я способен выгодно выдать замуж хоть лягушку. Простите, сударь. — Он повинно склонил перед Кошеем голову.

Тот лишь отмахнулся. Лягушка и лягушка — против очевидного факта не поспоришь.

— Дочерям крёзов отнюдь не нужны ухищрения, чтоб найти мужа, — язвительно проговорил из угла Митя Елпырин.

— Конечно, мой верный паж, — шутовски кивнул Кирилл Матвеевич.

Молодой князь, к несказанному удивлению Кощей, проглотил оскорбление как конфету.

— Найти мужа — проходимца и сребролюбца, безусловно, не задача, — продолжал Кирилл Матвеевич. — Но любящего супруга?.. Любящего жену больше жизни и чести? О, это смогу организовать один лишь я. С вашей, разумеется, помощью, князь. Кому-то ведь нужно убеждать потенциальных женихов, что их драгоценная невеста нуждается в защите. Что за ней день и ночь охотится новый Борджиа. Не так ли, милый отравитель?

Низкий человек Митя Елпырин не возражал. Векселя и закладные расписки, что хранились у Кирилла Матвеевича, получив ход, могли упрятать его в долговую тюрьму надолго. Поэтому Митя промолчал. Он и дальше будет молчать. Но однажды... Однажды...

Мышь — отличная штука.

Незаменим против крыс.

Коренное отличие

Ноги у девчонки росли, что называется, от самых коренных зубов, и, наверное, именно поэтому бюста у неё почти не было. Вообще, походила она более всего на циркуль — очень привлекательный, чуточку веснушчатый, русоволосый циркуль. Она прошла мимо нас, помахивая канареечножёлтым кожаным рюкзачком и напевая какую-то незнакомую песенку про «невинную пастушку, не знавшую стыда». Пограничник проводил её долгим взглядом, а когда девчонка скрылась за зеркальной дверью ВИП-портала, повернул холеную морду ко мне и, манерно растягивая гласные, будто токер с лень-канала, переспросил:

— Ну-у, так где ваш техпаспо-орт, Типуно-ов Матвей?

— Тиунов, сержант. Нет техпаспорта. Я натурал. Он презрительно скривился, но от комментариев

воздержался.

— В таком случае чётко назовите ваш по-ол, биологический во-озраст и-и... — Пограничник на секунду окаменел лицом. Только слегка шевелились губы — видимо, читал подсказку на стекле очков-коммуникатора... — И ве-эроисповедование-е.

— Мужской. Семнадцать. Культур-атеист последнего разбора.

Я оставался невозмутимым, когда сержант отдельно, слово в слово, повторял сказанную мною галиматью о последнем разборе в микрофон. Даже когда он снова коченел, следя за информацией, выведенной на очки-суфлёры. И только когда он наконец отвёл автомат в сторону, я перевёл дух. Ну, блин, развлёкся! Тянули меня за язык, что ли? Нет, зря я пил этот коньяк, ой зря. Подумаешь, зуб ноет. Лучше б перетерпел.

— Тиуно-ов Матвей, — заговорил сержант, — вам позволено пройти на территорию космопорта имени Валентины Терешковой.

Я с облегчением улыбнулся и уж было двинулся к входу, но пограничник вновь шевельнул стволом:

— До-олжец предупредить вас, что любая-а а-ате-истическая пропаганда на территории космопорта строжайше запрещена-а. Нарушение карается штрафом в размере стоимости билета на орбитальный чел-но-ок. Или же, при отсутствии достаточных средств на счёте нарушителя, изъятием названного билета. Или же, при отсутствии последнего, направлением на хозяйственные принудрабо-оты. Надеюсь, у вас имеется хотя бы биле-эт на орбитальный челно-ок?

— О да, — сказал я. — И не только на челнок. Я отбываю на Пажить.

Он снял очки, отвёл усик микрофона к виску и со вкусом загоготал.

— Скатертью дорога, натурали-ист!

* * *

— Значит, мама не приедет? — Отец загасил сигарету о серебристую стенку космодромного мобиля, уронил бычок под ноги. Откуда-то проворно вынырнула раскрашенная в осиные цвета голокожая крыса-мусорщик, сожрала окурок и стремглав шмыгнула прочь.

— Я же сказал. Нет.

Скрыть раздражение стоило огромного труда. Отцу было достаточно мигнуть, и меня доставили бы к самому трапу челнока на роскошном служебном «Тоболе». Вместо этого я сначала дурак дураком полчаса парился в душном такси, потом чёртову прорву времени торчал на самом солнцепёке, исповедуясь перед тупым пограничником в своей религиозной и половой принадлежности. А на десерт должен выслушивать его задолбав-шее дома бормотание. Троглодит хренов! Ну что стоило бабушке с дедушкой двести пятьдесят лет назад заморозить не всего сыночка, а только его семенники?

— Мэт, ты, кажется, всё ещё сердишься на меня?

— Папа, я же просил называть меня Матвеем.

— Ах да, прости. Виноват, исправлюсь...

Ой, что это? Папеч изволил пошутить? Корявенько, корявенько.

Правдой слова его быть не могли. Виноватым себя он не чувствовал. Ни в коей мере. Как же, он ведь благодетель (про благо вспомнит обязательно, спорю на что угодно), которому я должен быть благодарен по гроб жизни!

— Так ты не сердишься? Пойми, это делается во имя твоего блага. — (Вот, я же говорил!) — Я рассчитываю сохранить твою само...

Я надул пакет из-под вафельных трубочек, купленных в лавочке дьюти-фри, и с маху опустил на ладонь.

Хлопнуло здорово — раньше у меня так никогда не получалось. Отец осёкся, нахмурился.

— Да ладно, папа, — сказал я громко (на нас обернулись две сухощавые тётки с

перестроенными под «ягодка опять» лицами и шевелюрами; увы, на омоложение шей денежек им не хватило), — я всё это слышал не раз. Теперь послушай меня ты. Сколько себя помню, ты день за днём стонал: ох, два с половиной столетия криогенного кошмара, выпавшие на мою долю, — не пожелаешь и врагу! Ах, бессердечные родители, ввергнувшие меня в этот жуткий мир, где люди — не люди, а всего лишь ёмкости для разведения механических амёб! О, пусть бы лучше я умер младенцем, но в своё время! А что сейчас?

Я яростно смял обрывки пакетика и бросил комок всё той же полосатой жёлто-чёрной крысе, выскочившей на шум и маявшейся, требовательно попискивая, поодаль. Она срубала их с поразительной жадностью, словно голодала по меньшей мере неделю.

— Что — сейчас?

— А то! Ты с муравьиным упорством торопишься повторить их ошибку. Вышвыриваешь меня из моей жизни в какую-то мерзкую дыру, где даже зубы лечат при помощи дрели и цемента!

— Ага, слышу мамины слова. — Он с осуждением покачал головой. — А что зубы? Ну подумаешь, зубы...

Подумаешь? У самого бы так хоть раз в жизни ныл коренной, как у меня сейчас.

— Зато, Мэт, — поднял он палец, — в твоих сосудах никогда не станут ползать...

— ... «Эти отвратительные нанопаразиты». Громадное спасибо, милый папочка! Особенно за то, что без нанопаразитов проживу как раз вдвое меньше сверстников. Впрочем, думаю, на твоей разлюбленной Пажити мне и шестьдесят лет покажутся бесконечными. И прекрати наконец называть меня Мэтом! Я русский, русский, ясно?! Да, и... не ходи за мной, ладно?

— Не пойду, — сказал он тихо. — Прощай, сынок. Я буду...

Последние его слова отсекали сомкнувшиеся створки двери мобиля. Я закусил губу, сдерживая слёзы. Аппарат приподнялся и, держась над пунктиром магнитных бляшек, заскользил к снежно-белому орбитальному челноку.

* * *

Отец родился, когда автомобили имели четыре колеса, самолёты были реактивными, все мужчины поднимали гири, растили лохматые бороды и выбривали лысины. А женщины натирали щёки свёклой и носили красные мини-юбки из натурального шёлка или голубые льняные шорты с прорезами на ягодицах. Он запомнил только это, потому что в четыре года и семь месяцев его поместили в криогенную ванну — он был неизлечимо болен. За двести пятьдесят лет болезнь научились лечить, а акции «Норильского никеля», которые должны были обеспечить его пробуждение и врачевание, повысились в цене раз этак в тысячу. Не в абсолютных величинах (кто сейчас помнит цену тогдашних рублей?) — в относительных. Точкой отсчёта, как и прежде, служит цена карата природных алмазов, которые, при смехотворных ценах на искусственно выращенные бриллианты, до сих пор стоят поистине баснословных денег.

В общем, его разморозили, исцелили, вырастили, дали базовое образование и оставили жить-поживать на ренту с акций. Потому что «впускать в себя механических амёб» отец, став совершеннолетним, отказывался категорически. А приём на любую, даже простейшую работу предусматривает обязательную наноагрессию — введение в организм комплекса наноботов.

Потом «Норникель» в одночасье рухнул под напором «Нанометалл-Россия», и отцу пришлось завербоваться в десантники. Другого пути не было: базовое образование и боязнь нанотехники — слишком плохое подспорье для того, кто добивается перспективного места где угодно. За исключением армии. Там используют собственные разработки, и гражданские наноботы призывнику попросту вредны.

В «голубых беретках» он прослужил лет восемь. Там ему без лишних разговоров вогнали титаническую дозу метаболических и медицинских наноботов под видом

противостолбнячной сыворотки. И научили ненавидеть не полезные земные технологии, а вредную внеземную жизнь. Он истреблял на Гидролаке костистых шакалов и сопровождал транспорты в Зейском кольце астероидов, знаменитом обилием пиратов. Участвовал в Новосеульской резне клонов двадцать третьего года (на стороне карательного отряда Лиги Наций) и выполнял задание по осеменению на Филомене — после мужского моря двадцать пятого. Там он проявил столь высокое рвение, что предписанного полугодового восстановления сил в военной санатории ему не хватило и он вышел в отставку по инвалидности. Пенсия полагалась изрядная — и это не считая приличных ежемесячных отчислений с Филомены, где наблюдался взрывной демографический рост.

Женился отец на сослуживице, такой же, как он, отставной десантнице краснознамённого Псковского де-сантно-штурмового батальона, которую встретил во время гуляний в честь Святого и Приснопамятного Дня Победы. Мама была родом с Пажити — скучной сельскохозяйственной планеты, где нанотехнологии запрещены законом, а многоженство и рукоприкладство по отношению к слабому полу считаются нормой. Она бежала оттуда пятнадцатилетней невестой, улизнула прямо из-под венца — на вербовочном боте десантников. И ни разу о том впоследствии не пожалела.

Дёрнул же маму чёрт рассказать об этой окаянной дыре отцу! Он мигом вспомнил все свои юношеские заскоки, а когда родились мы с Томкой, твёрдо решил, что его дети, во-первых, останутся натуралами, во-вторых, будут жить на Пажити — и только там! Среди колосющихся нив, хрустальных рек и изумрудных пастбищ. Счастливцу сестру мама забрала, когда уходила от отца к своему теперешнему коновалу от психологии, а я остался. Отец, преодолевая отвращение, двинул в рост по части наземной администрации космослужб. Выслуга, медали, воинская дисциплина в крови (притом буквально) — конечно же его приняли с восторгом. Там он живо сделал карьеру и заработал право отправить сыночка на жительство в одну из самых отдалённых точек освоенной Вселенной.

И вот сегодня мечта последних без малого двух десятилетий его жизни сбылась. Я улетал на Пажить. Если туда в ближайшие годы не завернёт ещё один вербовочный бот десантников — то навечно...

* * *

Первым, кого я встретил, поднявшись в челнок, был голографический стюард, посовествовавший занять предписанную компенсационную стартовую ячейку прежде, чем начнётся стартовый отсчёт. Номер ячейки семь. Вторым — мелкий вертлявый паренёк моего возраста, одетый в расшитую петухами просторную косоворотку до колен, синие полосатые штаны и мягкие шнурованные сапожки с кисточками на голенищах.

— Корень! — дружелюбно представился он, протягивая узкую жилистую кисть. — Корень — это вторая производная от фамилии Корнеев и первая от... — парнишка натренированным движением задрал рубаху, одновременно приспуская штаны, — от этого. Как говорится, ростом невелик, весь в корень ушёл! — Он осклабился.

— Ого, — с уважением сказал я. — Путный протез.

— Сам ты протез. Реальный орган! Можешь потрогать, он чистый.

— Спасибо. Пока воздержусь. Я Матвей.

— Пока так пока. В случае чего обращайся. — Корень неспешно привёл в порядок одежду. — Далеко летишь?

— Пока до орбитального. Там на БХР — и к Пажити.

— О, зашибись, — обрадовался Корень. — Компания разрастается! Я туда же. Родичи спровадили. Лишил невинности одну лялечку, а у неё уже был заключён добрачный контракт, и... Короче, на контроле верности она была. Контроль, ясно, просигнализировал, что верности пришёл абзац. А жених — араб. Абсолютно дикий. Шейх, что ли? Поклялся достать меня хоть из ада и кастрировать. Ну а там шиш найдёт. С нами, кстати, ещё двое гавриков до Пажитей мылятся. Так что ты уже четвёртым будешь.

— Что за гаврики? — спросил я.

— А, один какой-то странный, Костя. Два метра ростом, и морда дебильная. Вместо вещей притащил сетку с мячиками и корзину для баскетбола. По-моему, натуральный овер. Раньше, поди, нарком был, виртуалом или бандюком, а как БИОС перешили, — Корень постучал себя согнутым пальцем по макушке, — так и стал спортсменом не бодаться.

Оверами называли людей, подвергнутых принудительному психиатрическому лечению — подмене болезненных пристрастий другими, менее разрушительными как для самого пациента, так и для общества. Чаще всего в качестве нового увлечения им прививали страсть к спорту или к коллекционированию. У нас, впрочем, их звали заменяшками, или просто замами. Как раз этими делами занимался новый мамин супруг.

— С овером общаться — скука смертная, — безрадостно констатировал я. — Второй-то кто?

— Вторая барышня. Пигалица такая длинноногая. Конопатая. Зося, оцени!

— С жёлтым рюкзаком? — Я вспомнил девчонку, вошедшую на территорию космопорта через ВИП-пор-тал.

— Во, точно! Доска доской, но мордашка вроде так ничего. И задок славный. — Корень показал округлым движением рук, насколько хорош задок Зоей. Выходило, что и впрямь — очень даже.

— Ей тоже предлагал подержаться? — с иронией спросил я.

— Ясно. А чего? Ляльки это любят, хоть и стесняются сказать.

— И как успехи?

— Да, блин! — Корень смутился. Однако удержать язык на привязи было для него, видно, задачей совершенно невыполнимой. — Запросто, говорит. И кэ-эк облапит, да кэ-эк надавит. Я от боли чуть не вырубился! Киборг она, что ли? Ты с ней, в общем, поосторожней.

— Ну, положим, я-то свой корень трогать всем подряд не предлагаю.

— Стесняешься размеров? — хихикнул Корень.

Пока я подыскивал достойный ответ, вновь объявившийся голостюард предложил нам последовать примеру других пассажиров и занять в течение двух минут свои ячейки. Раздражённый тем, что последнее слово так и осталось за Корнем, я долго не мог устроиться в стартовой ложе и приладить дыхательную маску.

Перелёт до орбитального комплекса я, погружённый в компенсационное желе и надёжно усыплённый, абсолютно не запомнил. Зато запомнил пробуждение — после полётного наркоза наконец-то перестал болеть зуб.

* * *

БХР «Иван Бернулли» — движущийся по брахистохроне малый звездолёт класса «чайный клипер» — на орбиту Пажити лечь не мог в принципе: отклонение от расчётной координатио-временной линии грозило не только жуткими тратами топлива, но и полной потерей ориентации в брахипространстве. Наш модуль (обыкновенный внутрисистемный контейнеровоз, соединённый с БХР лишь крепёжными штангами и аварийным рукавом), имеющий вместо названия убогий номер П-1101, должны были сбросить в полутора астрономических единицах от планеты. Всего «Бернулли» волок на себе четыре прицепа, два из которых были вовсе беспилотными и по сути являлись гигантскими сетками, заполненными чистейшим льдом. Последний модуль, тихоходный тягач, более старый даже, чем наша колымага, предназначался для финишной буксировки айсбергов.

Доставив груз по пунктам назначения, БХР отбывал дальше. Куда? Известить нас о точных планах не озаботились.

В отличие от изящного, похожего на жука-плавунца «Ивана Бернулли» модуль П-1101 был огромен. Стово-сьмидесятиметровый тритон, выпустивший жабры солнечных панелей и раздувшийся от набитых в его пузо удобрений и запасных частей к сельхозтехнике. Для

какой-то надобности имелись в нём и сотни полторы пассажирских кают — тесных пеналов с кольцами для гамаков в три яруса. Впрочем, практически все они были забиты под завязку оранжевыми мешками с нитратами. Дверные проёмы пеналов затягивала толстая полупрозрачная плёнка, что позволяло мешкам выпирать в тесные и без того проходы твёрдыми боками. Перемещаться по модулю — санитария оказалась общей, «по коридору до упора и направо» — приходилось из-за этого бочком, каждый раз обмирая от ужаса: а что, если плёнка вдруг лопнет?..

Свободных мест насчитывалось восемь, ровно по числу летящих, плюс кают-компания, она же столовая, соединённая окошком с камбузом. Плюс медицинский блок с вместительным изолятором. Да ещё ходовая рубка, куда доступ пассажирам был строго запрещён.

К счастью, пихать по двое-трое в одну каюту нас не стали. Хотя... от компании Зоей я, наверное, не отказался бы.

Кроме меня, Корня, Зоей и овера-баскетболиста Кости в модуле присутствовал, само собой, экипаж. Два неважно говорящих по-русски, зато вечно улыбающихся азиата, исполняющие роль техников-пилотов, и средних лет крепкий дядька — кок, медик и капитан в одном румянном щекастом лице при моржовых усах. Пилотов звали Сёма и Сеня, капитана — Дарий Платоно-вич. Последним прибыл сухощавый пожилой мужчина, представившийся Захаровым. Мне он отчего-то сразу не понравился, несмотря даже на то, что внешность у него была, в общем, симпатичной, а манеры — обходительными.

Окончательно невзлюбил я его после того, как он пригласил меня в свою каюту и, продемонстрировав карточку с какой-то геральдической птицей, отрекомендовался сотрудником Безопасности Пажити.

Обо мне он располагал прямо-таки исчерпывающей информацией. И ещё большей — о моих родителях. Особенно о маме.

* * *

— Я вас не запугиваю, Матвей, — сказал Захаров, будто бы невзначай отгибая полу пиджака. На поясе у него висела кобура. И она не пустовала. — Просто спешу предупредить, пока мы не отшвартовались от станции. Чтобы вы могли, если сочтёте разумным, покинуть корабль сразу после разговора. Ибо, коль скоро мои подозрения подтвердятся, мне придётся ликвидировать вас физически, а тело вышвырнуть в открытый космос.

— Какие подозрения? — с испугом спросил я.

— Подозрения в том, что вы намерены ввезти на Пажить запретные технологии. Нанотехнологии, — уточнил он, душевно улыбаясь.

— Зачем это мне? Наоборот, мой отец...

— О, — перебил Захаров, — сказав «вы намерены», я неверно выразился. Разумеется, речь не о вас и не о вашем уважаемом отце. Василиса Карповна, ваша мать, — вот чьё участие в этом деле настораживает меня воистину нешуточно. Знаете, она ведь в своё время не просто сбежала с Пажити, но пообещала вернуться, чтобы превратить «это сонное болото»... — Захаров нарочно изме-

нил тональность, акцентируя внимание на маминых словах, — превратить в нормальную современную планету. Я знал её тогда весьма хорошо и отлично могу представить, что она подразумевала под нормой! И представляю, каким способом этого можно добиться быстрее всего.

— Да я-то тут при чём?

— Ну как же? — наигранно удивился Захаров. — Вы вполне можете послужить контейнером для миллиардов и миллиардов так называемых ассемблеров. Даже не подозревая о том.

— Вычто, и впрямь думаете, что мама способна заразить Пажить какими-нибудь опасными наноботами?

— О нет! Опасными — никогда. Разумеется, только и исключительно полезными. Но! — Захаров прищурился. — С её точки зрения. Увеличение срока жизни человека, борьба с некоторыми болезнями и тому подобное. Разве это не прекрасно?

Он впери́л в меня колючий взгляд. Я счёл за лучшее пожать плечами. Захаров удовлетворённо хмыкнул и продекламировал по складам:

— Это от-вра-ти-тель-но. К счастью, моему ведомству удалось заполучить прибор, регистрирующий наличие наноботов в человеческом организме. Правда, работоспособен он лишь при определённых условиях. Условиях, имитирующих те, что создаются в движущемся по брахистохроне корабле. Весьма удачно, не находите?

Конечно же я находил это удачным. И не только это. Я вообще был до задницы рад, что папочка-мамочка заочно удружили мне с такой массой волшебных сюрпризов.

— А теперь, гражданин Пажити, — Захаров вновь мастерски сыграл голосом, — Матвей Тиунов, можете идти. Если решите всё-таки продолжить путешествие, то для обследования мы встретимся позже.

За неделю, предшествующую выходу звездолёта на брахистохрону, я успел составить кое-какое впечатление о спутниках и даже подружиться с некоторыми. Корень не ошибся — Костя действительно был полным овером, заменяшкой. Он днями напролёт стучал мячом в самом просторном помещении модуля, которым оказалась душевая на шестнадцать сосков, покидая её лишь для сна или приёма пищи. Говорить с ним можно было только о баскетболе, другие темы вызвали полный речевой ступор. Как ни странно, он близко сошёлся с китайцами, те просто боготворили его — подозреваю, за огромные габариты и неопишное трудолюбие, подобное их собственному.

Корень болтал без умолку и сто раз на дню справлялся, созрел ли для того, чтобы... нувы помните. Мои отказы он воспринимал философски и в целях компенсации тут же трогал себя сам. Вообще-то он был безобидным и приветливым парнем, жаль только, крепко заикленным на собственной половой уникальности. Думаю, Пажить с её узаконенным многоженством могла стать для него идеальным местом обитания. Ведь дорога в мусульманские государства ему, если помните, была строго заказана! Больше всего мне нравилось играть с Корнем в карты — запас присказок для каждой комбинации мастей и фигур был у него неиссякаемым. Поразительно, однако он ни разу не повторился!

Да и руки во время партии у него становились заняты.

Зося... Зося оказалась самой классной девчонкой, которая встречалась мне в жизни. Сдаётся, я немного в неё влюбился — на ту самую малость, которая не даёт чувствовать себя в обществе девушки скованным, а только порождает приподнятое настроение и желание выглядеть остроумным, находчивым... Желание быть на высоте, в общем. Она родилась на Пажити, в обеспеченной и чрезвычайно прогрессивной по тамошним меркам семье, училась на Земле в Академии Управления, а сейчас летела домой на каникулы. От неё я узнал, что за годы, прошедшие со времени бегства моей мамы, нравы на планете значительно смягчились. Девушек никто больше не гнал под венец силком, избиение жён тоже перестало считаться хорошим тоном.

Капитан если и покидал камбуз, то лишь для того, чтобы проверить, как несут службу Сёма или Сеня. Вот уж чьей выносливости я откровенно поражаюсь! Кажется, ежедневные двенадцатичасовые дежурства были этим улыбчивым семижильным человечкам как с гуся вода. Вместо того чтобы отдыхать после вахты, они до умопомрачения сражались с Костей в баскетбол. Хотя... как знать, может, они отсыпались в рубке?

Захаров же сидел сычом в своей каюте или колдовал в медицинском отсеке с распроклятым анализатором, от которого зависела моя жизнь.

И, как выяснилось, не только моя. Он успел переговорить со всеми пассажирами, и тема была одна: не исключая, что вы диверсант. Корня он подозревал в первую очередь из-за колоссальных размеров пениса. Полутораметровый юнец может иметь подобный орган только в случае, если он выращен искусственно, с применением нанотехнологий, считал Захаров. Он почему-то был уверен, что наноботы, выполнив задачу по наращиванию плоти,

остались в организме Корня и ждут не дождутся, когда их выпустят наружу. Дабы начать уродовать чудовищным образом ничего не подозревающих мужчин Пажити. Костя, жертва новомодного лечения, подозревался примерно в том же. Только результатом диверсии в его исполнении стало бы поголовное превращение населения планеты в баскетбану-тых спортсменов. Зося была дочерью чересчур передовых родителей, и определённые выводы в отношении неё у Безопасности в целом и Захарова в частности напрашивались давненько.

Мы трепетали (во всяком случае — я) и считали часы, оставшиеся до выхода «Ивана Бернулли» к нулевой точке координатно-временной линии.

* * *

.. Наконец корабль перестал дёргаться, как припадный. Я надеялся, это означает, что мы легли на курс. Надеялся уже в пятый раз. Или в шестой. Я с жадностью высосал порцию охлаждённого витаминизированного молока. Чутко полегчало: мне даже хватило мужества свесить голову с гамака и пересчитать пустые пакеты из-под живительного напитка. Если учесть, что после первой болтанки я выдул сразу два, то выходило, что пляску святого Витта модуль исполнял... точно, шесть раз.

«О, премногомудрый опыт, сын ошибок трудных, и гений, культур-атеизма друг, — взмолился я почти что без шутливости, — сделай так, чтобы эта вибрация оказалась последней!»

Точно по заказу, заработала громкая связь. Бодрый голос капитана поздравил экипаж и пассажиров с удачным БХР-стартом и пригласил явиться через полчаса к праздничному столу.

Всего несколько минут назад любая мысль о еде вызывала у меня смертную тоску, но сейчас я с восторгом отметил, что действительно не отказался бы от хорошего обеда. Из трёх блюд и обязательно с компотом. А учитывая последний проигрыш Корня в подкидного, то и с двумя.

Выяснилось, что не у одного меня проснулся дикий жор. Кажется, впервые за столом не звучали разговоры, слышался только бойкий перестук столовых приборов да шумное чавканье Кости. Уже за чаем хватились Захарова. Дарий Платонович покликнул его по громкой связи, а затем послал Сеню сбегать до каюты и посмотреть в санблоке. Китаец вернулся через минуту побледневшим и бестолково размахивающим ручками.

— Тама... тама...

Толкаясь, мы выскочили из кают-компаний.

Захаров лежал в самом конце коридора, под огромной горой оранжевых мешков, из-под которых видны были только его босые ступни.

— Узе холодные нозьки-то, — лепетал Сеня. — Узе как костоськи.

Зося вцепилась в мою руку с такой силой, что я немедленно вспомнил первую её встречу с нашим эксгибиционистом и искренне пожалел бедолагу. А гигант Костя вдруг совершенно по-девично завизжал и грохнулся на пол, едва не подмяв под себя припозднившегося Корня.

— Матвей, Леонид, — (так звали Корня), — и ты, Зо-сенька! — рыкнул Дарий. — Живо унесите мальчика в медичку. Код замка пятнадцать-шестнадцать-семнад-цать. Зося, нашатырь найдёшь в шкафу первой помощи. Если не поможет, подключай диагностику. Мужчины, не задерживайтесь. Вернётесь разбирать завал.

Когда мы, пытая и спотыкаясь, волокли Костину тушу по коридору, нас нагнал торжествующий крик Сени:

— Товарись капитан! А плёноська-то нозыцьком подрезана!

У меня опять заныл зуб.

* * *

Затылок Захарову раздробили основательно — наверняка сразу насмерть. Становилось вдвойне неясно, зачем убийце было ещё валить на труп мешки? Скорее всего, преступник попросту растерялся и напугался. В пользу этой же гипотезы говорил и тот факт, что орудие душегубства — здоровенный гаечный ключ — не было унесено, а осталось валяться рядом с трупом. Капитан назвал ключ газовым, хоть никаких шлангов к нему подведено не было. Честно говоря, я и не подозревал, что такие ископаемые инструменты существуют по сию пору, особенно на космическом корабле.

Труп контрразведчика осмотрели, засняли, накачали хлороформом, голову залили в прозрачный пластик, после чего останки упрятали в изолятор, понизив там температуру до нуля. К сожалению, капитан даже не смог толком установить время убийства. Во время постановки корабля на линию БХР привычные физические законы дают сбой, и тело Захарова могло заколечеть ещё прежде, чем остановилось сердце. На «Ивана Бернулли» сообщать о происшествии не стали вообще. В конце концов, решил Дарий Платонович, это внутреннее дело Пажити. Покончив с канителью, капитан собрал нас в кают-компанию и, объявив, что проводит официальное дознание, предложил:

— Рассказывайте, что знаете. Постарайтесь без долгих прелюдий. И учтите, ведётся запись.

Зуб мой сразу начал ныть невыносимо, я поджал щёку кулаком и прикрыл глаза. Корень суетливо копошился, орудуя руками под столом — должно быть, для успокоения нервов перекадывал с места на место свою красу и гордость. Китайцы сидели нахохлившись, но косенькие улыбочки так до конца и не сошли с их мордочек. Баскетбанутый Костя был бледен и держался под одеждой за грудь.

— Давайте я начну, — сказала, побарабанив пальчиками по столешнице, Зося. — Убийца, несомненно, тот, кто везёт контрабандные наноботы. И определить его, в сущности, несложно... будет несложно, — поправилась она. — Если, конечно, он упустил из виду...

Дарий соображал на лету.

— Сеня, быстро в медотсек! Кати сюда захаровский анализатор.

Сеня обернулся мигом.

Внешне анализатор выглядел целёхоньким. Зато внутри... похоже, там поработали всё тем же злосчастным газовым ключом. В глазах у капитана впервые мелькнуло что-то вроде растерянности.

— Ну не беда, — хладнокровно сказала Зося. — Думаю, могу и так его назвать. Я, знаете ли, до крайности любопытна, а двери кают толком не запираются. Сеня и

Сёма, наверное, подтвердят мои слова. Признайтесь, господа, ведь вы видели газовый ключ в каюте Кости?

Костя протяжно вздохнул. Китайцы дружно закивали.

— Я даже видел, как он етот ключь в дусевой брал, — торопливо выпалил Сёма, тыча в недавнего приятеля пальчиком. — Тама в яссике их многонько. Етот самый большой. Потом под мясики прятал.

— Константин? — Капитан хищно оскалился и сделал резкое движение пальцами, повинуясь которому маленькие пилоты крадучись двинулись к Косте.

Костя резко поднялся и вынул руку из-за пазухи. В огромном кулаке был зажат пистолет Захарова. Ствол качнулся вверх-вниз.

— Все в кучу. Туда, в угол. Живо, мясо!

Сёма с мяукающим криком молнией нырнул ему под бок. Хлопнул выстрел. Сёма взвизгнул, завертелся винтом и вдруг завалился навзничь. Конечности его быстро и страшно сучили, сбивая в кучу ковёр. Костя пружинисто переступил через него и чудовищным ударом ноги в голову снёс второго китайца. Того отшвырнуло на тележку с анализатором. Он сразу затих.

— Я сказал, в кучу, мясо, — повторил Костя.

— Послушай, овер, — с бесшабашной смелостью выкрикнул вдруг Корень, продолжая яростно чесать в штанах сразу обеими руками. — От чего тебе чинили башню?

— Не твоя забота, — сказал Костя и, сунув ствол пистолета себе в рот, нажал спуск. Наполовину безголовое тело баскетболиста шлёпнулось рядом с бьющимся в агонии Сёмой.

Мне невыносимо захотелось блевать. Чем я с облегчением и занялся.

* * *

На орбите Пажити П-1101 дожидался не только грузовой терминал, но и команда следователей. Коллеги

Захарова отличались от покойного в лучшую сторону. По крайней мере, до угроз и запугиваний не опускались. Может быть, потому, что преступник изобличил себя самоубийством и подозревать оставшихся не было нужды?

Дольше всех мучили Корня, допытываясь, откуда ему стала известна кодовая фраза, которой можно остановить пошедшего вразнос овера? Именно этого ове-ра — ведь ключи всегда разные? Корень отчаянно теребил пенис и отвечал, что ничегошеньки не помнит, действовал на автомате и вообще, не желают ли следователи подержаться за его хозяйство? От него в конце концов отступились.

Тело Кости вместе с мячами и корзиной для баскетбола, соблюдая беспрецедентные меры осторожности, оттранспортировали в район дюз контейнеровоза и сожгли пятисекундным реактивным выхлопом.

Нас помуржили недельку в карантине и спустили-таки на планету.

* * *

Зосю встречали родные. Раскрашенная в легкомысленные цвета авиетка, фырча останавливающимися винтами, подкатила прямо к трапу челнока. Первой из неё выскочила огромная пушистая собака, затем парочка радостно визжащих карапузов в бантах и оборочках и, наконец, очень красивые мужчина и женщина.

Мы с Корнем отошли в сторонку, чтобы не мешать счастливому воссоединению семейства. Мне было чертовски завидно. Корню, судя по тому, как энергично он принялся шуровать в паху, тоже.

— Ну и куда ты сейчас? — спросил я, с наслаждением вдыхая сладкий воздух.

— А... поболтаюсь тут маленько, понюхаю, чем пах-нуг местные барышни, да и рвану назад. Я говорил с Да-рием. Он через месячишко идёт к Земле.

— Назад? А как же шейх? Кастрирует ведь.

— Подумаешь, беда! — Корень беззаботно тряхнул головой. — Может, это и к лучшему. Знаешь, как меня уже достала эта штуковина! Кстати, — он оживился, — хочешь подержаться? Напоследок, а?.. Чистоту гарантирую.

— Ну разве что напоследок, — с сомнением пробормотал я.

Сияющий Корень немедленно подскочил, задирая расшитую петухами косоворотку. Штаны оказались уже спущенными. Я точно во сне протянул руку и ухватился за крепкий горячий орган. Пальцы сходились едва-едва. Потом я посмотрел в смеющиеся глаза Корня и... с силой дёрнул. Фальшивый член вместе с мошонкой отклеился, и Томка, славная моя сестрёнка, лучшая в мире актриса, мигом одёрнула рубашку, покатываясь со смеху. Подмигнув ей, я запустил палец левой руки в рот, отковырнул поддельный (хоть и ноющий, будто натуральный) зуб и вогнал его в паз на торце контейнера-фаллоса. До упора. Контейнер немедленно начал разогреваться, и я отбросил его подальше, чтобы не обжечься.

Через минуту он лопнул, выпустив белёсое, быстро тающее облачко.

Теперь я не только проживу лет сто пятьдесят, как большинство моих сверстников, но проживу их удовлетворённым. Даже если здесь никогда-никогда не приземлится вербовочный бот «голубых беретов». Ведь мы с Томкой выполнили сегодня клятву, данную давным-давно пятнадцатилетней невестой, сбегавшей с Пажити. Нашей мамой.

— Матвей!
Я обернулся. Зося призывно махала мне рукой.
— Матвей! Иди же сюда!
— Похоже, она действительно намерена поселить тебя у своих родителей, — сказала Томка.
— Между прочим, мне обещано, что наши комнаты будут рядом, — похвастался я.
— Ну так ты уж не растеряйся! Учти, она вполне готова...
— ...Поддержаться? — рассмеялся я.
— И не только, Матвейка. — Томка стала вдруг серьёзной.
— Будь спокойна, сестрёнка. Не растеряюсь.
— Матвей, ну ты что? — Подошедшая Зося потянула меня за одежду. — Идём скорей. Диспетчер уже окончательно взбеленился. Грозит пожаловаться на папку в авиаотряд. Лётные права в два счёта отберут. Тома, а ты летишь?
«Тома»? Я окинул девчонок недоуменным взглядом. Обе хитро улыбались. Ну и конспираторши!.. Когда только снюхаться успели?
— Разве что на денёк... — протянула с сомнением Томка.
— Тогда побежали! И мы побежали...

Галина Чёрная

Детектив из Мокрых Псов. Дело № 1. Маньяк святой воды

Поезд высадил меня на дьяволом забытой станции городка со странным названием Мокрые Псы, округ Дог'ре, что в переводе с ангелльского означает «Собачья кровь». Я поставил свой чемодан на платформу и оглядел пустынный перрон. Небольшое одноэтажное здание станции соблюдалось в порядке — хорошо ухоженные кусты плюща в декоративной паутине с крупными металлическими пауками оплетали его по бокам до самой крыши. Серое небо, один, традиционно ржавый, фонарь, полусорванное ветром расписание поездов и общая атмосфера какой-то особенной, домашней унылости. Всё как в детстве...

— Значит, это и есть моё новое место работы? Ну-с, посмотрим, посмотрим, — бодро пробурчал я себе по нос.

Клубящийся по платформе туман начал собираться, густеть, приобретая форму, и ещё через несколько мгновений передо мной стоял станционный смотритель. Пожилой вампир дружелюбно улыбнулся, обнажая полустёршиеся клыки и привычно подхватывая мой чемодан.

— Как доехали, сэр? Надеюсь, поездка была не слишком утомительной? — вежливо поинтересовался он.

Я устало покачал головой, улыбаясь в ответ:

— Нормально, если не считать одного незначительного инцидента. Со мной в купе ехала молодая пара, представители новой религии, пытавшиеся перетянуть меня в свою веру. Может ли культурный чёрт верить в дьявола, если есть Сатана, причём внятно объяснить разницу между тем и другим они не смогли. Пришлось показать им моё служебное удостоверение и тоже задать парочку вопросов...

— Лицензии на право читать проповедь у них, разумеется, не оказалось? — хитро сощурился смотритель, поддерживая разговор.

— Вот именно.

— Приятной службы, пан Браздинский, — поклонился он, открывая передо мной ржавую калитку в свежевыкрашенной в цвет крови ограде. — Надеюсь, что вам у нас понравится.

Я кивнул, выходя с вокзала на городскую дорогу. Он уже знает, кто я, как меня зовут, из каких я краёв и чем буду здесь заниматься. Провинция... Здесь не так много событий,

чтобы пропустить приезд нового сержанта полиции, да ещё из самого Спариза.

— Патрулейское отделение прямо здесь, пан, через дорогу. — Он показал рукой на невысокое жёлтое здание, — Но там уже закрыто, и вам, полагаю, нужно сначала в гостиницу «Рога под нимбом». Идите прямо по главной аллее и через две улицы сверните направо, выйдете на Старую площадь, и гостиница будет прямо перед вами. Свободные номера у них всегда есть.

Вежливо поблагодарив старого вампира и взяв чемодан, я перешёл вымощенную могильным камнем дорогу, оглядел патрулейский участок, где мне предстояло провести следующие несколько месяцев своей жизни. Надеюсь, долго это не протянется, я добьюсь возвращения в столицу, а временную ссылку в эту дыру буду вспоминать как вынужденный период отдыха. Согласитесь, даже лучшим специалистам бюро сыска когда-то нужно отдыхать, а я и был одним из лучших. Может быть, чересчур старательным, за что и... В общем, не хочу об этом вспоминать.

Участок, или сыскное отделение, построенный из закоптелого могильного камня, выглядел слишком мирным и даже сонным, чтобы здесь можно было рассчитывать на активный труд и интересные дела. Но я чувствовал себя не в лучшей форме, чтобы заходить знакомиться с новыми сослуживцами сию же минуту. Да и сейчас там, наверное, один ночной дежурный, рабочее время в полиции таких маленьких городков-деревень обычно с девяти утра до пяти вечера. И вот тут-то я впервые заметил слежку...

Шагах в двадцати следом за мной мягко кралась тёмная фигура, закутанная в длинный плащ с подчёркнутой талией. Я сделал вид, что засматриваюсь на ночные звёзды, и вдруг, резко обернувшись, шагнул навстречу преследователю. Перепуганная фигура махнула хвостом и исчезла в густеющих сумерках. Судя по кисточке на кончике хвоста, это был чёрт или чертовка. Ну что ж, утром разберёмся, вряд ли в этом городишке меня ждут более сложные «расследования»...

Следуя подсказке смотрителя, я пересёк неширокую аллею из давно отмерших вязов, примерно на метр от земли заботливо вычерненных мазутом — дешёвая и всегда действенная защита от могильных жуков. Отдельные прилипшие к чёрному особи потом надолго служат естественным украшением дерева. Говорят, в некоторых городах на побережье вопреки старым традициям на кронах оставляют листья. Лично я всегда стоял за старый метод раннего обрыва почек, всё-таки в зелени листьев есть что-то болезненное, нет?

Тем более когда в осень они станут ещё красными и жёлтыми. Как у тамошних жителей (если только это правда) не рябит в глазах от такого калейдоскопа? А ведь сколько поэзии и законченности в голой серой ветке мёртвого ясеня с сидящим на нём древним вороном, изрыгающим страшное проклятие, от которого кровь стынет в жилах. Видимо, я большой романтик...

Наконец аллея закончилась, и я вышел на площадь, посреди которой возвышалась мрачная статуя какого-то дьявольского великомученика. Пересекая площадь, я взглянул на табличку на постаменте, это оказался Люциус Роллинг, сожжённый антирелигиозно настроенными крестьянами-упырями в году четырёхста десятом от рождества антихриста.

...Небольшое двухэтажное здание гостиницы с вывеской «Рога под нимбом» было построено в стиле позднего хард-рококо и производило довольно благоприятное впечатление своими трагично ломанными линиями. На первом этаже размещалась круглосуточная пивная. Слева находилась пекарня, справа — салон гробов-кроватей. Ещё дальше, над зданием тюрьмы, возвышался шпиль городской ратуши. Гостиница оказалась вполне приличной...

— Один номер на одну ночь для одного постояльца? — деловито уточнил небритый клерк-фавн. — Да, пан Ирджи Браздинский, о вас предупреждали. Вот ключ. Но прежде прошу подписать здесь и здесь, что с правилами проживания вы ознакомлены.

Я молча подписал закоптелый бланк о том, что обязуюсь не приводить толстых женщин после часа ночи, не разжигать костры на подоконнике, не быть на луну с двенадцати ночи до четырёх утра, не оставлять дверцу холодильника открытой, не кормить нищих

вампинов орешками из мини-бара и не стрелять в цыган из лука, рогатки, арбалета (исключение составляет лишь табельное огнестрельное оружие). Вполне разумные требования, всё как у всех...

Мне дали номер с видом на чёрные воды местной реки. Делать было абсолютно нечего. Постояв под душем и почистив зубы, я лёг спать, но, провалявшись в постели без сна полчаса, включил телевизор. Два региональных канала показывали унылые женские сериалы, а ещё один — детские мультики про зайца и волка. Тупо попялившись в экран минут двадцать, я сдался, оделся и пошёл бродить по спящему ночному городу.

Врождённая привычка столичного сыщика ни на секунду не терять бдительности не давала расслабиться и здесь, где по статистике за два прошлых года не было совершено ни одного преступления. Кроме, кажется, всё той же оплошности заезжего туриста, покормившего вампинов орешками из мини-бара. Вроде ему даже вклепали за это штраф и взяли подписку впредь никогда не посещать Мокрые Псы (дьявол, что за название?!), чему он был только счастлив...

Наверное, я просто не умею отдыхать. Зря, конечно, ибо искусство расслабляться очень важно в работе полицейского. Я всё время чувствовал себя на службе с тех пор, как три года назад, сразу после окончания Муниципальной школы полиции, заступил на должность сержанта в округе Спариж. Так сложилось, что за это время я ни разу не брал отпуск и проводил вне отделения не больше одного выходного дня в неделю. Иначе было просто невозможно. В столице преступления совершаются каждые пятнадцать минут. Не то что здесь.

Хотя-а... возможно, это поспешные выводы. Я увидел, что за магазином траурных венков, которые у нас дарят по любому поводу, к одному тощему домовому пристаёт трое ражих детин его вида. Они прижали его к стене, и тот что-то бормотал испуганным, оправдывающимся голосом,

— Сержант Браздинский, — представился я, быстрым шагом подскочив к ним и показывая удостоверение. — Что здесь происходит?

«Жертва» расплылась в улыбке, а «грабители», наоборот, обернулись несколько недоуменно, но только в первое мгновение. Через секунду и они заулыбались, но так двусмысленно и мерзко, как будто увидели старого приятеля, который был свидетелем и соучастником их детских преступлений.

— Себджанд? Да как бы себджанд Браздинский? Мы бас так бждали! — радостно вскричал один доброхот из «грабителей». Давно не слышал этот носовой прононс, встречающийся только у синегорских домовых.

Я слегка опешил. И это, кажется, отразилось на моём лице, несмотря на многолетнюю выучку скрывать эмоции.

— Хма-хма-хма! Себджант, да бы, кажется, бешили, что мы дуд чем-то кривинальным занимаемся...

— Именно, поэтому руки вперёд!

Я автоматически потянулся к карману за наручниками. О ряса ангела, я ведь их не взял! Кто мог подумать, что обычная ночная прогулка обернётся необходимостью задержания преступников? В смысле, в таком-то сонном месте?!

— Эй, если хотите их арестовать, дьявола ради! Но почему это нужно делать на середине поздравления?! — искренне возмутился тощий. Судя по речи, не синего-рец.

— Но разве эти трое не напали на вас?

— Так у меня же день рождения, — подтвердил он с таким видом, словно это всё сразу делало ясным.

Я окончательно запутался.

— И?..

— Они меня чествовали, — вздохнув, начала пояснять «жертва», значимо и чётко разделяя слова, как самому тупому троллю. — У нас такой обычай, у домовых. Мы бедные, и у нас ничего нет. Поэтому друзья на день рождения, видя, что мы не собираемся накрывать

для них стол и угощать, бьют нас и пинают. Конечно, понарошку, если не увлекутся. А после уже дарят что могут. А вы нам весь ритуал испортили.

— Но... где тогда подарки? — спросил я, уже понимая, что домовой, скорее всего, не врёт. Слишком убедительным было его возмущение. Но для порядка надо было довести допрос до конца. К тому же неприятно так ошибиться после трёх лет службы...

— Бот они. На эти дебьги и этой быпивкой он до-бжен нас угостить. Даков сбященный обычай догбеб-ских добобых.

— Но вы-то не догревские!

— Не-э, бы-то с гор, себебные, бторой год дуд на за-баботках, батушу бебонтибуем.

— О, друзья мои, вы настоящие друзья... — умильно разглядывая какую-то коробку с бренчащей мелочью и прижимая её к сердцу, бормотал домовой.

Мне стало стыдно. В школе полиции нас заставляли учить разные обычаи народов всех округов, но, не встречаясь с домовыми за всё время службы, видимо, я что-то подзабыл. Однако проверить всё-таки стоило.

— Позвольте посмотреть.

— Конечно, сержант.

Ну на первый взгляд там ничего подозрительного. Мешочек с монетами, вроде не лепрехунскими, старая зажигалка, пара бутылок дешёвого русалочьего вина. Что-то подсказывало мне, что его не мешало бы изъять и провести экспертизу. Возможно, это у меня уже издержки профессии искать во всём следы преступления (здесь тебе не столица, Ирджи, здесь преступлений вообще не бывает!), поэтому, поколебавшись, я решил не портить домовым праздник.

— Приношу свои извинения, господа. Позвольте поздравить вас от лица полиции. Надеюсь, что вы будете вести себя прилично, без лишнего шума и вовремя разойдётесь по домам.

— Да буж сбасибо, не дубади не гадаби угодить се-бодня в катабажку...

— Ещё раз извините, — пришлось повторить мне. — И весело вам отпраздновать.

Я козырнул, прикоснувшись когтями к рогам, развернулся через левое плечо и отошёл, избавив домовых, у которых и такуже заметно поубавилось праздничного настроения, от своего дальнейшего присутствия. Уходил быстрым шагом, надеясь найти где-нибудь за углом паб или кофейню. Хотелось чуток успокоить нервы...

Но не более чем через пять минут я заметил, что за мной снова следят. Уже не в первый раз за этот день — подозрительно, правда? Может быть, и не стоило игнорировать такой жгучий интерес к моей скромной персоне. Однако, как только я развернулся, следящий тут же испуганно метнулся в тень. Догонять его мне не хотелось. По крайней мере, сейчас. У меня было чувство, что это не последняя наша встреча и у меня ещё будет время со всем разобраться.

Сойдя с главной площади, я свернул в очередной переулок между салоном гробов-кроватей и местной избой-читальней, в окне которой экспонировались книги, вышедшие из-под пера артели одомашненных драконов-литераторов. Мне самому ничего этого читать не доводилось, но многие хвалят.

Я вдохнул полной грудью тёплый воздух летней ночи и увидел на старенькой тумбе для объявлений большой плакат с сообщением о городском празднике. Судя по дате, он проводится сегодня на городском кладбище, как обычно по традиции до сих пор и устраиваются главные праздники в таких маленьких городках. Расписание тоже весьма стандартное: «В 13 ч конкурс юных чертей «Задери соседке юбку!» (в трёх этапах), а также барбекю из неодомашенных драконов, грязные танцы, вручение приза за лучший кактус года и награждение победителей за счёт спонсоров колбасной фабрики «Крысси-энд-хуть».

От разглядывания нарисованных на афише девушек в народных платьях с короткими пышными юбками меня отвлекла компания юных горгулий-неформалок, которые курили, болтали и хихикали самым неприличным образом. Одна из них незаметно сунула в лапу другой нечто очень похожее на пакетик ладбастрового порошка, привозного наркотика,

самого популярного сейчас среди «позолоченной молодёжи».

Стоит он весьма недёшево, что диктуется очень сложным способом добычи самого ценного его составляющего — ладана. Этим занимаются исключительно горгулий, поскольку в этом деле необходимы крылья и умение летать. Обычно шесть горгулий подкарауливают на нижних небесах дежурного ангела с ладаном и ценой потери двух-трёх, а иногда и больше собратьев отбирают порошок. Добытый ладан потом смешивают с алебастром (отсюда и название) в определённой пропорции и видят с ним райские кущи. К нормальной жизни летающие монстры, хотя бы один раз нюхнувшие эту ангельскую дрянь, уже не возвращаются.

Я решительно направился к этой весёлой компании. Не надеясь на неокрепшие крылья, они попытались просто убежать. Сняв с пояса дубинку, я согнул её бумерангом и, не целясь, запустил вслед удирающим подросткам. Бумеранг попал под колено последнему, тот упал напереди бегущего, и вместе они свалили остальных. А пока они поднимались, я уже возвышался над ними, грозный как само правосудие.

Обыск привёл к ожидаемому результату. Из карманов юношей были извлечены на свет два пакетика лад-бастра. Никаких разумных объяснений они дать, естественно, не могли. Я за шиворот повёл в участок всех четверых.

Нажал на кнопку звонка, роль сигнализации выполнял раздирающий душу стон неопохмелившегося Уфи-ра, демона врачей и стоматологов. Подождал минуту и, убедившись, что открывать никто не спешит, постучал два раза. Старая, скрипучая дверь распахнулась без промедления. Не заперто? Надеюсь, хотя бы внутри кто-то есть...

В пустом коридоре пахло табаком и ванилью. В участке просиживал штаны только дежурный чёрт с исключительно постным выражением лица и торчащими из-под верхней губы кривоватыми клыками (что говорило о явной примеси вампирской крови). Он даже не встал из-за стола, когда мы вошли, а лишь поднял на нас мутный, с капелькой удивления в глубине чёрных глаз взгляд и вялым, безжизненным голосом предложил:

— Томатного сока с перцем... сержант?

Я посмотрел на стоящий перед ним полупустой стакан и покачал головой:

— Спасибо, лучше оформите-ка эту компанию.

— А что они натворили? Такие юные и безобразные?.. — с явным смаком отпивая сок, но по-прежнему не двигаясь с места, спросил этот странный тип.

— Нюхали л ад бастр, — жёстко сказал я.

— Ой как хорошо-о-о... То есть нехорошо! Так ведь нельзя. Дети, вы ведь себя сгубить можете. Красоты Эдема захотели увидеть? Это совсем неподходящий путь для воспитанных горгулий. Но зачем же так прямо сразу и оформлять? Думаю, им надо дать шанс. А, сержант?

Я сдвинул брови, придерживаясь иного, продиктованного опытом взгляда. Если их сейчас отпустить, лишь мягко пожурив, до них просто не дойдёт. Я видел это по их спокойным, нарочито отстранённым выражениям лиц. В глазах у этих нахалов было чётко написано: «Лучше помолчать и не спорить, изобразить раскаяние и надуть этих наивных полицейских старичков». А уже со следующей дозы любой из них может не вернуться. Ладан — убийственное вещество для каждого в этом мире, будь ты горгулия, чёрт, лепрекон или фавн: если чуть изменить пропорции смеси, перебрав ладана только на один миллиграмм, последует окончание очередной коротенькой и не очень умно прожитой жизни. Простите за сумбур выражений, но я уже насмотрелся смертей от наркотиков...

— Оформляйте протокол, капрал Фурфур Флеврет-ти, — прочёл я его имя на беджике на форменной рубашке.

— Но, сэр, всё же вы здесь новое лицо, а я...

— Это мой приказ. Как старшего по званию. Горгулий возмущённо загомонили. Тяжело вздохнув

и вылив в рот остатки практически серого от количества перца томатного сока, капрал крякнул от удовольствия, потянулся за амбарной книгой на краю столешницы и, обмакнув

перо в чернила «каракатица», объявил:

— Тэкс, тогда приступим. Ну, ребятки-горгулятки, ведите себя потише, а то я собьюсь и перепутаю ваши адреса, а может, и пап и мам. Кому это понравится? Правильно, никому. Поэтому цыц!

Я понаблюдав немного за его попытками справиться с пером, которое никак его не слушалось, достал из нагрудного кармана свою авторучку и протянул ему. Смущённый Флевретти благодарно кивнул.

— Хотите, я их оформлю? Мне это привычнее, да и не мешает поближе узнать специфику вашей работы с местным населением. Это поможет мне скорей втянуться в коллектив...

— Конечно, сержант... э-э-э?..

— Браздинский.

Горгулий противенько захихикали. Моя славянская фамилия всегда вызывает такую реакцию. Я уже привык. А капрал с явным облегчением и даже радостью уступил мне своё кресло. Я писал по его подсказке, он знал всех подростков по именам, их адреса, имена родителей, истории семей до пятого колена. За это время он раз пять потянулся и раз шесть зевнул, чуть наклонив голову набок и умильно глядя на горгулий, словно это были небесные птахи, а не злобно ухмыляющиеся исподтишка адские твари. Про большинство наших подростков иначе и не скажешь. Мир катится в тартарары, уровень преступности нереально высок, и мы единственные, кто хоть как-то сдерживает этот нарастающий вал...

За писаниной я не сразу обратил внимание на пронзительный скрип входной двери, потом в коридоре раздались тяжёлые шаги, и в комнату вошёл пожилой, невысокий, но нереально толстый чёрт в комиссарских погонах на круглых покатых плечах. Форма наверняка сшита по индивидуальному заказу, пузо свисает, сам поперёк себя шире, но вид суровый. Он оценивающе зыркнул на меня из-под сведённых кустистых бровей. Где-то в глубине глаз блеснули весёлые искорки.

Я решил подыграть и встал по стойке «смирно».

— Сержант Ирджо Браздинский прибыл для несения службы, сэр!

Горгулий опять прыснули. Капрал Флевретти, не сдержавшись, тоже дёрнул губами в усмешке, но тут же напустил на себя скорбный вид, пронзая юных подследственных осуждающим взглядом.

— Вольно, вольно, сержант, — добродушно заулыбался комиссар. — Моё имя Жерар Волян, и я рад вас видеть. Давно прибыли?

— Несколько часов назад, сэр!

— Тогда добро пожаловать в наш мирный, уютный городок, уверен, что вам здесь понравится, хотя сначала всё может показаться менее ярким и шумным, чем в столице. Зато у нас отличное местное пиво, — он причмокнул губами, мечтательно закатив глаза, — и гречневая каша с нарезкой из копчёных бычьих хвостов... мм... такую готовят только здесь. Почему были вынуждены оставить прежнее место службы?

— Интриги сослуживцев, сэр.

— Понимаю, это достойный повод. Только боюсь, вы найдёте у нас не так много возможностей для применения ваших исключительных тшгантов детектива, о которых мы все наслышаны. Не смогли уснуть на новом месте? А что эти юные шалопаи здесь делают? — Он как будто только что заметил горгулий и изобразил на лице крайнюю степень удивления, хотя мне казалось, что они своей болтовнёй наполнили всё пространство помещения. — Не может быть, Фрэнки, Лора, Тинто... Куда смотрят ваши родители, а? Надеюсь, одного вашего привода в полицию им будет достаточно для того, чтобы уделять вам больше внимания. Ладно, я забыл тут на столе свои очки для чтения, не могу уснуть, не прочтя перед сном главку-другую сентиментального сериала о собакоголовых зомби-лесбиянках «Вы-браковка, я-браковка, ты-браковка». А, вот и очки! Ну-с, покойной ночи...

— Покойной ночи, сэр, — дружно откликнулись мы с капралом.

— И вот ещё, сержант. — Он задержался и, глядя мне в глаза, многозначительно

добавил: — У нас не было ни одного нарушения за последние пять месяцев после кражи малолетками в соседнем округе двух товарных вагонов с дистиллированным холестерином.

— Громкое дело было, сэр, — подавшись вперёд, поддакнул капрал.

— Они пытались продать его оптом в табачной лавке... но это был исключительный случай. У нас была такая хорошая отчётность, друг мой... до вашего приезда. Но об этом мы ещё поговорим. А сейчас идите ложитесь спать, мой дорогой. Сегодня вам предстоит важное и исключительно ответственное дело, никому другому я поручить его не могу. Поэтому вам надо хорошенько отдохнуть, побыстрее дооформляйте тут всё и в постель. А вы марш по домам, бездельники! Думаю, папы и мамы уже заждались своих непутёвых чад...

Горгулий отпустили, разумеется, я пообещал на прощание, что мне всё-таки придётся вызвать для разговора их родителей, что поумерило радость подростков. Обычное родительское наказание для таких активных ребятшек — визит к парикмахеру и ритуальное подрезание крыльев. А это похуже, чем лишить Интернета. Пока крылья не отрастут снова, малолетки будут привязаны к земле, а летать смогут только через три-четыре недели. С другой стороны, не в тюрьму же их сажать...

Я вернулся в гостиницу, поднялся в свой номер и остаток ночи мирно проспал. Утром встал бодрым, удовлетворённым вчерашними успехами, сделал зарядку и спустился на завтрак. Кажется, начинаю понемногу привыкать к новой обстановке. Думаю, мы быстро поладим с этим милым городишком, тут всё не так уж плохо, зря боялся.

Увы... Завтрак начался с дурной яичницы, жирных тостов и свежей местной газеты, описывающей мои вчерашние приключения. Или, вернее сказать, злоключения? Статья имела броский заголовок «Зверское избиение домовых! Надругательство над святыми устоями! Полиция оскверняет традиции!». У меня глаза полезли на лоб. Дальше шёл не менее шокирующий текст: «Новоприбывший к нам детектив Ирджи Браздинский уже успел показать себя, и далеко не с лучшей стороны... «Он набросился на нас, как бешеный... Доколе будем терпеть?» — спрашивает один из пострадавших. «Доколе?!» — спрашивает и наша газета... Комиссар полиции от беседы с журналистами воздержался, но, судя по его молчанию, он также недоволен действиями своего нового...» Я тупо откинулся на спинку стула и залпом выпил вторую порцию растворимой бурды, незаслуженно носившей в меню название кофе.

Статья про горгулий занимала весь следующий лист. Но если первая пестрела моими фотографиями, скачанными с моей же страницы в «Однокашниках», то вся история с горгулиями была показана в развесёлых комиксах! Развесёлых для читателя, разумеется, мне-то они доставили мало радости. Карикатурный я стрелял сначала из пистолета, потом из пулемёта, а потом из пушки по невинным детям горгулий, летающим в белых платицах под облаками, а позже уводил их, сбитых и окровавленных, куда-то во тьму. Каково, а?! «Начальник полиции оставляет эти факты без комментариев». Внизу мелким шрифтом был указан автор статьи — Эльвира Фурье. Отличная фамилия! Идеально подходит для той грязи и лжи, которую она на меня вылила. Я опрометью бросился на работу. Мне казалось, что каждый встречный на улице смотрит на меня со смехом и негодованием...

— Всё-таки у нас маленький городок, а ты умудрился за один вечер стать здесь главной новостью и героем прессы! — спокойно сказал мой начальник, когда я дошёл до участка. Тот же номер утренней газеты уже лежал у него на столе, раскрытый на нужной странице, он сразу понял, что я уже ознакомился со статьёй. Видимо, мне не удалось скрыть эмоции на лице. — Ладно, не огорчайся, я тут заказал завтрак в китайской лавочке. Знаю, как кормят в этой гостинице, за один кофе их судить мало.

И, убрав газету в стол, он выставил передо мной пять разных картонных коробочек, испещрённых иероглифами. Содержимое некоторых мне показалось прямо-таки подозрительным. Я оставил себе зелёный чай, рис, а переперченную свинину поспешил отодвинуть в сторону.

— Спасибо, но нет, это вредно.

— Давай сюда, — кивнул комиссар. — Всё, что вредно, мне полезно.

Я обратил внимание, что у него нечищенные ботинки, а мундир блестит на рукавах, видно, что комиссар проводит много времени за столом. Типичный пример провинциального служаки, озабоченного лишь тем, как бы дожить до пенсии и ни с кем не испортить отношения...

— Какое ответственное задание вы мне хотели поручить, сэр? — спросил я, зная, что сейчас только работа сможет отвлечь от неприятных мыслей, связанных с началом службы в этом гостеприимном месте.

— Судить конкурс чертенят на городском празднике! — Он важно поднял вверх указательный палец. — Это большая честь. Раньше её доверяли только мне! Собирайся, нам пора на кладбище.

С трудом взяв себя в руки, я сказал:

— Признаться, я никогда не видел подобного конкурса.

— Естественно. Ведь у вас в Спариде все юные чертовки ходят в брюках.

— А в чём его суть?

— Идём, объясню по дороге. Капрал Фурфур, остаётся за старшего в отделении!

— Как всегда, шеф, — буднично раздалось из подсобки.

Мы с комиссаром вышли на улицу. То и дело отвечая на приветствия прохожих, мой начальник неспешно расписывал мне предстоящее празднество. Или, по совести говоря, маленький местный междусобойчик...

— Всё очень просто, сержант. Сейчас усядемся на трибуне, поближе к судейскому месту. Потом под музыку пройдут пять самых красивых молоденьких чертовок от семнадцати до двадцати, каждая держит в руке традиционную палку. А наша отчаянная малышня будет пытаться задрать у них подол. самого ловкого чертёнка, который больше всех задерёт юбок и меньше всех словит по башке палкой, ждёт награда от городского совета!

— Э-э-э, вам не кажется, сэр, что это несколько... безнравственно, что ли...

— Да ну? — вскинув седые брови, удивился он. — Зато интересно! Ещё мой прадед познакомился так с моей прабабушкой, и они прожили вместе долгие годы...

Я уныло кивнул. В конце концов, не мне рассуждать о морали простонародных традиций. Надеюсь, ничего сложного в выборе наиболее наглого и ловкого чертёнка не будет. Но на деле всё оказалось гораздо труднее. Поверьте, по затрате психической энергии легче поймать десять бандитов-гвантелупцев, которые вечно тащат в нашу страну всякую дрянь вроде кошерного вина, чем судить конкурс чертенят по задиранию юбок. Попробую начать сначала...

Как и гласило прочитанное мною ранее объявление, конкурс проходил на кладбище. Видимо, он имел чётко выраженную возрастную направленность, так как в основном туда спешили старики и подростки. Два десятка малышей, стоя за символическим ленточным ограждением, ждали своего выхода, разминаясь, садясь на шпагат и примеряя на головы мотоциклетные шлемы. Пятёрка чрезвычайно милых юных чертовок в ярких свободных юбках и спортивных футболках, хихикая и перешёптываясь, тусовалась в сторонке. Мы с шефом, мэром и ещё двумя приближёнными лицами были усажены за специальный столик жюри, все прочие зрители, галдя, толпились по обе стороны неширокой ковровой дорожки. Подразумевалось, что пять претенденток должны неспешно пройти по ней двадцать метров и не позволить ни одному чертёнку задрать себе юбку.

Толпа судачила о прошлых временах, каждый пожилой чёрт кричал, что в своё время именно он и был ежегодным чемпионом деревни по задиранию юбок. А все бабушки-чертовки говорили примерно то же самое... только наоборот.

— Это твоя внучка?

— Да, и с моей палкой. Сколько я ею костей понало-мала и рогов поотшибала, у-у-у... Она уже почти лакированная стала.

— А вон те двое мои парни! Второй год по три юбки задирают! Моя школа, все в дедушку...

— Твоя школа? Нет, вы слышали, а?! Да чтоб ты знал, они тренируются у моего сына, а тебя вечно уносили с разбитой башкой и оттоптаннными почками! Вот брехло-то...

— Не брехло он! Фантазёр просто... кажется ему всё... Да и кому бы не казалось, если ещё в детстве столько раз по маковке дубиной огрести. А в прошлом году мой внук победил! Я ему ещё свои старые награды примерить давал...

— Какие награды, старый вун? Да я те, помнится, ещё сорок лет тому назад три ребра палкой прогладила и коленную чашечку разможила! Эх, где мои семнадцать лет...

За короткое время у меня сложилось стойкое убеждение, что все представители мужской части населения были повальными чемпионами по задиранию юбок, а вся женская половина ни разу не позволила задрать себе юбку, успешно отбиваясь палкой от увечных конкурсантов. Кто же тогда и каким образом мог быть чемпионом, непонятно...

Подумав, я тихо спросил у мэра:

— Вы, вероятно, тоже были чемпионом по задиранию юбок?

— Да! — обрадовался он. — Как вы узнали? Я ведь стараюсь об этом не говорить, положение ко многому обязывает, такое легкомысленное прошлое... Но это было чудеснейшее время! Ни одна из них не могла до меня дотянуться палкой, я ловко ускользал от всех, а задранные мною юбки так и мелькали, так и мелькали... Но смотрите, первая партия!

Выход пяти девушек и чертенят не произвёл на меня ровно никакого впечатления, хотя публика ревела от восторга и азарта. Юбки были задраны всем! Но четверых не самых ловких чертенят унесли с дорожки в полном отрубеве. Я чувствовал себя неуютно, словно находился на узаконенном традициями акте членовредительства. А малыш, умудрившийся задрать аж четыре юбки, приплясывая, спешил к нашему столику...

— Ты герой, — откашлявшись, произнёс я. — Когда вырастешь, приходи к нам в полицию, нам нужны такие отчаянные парни. То есть если вырастешь...

Шеф удовлетворённо кивнул, довольный моей речью, а мэр наградил победителя тяжелой серьгой в ухо в виде перевёрнутой звезды Давида. Она была больше головы чертёнка и висела почти до самой земли, так что он пошёл, прижав голову к плечу, согнувшись набок, но терпя эти неудобства, донельзя гордый собой.

— Таких давали всего четыре, и у меня одна из них, — шепнул мне комиссар со сдержанным достоинством.

Кто бы сомневался в правдивости этого признания. Девушки готовились ко второму кругу...

— А сейчас будет конкурс для чертенят постарше. Всех участников обливают водой, чтобы усложнить задачу, — просветил меня мэр. — Все скользят, падают, так куда трудней задрать юбку и увернуться от палки. Начинаем!

И сразу пять-шесть вёдер с водой взметнулись вверх, зрители взвыли от восторга и предвкушения зрелища! Возможно, поэтому на вопли одной полной девушки-участницы не сразу обратили внимание. И только когда она начала кататься по земле, когда резко смолкла музыка, я вскочил с места. Пока шеф пытался меня остановить, пока пользующиеся случаем чертенята шесть раз подняли ей юбку, пока мне удалось растолкать смеющуюся толпу, бросившись ей на помощь, пока мэр смог навести хоть какое-то подобие порядка, прошло, наверное, минут десять... За это время несчастная потеряла сознание.

— Святая вода, — прорычал я, подхватывая её на руки. Я не мог ошибиться, ожоги были слишком характерными, мне приходилось сталкиваться с таким на занятиях по криминальной медицине.

Кто мог пронести святую воду на детский конкурс?! За годы службы я, конечно, видел и более страшные вещи, но столкнуться с подобной бесцеремонностью здесь, в Мокрых Псах, где, по отчётам, ничего подобного не случалось, по крайней мере, лет сто! С этим надо будет срочно разобраться, но сейчас надо думать о другом...

— Полиция! Полиция! — закричал кто-то прямо над ухом.

— Спокойно, я полиция, сержант Браздинский. Позовите лучше врача!

Народ продолжал галдеть, праздник был смят, взрослые спешно уводили детей. Я огляделся в поисках шефа, но его рядом не было. Передав бедняжку подоспевшей «скорой помощи», я принял командование на себя, по горячим следам выискивая подозреваемых. И зацепил сразу двоих!

Первым был слепой ветеран последних ангелльских воин, кстати, крылатый десант святого Михаила как раз использовал такие бомбы со святой водой против нашей пехоты. Ветеран что-то поднял с травы и с подозрительно прямой спиной заспешил с поля. Пришлось догнать и попросить показать, что у него там. Он возмущался и тряс медалями, но потом признался, что подобрал чей-то упавший сотовый телефон. А когда я начал проверять документы, то при детальном рассмотрении его удостоверение инвалида оказалось фальшивым. Это был не ветеран, а вор и шулер. Пришлось задержать. Я передал его подоспевшему капралу Флевретти, который его не знал («Не из местных, сэр!»), и попросил отвести в участок для дальнейшего разбирательства, а сам продолжил поиск.

— Что случилось? — За моей спиной неожиданно возник запыхавшийся шеф.

— Где вы были?

— Да прямо здесь. А что произошло?

Я обрисовал ситуацию. Он взволнованно кивнул.

— Вы что-нибудь видели? Что-нибудь подозрительное? Как это могло случиться? Есть зацепки?

— Пока нет, — вынужденно признал я. — Но мы ищем.

Комиссар снова кивнул.

— Продолжайте.

У него был растерянный и даже слегка напуганный вид. Не думаю, что и я сейчас выглядел лучше. Вторым подозреваемым был высокий лысый чёрт в форме почтальона, вернее, не совсем подозреваемым, мне показалось необычным только одно — перчатки на руках. Они были тонкие и облегающие, но посреди лета! Это не могло не вызвать вопроса: «Зачем?» Кроме того, я припомнил, что он одним из первых кинулся на помощь девушке и до сих пор находился рядом с ней, кричал и суетился, в общем, всячески мешался под ногами полиции и санитаров. Но намеренно он это делал или из глупости и желания помочь?

Я хотел подойти к нему и задать пару вопросов, но шеф как будто прочитал мои мысли.

— Вы смотрите на руки нашего почтальона месье Сабнака? Ха-ха. Выбросьте из головы. Он у нас со странностями, в любое время года ходит в перчатках, я, собственно, и не припомню, видел ли я его когда-нибудь без них. А ведь он у нас уже два года на почтовой службе.

Девушке тем временем оказали медицинскую помощь. К счастью, ожоги были не такими сильными, какими казались вначале. И тем не менее её всё же пришлось госпитализировать. Врачи обещали сделать всё возможное и невозможное. Видя, что «скорая» отъезжает, я задержал их, попросив дать мне одну минуту.

— Только минуту. Состояние очень тяжёлое.

— Вы что-нибудь видели? — спросил я пострадавшую, осторожно взяв её за руку.

Она открыла глаза. Взгляд у неё был как у больной коровы, и такой страдальческий, что сердце сжималось. За все три года полицейской службы я так и не привык к чужой боли. Иногда это очень мешает работе, особенно в ситуациях, подобных этой, когда нужно максимально сохранять отрешённую чёткость мышления. Ужасно злюсь на себя за это. Видимо, настоящим профессионалом мне не стать, не хватает хладнокровия.

Она шмыгнула круглым пяточком, личико перекошилось (но от физических страданий или от душевных?), и покачала головой.

— Я... ничего не помню... я... всё так неожиданно и больно... мама...

— Всё будет хорошо.

Я ободряюще сжал её руку и кивнул санитарам. Они задвинули носилки в машину.

Отходя назад, я с кем-то столкнулся спиной. Ну кто тут лезет под руку?! Я оглянулся, собираясь сделать строгий выговор, и увидел миловидную чертовку лет двадцати трёх, в

невероятном мини, с глубоким декольте и с профессиональным фотоаппаратом в руках. Что-то в том, как она отпрянула, показалось мне очень знакомым...

— Вы лезете под санитарную машину, мешаете врачам.

— Я здесь тоже не в куклы играю, — буркнула она в сторону, вжимая голову в плечи и всем видом показывая, что ей крайне некогда.

Ах вот это кто! Ну-у на этот раз я её так не отпущу.

— Это вы за мной следили ночью? Фотографировали и опубликовали эту злобную вымышленную статью? Вы знаете, что вам полагается по закону о клевете? А что сейчас здесь делаете? Ходите за мной по пятам и вновь собираете материал для своих газетных инсинуаций...

— Вот ещё! Сколько вопросов, и все о вас. Я должна написать заметку о празднике. А теперь ещё и об этом... кошмаре!

— Понятно. Только, кажется, в суматохе вы забыли надеть юбку, — фыркнул я. А сам невольно отметил, какие у неё глаза, огромные серые озёра, в них целый мир, они вытягивают душу.

— Я надела юбку!

— Простите? Задумался...

— Я говорю, что надела юбку!

— Простите ещё раз, я подумал, это просто широкий ремень. Теперь понятно, почему он с бахромой, а то казалось, что просто поистрепался.

— Да, слегка, потому что его носила ещё моя бабушка, — съязвила она. — Тогда и вы простите меня, но я должна делать свою работу. Как и вы свою!

И, перекинув сумочку поудобнее, она решительно зашагала прочь.

— Ваша работа — писать клеветнические статьи на полицию? — повысив голос, поинтересовался я ей вслед.

Она обернулась, её лицо горело возмущением, и глаза-озёра превратились в бушующие океаны.

— Поиск истины. Так же как и у вас.

Я фыркнул. Ну конечно, полиция и журналисты — близнецы-братья...

Мы с капралом оцепили жёлтыми ленточками место преступления. Исследовали его дюйм за дюймом. Но ничего, за что можно было бы сразу зацепиться, не увидели. Вечером я заехал в больницу навестить пострадавшую. Её звали Селия Кадабрус, из северных чертей, крупная девочка.

— Вам точно никто не желал зла? — спросил я, раскрывая блокнот.

— Нет, кажется, никто, — еле слышно пролепетала она. — То есть... я не помню..

— Постарайтесь вспомнить, — мягко попросил я.

— Бабушка мне часто желает, когда я отказываюсь мыть её кошек. Потом ещё сосед как-то пожелал, когда мой Орф его укусил.

— Орф — это кто?

— Моя двухголовая собака.

Я покивал, записал эту скудную информацию и, поблагодарив и пожелав девушке скорейшего выздоровления, попрощался с ней и вышел в коридор.

Там я опять чуть нос к носу не столкнулся с этой эмансипированной журналисткой.

— Мисс, если вы продолжите вмешиваться в нашу работу, я вынужден буду арестовать вас за помехи в деятельности полиции.

— Но все честные черти должны знать правду!

— Преступность от этого не уменьшится, а поимке преступника ваше вмешательство может помешать. Он же тоже читает газеты.

— Вы на самом деле такой грубый солдафон или только притворяетесь? Если дадите интервью, я от вас отстану. — Не дожидаясь моего согласия, она с улыбкой сунула мне под нос микрофон. — Итак, только для наших читателей, сержант Ирджи Брандзинский

собственной персоной. Вы уже что-нибудь обнаружили?

— Это конфиденциальная информация, и я не уполномочен её разглашать.

— Тогда пара личных вопросов. Вы здесь впервые. И всем интересно узнать о вас побольше. Например, что вы предпочитаете на завтрак, есть ли у вас хобби, что читаете, чем занимаетесь по вечерам?

— Сплю, — сквозь зубы процедил я.

— Спите? Так много? Не верю. — Этот её взгляд... он меня с ума сведёт.

— Здесь в любом случае не место для интервью.

— Отлично, где бы вам было удобно побеседовать с прессой? Надеюсь, не в сауне?

Меня спас врач, молодой вервольф в белом халате, с радостной улыбкой во всё лицо, но такими хорошими зубами и я бы гордился.

— Сержант! Как хорошо, что вы зашли! К нам сегодня поступили с отравлениями различной степени тяжести четверо домовых. Мы знаем, что должны сообщать вам о таких случаях. Главврач сделал им промывание желудка, жить будут, но пока все четверо не в лучшей форме. Пройдёте?

Укрытые маленькими одеялками, домовые метались по кровати, стонали и охали.

— Я вижу свет... — дрожащим голосом бормотал вчерашний именинник и вдруг, устремив на меня взгляд загоревшихся глазок-бусинок и протягивая ручки, закричал: — Мамочка! Моя мамочка пришла! Мамочка, я хорошо себя вёл, можно мне на карусели?

— Бредит, ещё одно последствие отравления святой водой, — весело констатировал врач. — Кстати, видимо, эта штука была растворена в обычном русалочьем вине.

— Пожалуйста, мамочка, я хочу в подпол! Наверное, у меня округлились глаза, и я еле успел

отодвинуться, его ручки схватили воздух вместо моей шеи.

— «Подпол» — это парк развлечений для домовых, в соседнем городке, хорошая находка с названием, кстати. Где ещё домовые могут чувствовать себя так же комфортно, как под полом, где их никто не видит и они могут творить всё что хотят? Эх, завидую я порой их врождённому иммунитету к клаустрофобии.

— Где вы взяли это вино? — спросил я, подсев к одному из «гостей» именинника, пытаюсь достучаться до его сознания.

— Кубил у обного збакобого, — быстро проговорил домовый, натянув одеяло по самые глаза.

— Какого?

— Де побью ибя... — испуганно добавил он и закрылся с головой.

— Святая вода вызывает у домовых кроме отравления организма, бреда ещё и... ха-ха... частичную потерю памяти, — прокомментировал врач.

— Кто он? Где и кем работает, тоже не помните? Это важно, — упорствовал я, но он молчал, и мне не удалось стянуть одеяло с головы упрянца.

— У бего sibяя бежба... как у бас, — задумчиво ответил его сосед.

В моём мозгу будто что-то щёлкнуло. «Знакомый» и «одежда как у вас». Наверняка в городе такую одежду носили только трое, включая меня. Неужели отравитель из наших рядов?..

— Ох-ох, бяжко-то как... — застонал домовый.

— Смешные они всё-таки, да? — тепло рассмеялся доктор, обнажая белоснежные клыки.

Я попытался расспросить другого. Но он только бормотал что-то вроде:

— Бе помдю, бе помдю, ничего бе помдю... Третий «гость» спал здоровым сном, вывалив синий

язык на подушку и пуская пузыри. Будить его было неудобно, я же не зверь. Пришлось задавать дежурные вопросы медицинскому персоналу.

...В участок я вернулся уже затемно. Дверь всё так же громко заскрипела, открываясь. Комиссар Жерар сидел за столом в своём кабинете.

— Завтра в десять у вас лекция в детском саду, выпитесь хорошенько и можете идти прямо туда. Мисс Гадсон будет вас ждать.

— Но, сэр, а как же расследование?

— Какое? Ах да, вы про инцидент на празднике. Досадная случайность, только и всего. Я рассказал ему про домовых, как можно беспечнее добавив:

— Им продал вино некто знакомый, по их словам, в такой же одежде, как и у меня.

При этом я внимательно следил за реакцией шефа. Но если его и взволновали мои слова, то он ничем этого не выдал. Жаль, что здесь не было капрала Флевретти. Я бы хотел видеть и его лицо при этом сообщении. У меня было чувство, что больше такой возможности мне не представится. Тем более что сам начальник выразил нервный скептицизм:

— Да у них галлюцинации! Мало ли чего они могли наглотаться?! Вы поверили словам пьяниц, отравившихся некачественным спиртным?!

— Галлюцинации у домовых как раз и вызываются святой водой. Так говорит врач.

— Спокойной ночи, сержант. Что бы это ни было, рабочий день уже закончился, завтра разберёмся.

Я спросил его о «ветеране».

— Мы ничего не нашли на него и отпустили. С подпиской о невыезде, конечно. Ещё раз спокойной ночи!

Всю ночь я думал о том, что произошло. Либо мой шеф не хотел раскрытия преступления, либо у него были свои методы. Второе предпочтительнее. Ибо в противном случае мне придётся воевать против своих же, чертей в форме. Уснул поздно, так и не приняв никакого решения...

Утром перед встречей с детьми я надел новую форму. Синий мундир, серебряные пуговицы, жёлтые лампасы. «У него синяя одежда... как у вас». В этом городке такую же носили двое — комиссар Волан и капрал Фур-фур Флевретти. Допустим, капрал имел алиби, находясь в участке, а шеф? Куда он исчез, когда всё это началось? Неужели...

Вообще-то мне приходилось выступать с лекциями перед студентами. Поэтому встречи с бесенятами в детском саду я, естественно, не боялся. Да и что, собственно, такого у меня могут спросить маленькие дети? Для них уже сам факт появления настоящего полицейского будет сплошным праздником. Если бы я только знал, какой «праздник» меня ожидает...

А ожидала меня классическая детсадовская воспитательница! Упитанная чертовка в большом заляпанном фартуке, неопределённого цвета платье и очках с толстыми стёклами, которые у неё почему-то постоянно падали, стоило ей только наклонить голову. А без них она ничего не видела. Плюс стоптанные домашние шлепанцы, тона на два не совпадающий с цветом волос шиньон и выбивающиеся из всего этого ужаса эротические колготки из секс-шопа в крупную чёрную сетку, имитирующую колючую проволоку. Когда она тостеприимно распахнула дверь, я с трудом подавил вопль ужаса.

— Э-э-э, мисс Гадсон?

— Оня сямая! Зяходите-зяходите, ми вась дявнё ждьём!

Меня повели длинными коридорами, вежливо расписывая всё на ходу с непередаваемым детским сюсюканьем. По-моему, она не меньше своих воспитанников нуждалась в хорошем логопед.

— Тють у нясь спяльня! — открыв дверь в полутёмную комнату с деревянными нарами, набитыми в два этажа. — Тють иглявая. — Мы вошли в довольно большую комнату с вздыбившимся неструганым паркетом, деревянными игрушками, прибитыми к потолку, с тяжёлыми металлическими шарами, осколками кирпичей и битыми бутылками.

В общем, ничего нового. Всё как у меня в детстве.

Потом меня провели в столовую — длинные столы, узкие некрашенные скамьи, металлические миски, алюминиевые кружки, полное отсутствие ложек, вилок и ножей. Правильно, пусть приучаются всё есть руками. Запах плесени, конечно, чувствовался, но умеренно. Всё-таки в детскую пищу добавляют меньше специй, за этим строго следит пищевой контроль.

Пятью минутами позже за те же столы плечистые надзиратели рассадили детей. Домовята, горгулята, чертенята, бесенята, сатирята. Мне сразу не понравилось выражение их мордашек, они смотрели на меня так, словно сегодня я был их завтраком. Сумрачные мелкие шкеты, отчаянные и не пробиваемые ничем, полностью лишённые любой морали и готовые ради конфеты на любое убийство, даже с отягчающими. «Да уж, детишки, — подумал я, — такие, если нападут ночью сзади, все двадцать два, завалят и освежают, даже пикнуть не успеешь. Наше будущее...»

— Долягие детишечки, сегодня к нам плишёл наш нёвый полицейский. Помощник дяди Желяля, сель-жантик Ирджик! Онъ лясскажет вам о слюжбе в полиции. Это осень познавательно, мои птеньчики. Вдьюг и кого-то из васъ ждётся такая же чейная судьба...

— Э-э-э... здравствуйте, дети, — начал я.

— Здравсте! — нестройным хором откликнулись все. Причём трое или четверо показали мне в качестве

приветствия оттопыренный средний палец. А один демонстративно провёл ребром ладошки по горлу.

— Я сержант Браздинский, можете меня звать пан Ирджи.

— Таких имён не бывает.

— Об этом не тебе судить. Бывает, но не в ваших краях, здесь редки черти-славяне. Итак, мы в полиции патрулируем улицы, следим за порядком в городе, задерживаем преступников.

— А что вы с ними потом делаете?

— Да. Папа говорит, продаёте на органы.

— Нет, — закашлялся я. — Это незаконно.

— Расстреливаете или сдаёте оптом на мясоколбас-ный комбинат?

— Нет-нет, мы не...

— А почему нам тогда дают такие невкусные сосиски?!

Вот так они всё время прерывали меня вопросами и репликами, вначале я ещё пытался как-то отвечать, но в конце концов пришлось повысить голос:

— Все вопросы в конце моего доклада! Сейчас говорю я, а вы будьте хорошими детишками и слушайте не перебивая. Договорились?

— Да-а-а-а!

Их хватило ровно на две минуты.

— А у вас есть с собой пистолет?

— ...профилактика правонарушений, как неотъемлемая часть нашей работы и...

— А он заряжен?

— ...поэтому арест, как таковой, является уже крайней мерой, свидетельствующей о недостатке...

— А можно выстрелить?

—.. если вы с детства запомните ряд несложных правил в отношении вас и полицейского лица...

— А сколько преступников вы застрелили?

— Десять! — сорвался я, потому что эти мелкие мерзавцы меня абсолютно не слушали.

— Вы стреляли им прямо в голову?

— Это не имеет никакого отношения к нашему сегодняшнему разговору. Давайте я лучше коротенько расскажу вам об уголовном кодексе...

— А папа говорит, что в полиции служат только воры и взяточники.

— Ну и кто у нас такой умный папа? — не выдержал я. — Адрес, фамилия, должность?!

Я уже больше лаялся с детьми, чем читал лекцию. Воспитательница улыбалась. По её мнению, лекция проходила просто замечательно. Дети задавали столько вопросов. Им явно было интересно.

— А правда, что с Нового года вам запретили бить подозреваемых по почкам?

— Правда.

— А если мы не будем спать, нам правда за это дадут десять лет?

— А на сколько нас посадят, если мы отравим мисс Гадсон?

— Не все слязю, не все слязю, детишечки. Надё дя-вать нашему гостю влемя что-нибудь ответить, — с улыбкой поправила воспитательница.

— А у нас сегодня невкусный компот. — Один мальчик встал из-за стола, подошёл ко мне и вылил содержимое своей чашки мне на ботинок. — Видите, какой невкусный.

Я начал терять терпение, стряхнув с ботинка сухофрукты и невольно хватаясь за кобуру.

— Тяк, птеньчики мои, встеча с дядей Бладзинским подходить к коньцо. А тепель длюжно поплёсим нашего гостя с нями пообедать.

— Да-а!!! — радостно закричали дети.

— Ледкостная длянь, не ешьте, — шепотом просигналила мне мисс Гадсон. — Плесто оделяйте видь. Мы все тють так постюпаем.

Начинали, как и положено, с супа. Вернее, с жидкой баланды из кусочков прелой капусты, крупной резаной морковки и грязных очистков свёклы. Витамины. Вот это действительно необходимо для детского организма.

Мне, как почётному гостю, плеснули в тарелку первому, но, видимо, молодой бес, который здесь служил поваром, неаккуратно развернул черпак, и одна капля упала мне на ладонь. Боль была такой, что я взвыл!

Все испуганно замерли. Таких воплей в детском саду ещё не слыхали...

— Никому не прикасаться к еде! — Я выхватил пистолет и взял на мушку повара, — Что вы положили в суп?

Притихшие на мгновение дети дружно заорали:

— Пристрели его! Ура! Да! Огонь, батарея, пли-и!!! Воспитательница пыталась успокоить детей:

— Тихо, мои долягие, слюшайтесьдядюсельжантя, а не тё зястявлю вить велёвки из песка.

Повар начал оправдываться, отступая и теряя очертания, как это происходит от волнения только с бесами:

— Н-нет, я ничего н-не-э делал, начальник... не в теме... м-меня заставили.

— Срочно вызовите комиссию пищевого контроля и позвоните комиссару, — бросил я воспитательнице.

— Э-э-э... дяде Желялю? — испуганно уточнила мисс Гадсон.

— Для меня он не дядя Жерар, а комиссар Волан! А ты опусти половник и не шевелись. Одно движение, и я стреляю.

— Стреляет? Он будет стрелять! Стреляй скорей! А можно мы его тоже застрелим?

— Уведите детей в безопасное место, — сквозь зубы приказал я, как только мисс Гадсон доложила, что дозвонилась в участок.

— А как же обедь?

— Еда отравлена.

— Они пливыкшие, — снисходительно улыбнулась она.

— Там святая вода!

Воспитательница испуганно ахнула и начала эвакуацию «своих птенчиков». Когда помещение опустело и мы с подозреваемым остались вдвоём, я знаком велел преступному повару сесть и сам, отодвинув стул, уселся напротив.

— Руки на стол перед собой.

Он положил руки, как я велел, и угрюмо притих.

— Намотайте себе на ус: молчание вам не поможет. Сейчас приедут эксперты, и всё выяснится. Когда все доказательства окажутся на бумаге, вас ждёт от десяти до двадцати лет строгого режима.

— Чё за кипеж? Д-дело шьёте, н-на-ачальник?

— Так вы ещё и судимы?!

— Т-так кто ж меня сюда возьмёт и без отсидки? Н-на-а такое место и без т-тюремной рекомендации никак не попадёшь. Б-было дело, отмотал срок. Только не делал я ничего. В-век воли не видать, п-продукты я не трогал, н-на-ачальник.

— Но суп отравлен!

— Н-ничего не брал. Всё л-лучшее детям.

— В каком смысле?

— А в том самом! Суп отравлен, г-говорите? П-пра-вильно, ясен перец! Я что, с-сучара позорная, кормить детей свежими продуктами? Но начальство з-з-а-а-став-ляет. И так порчу как могу. С-ставлю на солнце, бью, мну, ч-червей засовываю. А л-лучшие поступившие со склада продукты, с-самые и-испорченные, г-гнилые и пропавшие, сразу забирает директор!

В столовую неспешно вошёл мой начальник. Вид у него был крайне недовольный...

— Что на этот раз, сержант?

Я бегло доложил о произошедшем, продемонстрировал болячий ожог на руке и потребовал, чтобы повар повторил всё ранее сказанное. Шеф слушал молча. Потом устало вздохнул:

— Мы и сами это знаем. Директор вор, но он удобен мэрии, ничего чрезмерно преступного.

— Поставка некачественных продуктов в детский сад — это полбеды, — вынужденно согласился я. — А как вам святая вода в супе?!

— Свя-а-атая вода! Д-дьявол сохрани! К-как? От-ткуда? Я-то здесь ни при чём.

— Вы один на кухне работаете?

— Д-да-а, с тех пор как уволился м-мой напарник. — И, опережая мой вопрос, он поспешно добавил: — Аби-гор Гранат, из Индусии, п-поэзией увлекался, б-было дело, и татуировки колол как б-бог!

Так. Мы пошли по второму кругу, теперь ещё и таинственный напарник с восточным уклоном. Быть может, парень просто пытается отвести от себя подозрения? Но его удивление и даже шок были слишком убедительными. Это может помочь найти истинного виновника. Шеф равнодушно кивнул, и я продолжил расспросы:

— Так. А кто при чём? Откуда вы брали воду, месье?..

— Стрига. К-ка-ак обычно. Из-з-з-под крана.

— Вы отходили от плиты во время приготовления? Кто-нибудь ещё был рядом?

— Н-нет, после утренней газеты н-никого.

— Никто не заходил на кухню?

— Я н-не видел.

— Вы всё время оставались там?

— Н-нет... я выходил. Д-д-два раза, типа, покурить.

— Кто-нибудь мог в это время зайти на кухню?

— Д-думаю, да, ко-о-о-нечно, впо-олне, нот-только кому это нужно? Нач-чальника сегодня нет. А ос-сталь-ные сюда не ходят, ч-чтобы я посуду не попросил помыть.

— Как это ни странно, кому-то было нужно. — Я саркастично рассмеялся.

Комиссар Жерар смерил меня укоризненным взглядом.

— Ещё при-и-их-ходил сантехник, труба протекала, — поспешно проговорил повар.

— Что же вы сразу о нём не сказали?!

— З-забыл, начальник.

— Может, ещё кого забыли?

— М-может, и забыл...

— Я должен вас обыскать, месье Стрига.

— Ну ш-шм-монайте, волки позорные, — хмуро согласился он.

Обыск ничего не дал. В принципе я и не особо на это рассчитывал. Прибыли специалисты из пищевой комиссии. Два сатира в белых халатах с прорезями для хвостов, они еле стояли на ногах, до того были пьяны. Но это нормальное состояние для сатира, их на

работу трезвыми просто не выпускают. Если вы увидите непьяного сатира, то насторожитесь, потому что либо он тяжело болен, либо это принявший облик сатира инкуб. Инкубам внешность сатиров почему-то кажется более привлекательной для соблазнения женщин, чем их собственная, и они считают, что козьи ноги сатиров стройнее их собственных козлиных ног. Сатиры забрали бидон супа на проверку и, пошатываясь, направились к выходу.

— Постойте, где здесь в городе можно достать святую воду? — спросил я у них.

Один из них обернулся и попытался сфокусировать на мне мутный взгляд водянистых глаз.

— У те-я такой резкий... голос, брат, тих, тсс... — склонив голову набок и страдальчески скривив лицо, попросил он. — А т-ты что-т сказал? Я не появ.

Я повторил свой вопрос, терпеливо разделяя слова.

— В гр-ской лаб-р-тории, — засияв, ответил второй, махнул рукой и, развернувшись на одном копыте, попытался выйти в дверь, ударился рогами об косяк, захихикал и со второй попытки, подталкиваемый в спину коллегой, наконец благополучно вышел.

Я не опасался, что они прольют бидон на себя или на кого-то ещё. Сатиры — профессионалы в пищевой экспертизе, лучшие в своем роде. Так же как профессию пожарного обычно выбирают саламандры (как это ни парадоксально), дворниками поколениями предпочитают работать домовые, а в полицейские, как вы уже поняли, обычно идут черти, реже вампиры. У последних хороший нюх на всё, что пахнет кровью, и они превосходные ищейки. А расследование ведём обычно мы, черти, у нас мозги будто специально устроены для этой работы, к тому же мы обладаем врождённым стремлением к порядку, дисциплине, да и дерёмся как черти.

— Что это за лаборатория? — поинтересовался я на выходе из детского сада, шагая рядом с шефом.

Повара мы отпустили, взяв у него всё ту же подписку о невыезде. Только в учреждении для малолеток ему до конца следствия не работать. Рисковать детьми мы не будем.

— В медицинском центре. Вон тот дом в конце улицы. Выясните всё сами. Я знаю, что могу на вас положиться, сержант. А мне надо идти, дела-дела...

В лаборатории в этот день находились только две сотрудницы — рыжеволосые дриады с веснушками во всё лицо. Судя по тому, что они были копиями друг друга, родились они от одного дерева. И звали их похоже — Ива и Ава. Бутылъ со святой водой для медицинских целей была запечатана, и печать была на месте.

— Мы её ещё не вскрывали. У нас был запас

— Кто вам доставляет воду? — спросил я.

— Почтовая служба.

— Когда вы её получили?

— На прошлой неделе.

— Да, в прошлый четверг, — уточнила Ава.

— Или в пятницу.

— В четверг, я точно помню!

— Действительно, — тонко улыбнулась Ива, — ведь ты же её принимала.

— Я?!

— А кто, я, что ли?!!

— Чтобы проверить ваши путанные показания, — вмешался я, — мне придётся вас обыскать.

— Вы не имеете права!

— Обыщите её первой!

— Нет, её, она вечно от меня что-то скрывает!

Я устало вздохнул и приступил к делу. На первый взгляд ничего подозрительного, но в сумочках у обеих нашлась одна интересная вещь — фотография капрала Фурфура Флевретти с отпечатками поцелуев и нарисованными сердечками. Этот апатичный серый тип —

местный похититель сердец? Воистину мир женщин непознаваем! Хотя с другой стороны, если у него роман с обеими близняшками, значит, он в любой момент мог забежать к ним на дежурство и под любым предлогом отлить в пузырьёк немного святой воды? Не знаю, не знаю... Это вполне могло иметь место, и всё-таки с флегматичной мордой капрала такое продуманное преступление как-то не вязалось...

— Кажется, мне надо допросить и вашего друга капрала Флевретти.

— Ой, нет-нет-нет! — в один голос закричали они.

— Тогда с этого момента только правду. Кто-нибудь вскрывал пломбу на бидоне со святой водой и запечатывал его снова?

— Не знаю, — испуганно сказала Ава или Ива. Я в них уже запутался.

— Не знаю, — повторила её сестра. — Честно-честно.

— Хорошо, — вздохнул я, недоумение в их глазах было слишком натуральным. — Тогда это всё.

К концу рабочего дня я чувствовал, что сегодня мне надо выпить. Иаб, в который я зашёл, был гордостью местной пивной индустрии. На стенах висели череп волка-оборотня, чучело вымирающего грифона, шкура единорога и ржавые кандалы, узор на вентиляционной решётке изображал мучения грешников в аду, в витрине на всеобщее обозрение был выставлен набор знаменитого маньяка-проктолога, а над камином прибиты два настоящих крыла ангела. Самые редкие охотничьи трофеи...

Я попробовал их местное пиво, которое рекомендовал комиссар. Оно оказалось приятно-кислым на вкус, и неповторимый клоповный аромат ничуть его не портил.

Рядом за стойку подсела та самая сероглазая журналистка в мини.

— Могу я выпить кружку пива, чтобы это не появилось в завтрашней прессе? — ровно спросил я, глядя перед собой.

— Ну конечно. Обещаю, что о пиве писать не буду, — сказала она, тоже не поворачиваясь ко мне, а с притворным интересом рассматривая ряды бутылок за спиной горбатого бармена-клюйркона.

— Уже спасибо.

Она помолчала, но я знал, что покоя от неё не дождёшься.

— Как прикажете к вам обращаться, сержант-месье-господин-сэр?

— Вообще-то мне привычней пан. Я всё-таки из Словакии.

— А я-то думала, почему вы такой высокий.

— Да, — кивнул я, — словацкие черти обычно выше и крепче ваших островных, Эльвира.

— Надо же, вы запомнили моё имя. В газете прочли?

— Под статьёй. О том, как я измывался над бедными домовыми и стрелял в горгулий.

— Да ладно вам, это моя работа. Лично я ничего против вас не имею. У меня начальник очень любит жареные факты и, если я пишу что-то нескандальное, грозитя увольить.

— Бывает, мой шеф тоже не самый обаятельный тип, — соврал я, однако неприязнь ушла, и я даже, кажется, начал испытывать к ней какие-то чертячьи чувства.

— Так я могу угостить вас пивом в знак временного перемирия?

— Если только это не будет истолковано как взятка офицеру полиции.

— А вы тоже угостите меня, и будем считать это подкупом свободной прессы, — улыбнулась она.

За разговором мы и не заметили, как перешли на «ты». Потом пересели за отдельный столик и скоро болтали и смеялись так, будто были знакомы всю жизнь. Эльвира оказалась очень умной и образованной девушкой, я давно не получал такого удовольствия от обычной беседы.

Часа через три я расплатился и проводил её до дома. Мы попрощались сдержанно, ни о чём не договариваясь, но я был уверен, что завтра вновь увижу её в том же пабе. И более трго, я очень на это надеялся...

Следующим утром, придя на работу, я увидел, что комиссар опередил меня. Но сегодня

он встретил меня без улыбки, только, сумрачно взглянув исподлобья, буркнул:

— Приветствую, сержант.

— Доброе утро, сэр.

— Ещё какое доброе. Смотрите, что я получил сегодня. Подтверждение из пищевого контроля, что в супе, взятом ими на экспертизу, действительно содержится святая вода.

— Значит, мы идём по верному следу. Я прошу разрешения допросить сантехника, который приходил в тот день на кухню чинить трубу.

— Сначала полюбуйте на это...

Он протянул мне жалобу, подписанную комитетом матерей спиногрызов из детского сада. Письмо было обвинительного тона. А что хуже всего — обвиняли меня.

«До приезда пана Браздинского мы жили мирно и спокойно и могли не бояться за наших детей, а теперь везде, где он только появляется, случаются эти страшные происшествия, могли пострадать наши дети, только чудо их спасло. Мы не утверждаем, что именно он совершил эти ужасные преступления, но он вызывает несчастья на наш город. Избавьтесь от него, месье Волан, спасите нас и наших детей, пока не поздно. С уважением...» Угу... так... список из тридцати девяти имен.

— Они в чём-то правы. С вашим приездом у нас началась вся эта катавасия.

— Вы называете катавасией спланированные покушения на жизнь граждан вашего города?!

— Пока это бездоказательно, — благодушно отмахнулся шеф, — Конечно, я вас хорошо понимаю, вы у себя в столице привыкли видеть на каждом шагу убийства, покушения, грабёж. Но здесь этого не происходит. Я навскидку назову сотню причин, почему святая вода случайно, подчеркиваю, случайно попала в суп.

— И в вино, и в ведро с водой на празднике задиранья юбок?

— Ну-у... да.

— Почему вы в этом так уверены?!

— Потому, мальчик мой, что у меня за плечами опыт и я знаю, когда не стоит хвататься за пистолет и размахивать служебным удостоверением. Я не суеверен, но, может быть, местные жители не так уж неправы. И вы действительно привезли сюда с собой что-то нехорошее, потому что до вашего приезда у нас была тишь да благодать. Проверьте отчёты!

Дьявол, его упёртость ничем не прошибёшь. Я ещё раз подумал о том, что ничего хорошего мне здесь и вправду не светит, глубоко вздохнул и сказал:

— Комиссар, я думаю, что мой долг — подать рапорт и покинуть округ Дог'ре.

Теперь я понял, что это решение зрело во мне со дня приезда. Мокрые Псы — чужое для меня место. Я никогда не почувствую себя здесь дома.

— Может, не надо рубить сплеча?

— Так будет лучше, вы сами это знаете. Из-за меня отравились домовые, я сразу должен был изъять бутылки с вином на экспертизу.

— Но откуда вы могли знать, сержант?! Глупости.

— Я проявил некомпетентность. Попросите прислать на моё место кого-нибудь более... подходящего к службе в городке, где не бывает преступлений. И если позволите... я не хочу тянуть с этим. Тем более что работы для меня всё равно нет. Если всё, что было, — случайности и настоящего криминала здесь нет.

— Как сам хочешь, гнать не буду, но и силой удерживать не могу.

— Что, уходит? — раздалось из комнатки капрала. — Жаль, хороший был парень, третий за год...

Я рассеянно кивнул и быстро вышел. Сбор вещей много времени не занял. У меня их и было-то на один маленький чемодан. Пожалуй, вполне можно успеть на двухчасовой поезд до Спариза. Когда я вышел на перрон, Эльвира уже стояла там. Да уж, похоже, новости здесь распространяются быстрее молнии архангела...

— Не уезжай.

— Как ты узнала? Опять следила?

— Да, — просто призналась она.

Я не удержался от улыбки, такое у неё было бесхитростное выражение лица. Она улыбнулась в ответ, но тут же снова нахмурилась.

— Зачем?

— Я должен уехать, я больше здесь не останусь. Мы сели на скамейку. Оба не знали, о чём говорить

дальше.

— Поезд через пятнадцать минут, мне ещё надо купить билет в кассе.

— Успеется. Посмотри, вот у меня, например, хвост простонародный, толстый, с проплешинами, и нос не пяточковый. Вот, — она гордо повернулась в профиль, — он аристократический, почти как у тебя. Местный маркиз отметил по всей округе когда-то, и нос мне, видимо, достался от прабабушки. А теперь ты.

— Что — я?

— Расскажи всё. Обещаю, что ни слова не просочится на страницы нашей газеты.

— Почему нет? — Я пожал плечами и расслабился. — Но это очень короткий рассказ.

— Вот и уложишься до поезда.

Я уложился в пять минут. Полицейские умеют говорить коротко, сжато и по существу. Эльвира слушала молча. Когда я закончил, она лишь напряжённо сжала губы. Значит, и она не верила мне ни на йоту. Мне ничего не оставалось, как встать со скамьи.

— Мне пора.

— И что, ты как трус всё бросишь и уедешь? А как же дети, все жители нашего города?

— Комиссар считает всё произошедшее случайностью.

— А как считаешь ты?

— Почему ваш городок так странно называется, Мокрые Псы? — вместо ответа спросил я.

— Это старая легенда. — Она пожала плечами. — Давным-давно здесь в каменоломнях среди других рабов трудился один чёрт. Его называли Мокрый Пёс. За его патологическую трусость. Пятнадцать лет он дробил камни и таскал их в деревянной тележке. И все пятнадцать лет надсмотрщики измывались над ним больше, чем над остальными. Не знаю уж, что в нём им так не нравилось. Но как бы то ни было, в конце концов он не выдержал, разозлился на своих угнетателей и в нахлынувшем на него бесстрашии разметал всех и освободил рабов. Потом его выбрали правителем города, и, когда он на пятом году правления погиб от случайной чёрной стрелы, из него сделали чучело, которое теперь стоит у нас в музее. Знаешь, а ты на него похож...

Похож на чучело трусливого местного псевдогероя? Отлично, просто отлично. Вот, значит, как она обо мне думает...

— Ну что, ты в кассу?

— Нет, я останусь. Пока не найду виновного. — Я даже не успел опомниться, как она бросилась мне на шею, быстро поцеловала в щёку и не оборачиваясь убежала вниз по аллее.

Когда я вернулся в участок, шеф всё так же сидел за своим столом. На моё возвращение он отреагировал задумчивым наклоном старых рогов и сказал:

— Это писал один человек, но разными пастами.

— Вы уверены? — наклонился я.

— У нас матери не носят в сумках ручки с зелёной пастой, вообще, редкая сельская женщина имеет привычку таскать в сумке ручку. А на собрании они обычно расписываются одним пером. Тот, кто писал эту подделку, специально пользовался разными пастами, надеясь нас обмануть, что и почерк разный. К тому же мадам Карякуль и мадемуазель Куркуль никогда не подпишут один и тот же документ. Они старые соседки, люто ненавидят друг друга и пребывают в вечной вражде. Преступник этого не учёл.

— Вы думаете всё же, что мы имеем дело с преступником, а не с обычным клеветником?

— Возможно, друг мой, вполне возможно. Я не дам вам ордера на арест сантехника, но

побеседовать с ним стоит. Капрал Флевретти, вы вызвали подозреваемого?

— Обещался быть с минуты на минуту, сэр! Я звонил ему, сказал, что у нас в участке прорыв канализации...

— Отлично, не придётся топтаться по улице.

Я удовлетворённо расправил плечи. Но, увы, забегаю вперёд, скажу, что допрос сантехника ничего не дал. Он на самом деле заходил на пять минут в детский сад, но не на кухню, а к директору, расписывался в ведомости оплаты за экстренный ремонт трубы в котельной. К тому же во время праздника юбок он вообще отсутствовал в городе. Комиссар развёл руками, никаких улик на честного работягу у нас не было. Остаток дня пришлось посвятить отчётам, писанины у нас хватает.

Вечером, когда я вернулся в гостиницу и уже поднимался по лестнице в свой номер, меня окликнули.

— Месье Браздинский, это вам. — Пожилая нимфа на рецепции протягивала мне письмо.

Удивлённо обернувшись, я взял конверт. На нём было только моё имя, отпечатанное на машинке. У меня засосало под ложечкой в остром предчувствии чего-то нехорошего.

— Кто его принёс?

— Не знаю, просунули под дверь.

С как можно более беспечной улыбкой поблагодарив любезную женщину, я открыл конверт. «Вы слишком далеко зашли, Ирджи Браздинский. Если хотите снова увидеть вашу подружку, приходите в заброшенную шахту сегодня в десять вечера. Само собой, один и без оружия. Если условия не будут соблюдены, пеняйте на себя». Письмо было составлено из букв, вырезанных из газеты. Я сразу узнал готический шрифт «Дьявольских вестей Дог'ре». Ноги сами развернули меня к выходу.

— Что-то важное? — спросила вслед любопытная администраторша.

— Да, тётя оставила мне яхту в наследство. Нужно срочно утвердить на неё права.

Быстрым шагом я направился в полицию. Перекинувшись парой фраз с вечно дежурящим капралом (комиссар уже ушёл домой), я сообщил, что хочу посидеть над материалами к делу, и углубился в бумаги.

В моих отчётах должны быть какие-то зацепки, улики, связующие моменты, мимо которых я прошёл, не заметив. А кто-то заметил. И решил нанести упреждающий удар. Этот кто-то знал, что я собираюсь уехать, знает, что я вернулся, знал, что мы общаемся с Эльвирой, он знал обо мне — всё!

И я узнаю о нём всё, сегодня же вечером. Конечно, идти туда одному, никому не сказав, глупо, но кому теперь здесь можно доверять? Ни к комиссару, ни к капралу обращаться я не рискнул, это было слишком опасно, а больше я никого толком узнать не успел. Разве что двинуть напрямую к мэру..

— Вы так себе все глаза потрёте, сэр. Сколько можно перечитывать одно и то же? Идите-ка лучше жажните кружечку пива в пабе. Кажись, вам там приглянулось вчера, — подмигнул заглянувший ко мне Флевретти.

Проблема маленького городка, ничто ни от кого не скроется.

— А сколько сейчас времени?

— Уже полдевятого.

Я закрыл глаза и ровно минуту просидел неподвижно. Всё. Теперь я знал, кто это. Открыв городской справочник, лежавший на столе, я полистал страницы, нашёл нужный адрес и отправился по нему. На стук открыла жена, милейшая женщина, и сказала, что мужа нет дома, что он ещё не приходил с работы. Это была последняя проверка...

Теперь мне стало окончательно ясно, что в назначенное место пойду один, я не мог рисковать Эльвирой. Хотя, возможно, я совершал ужасную ошибку. Но я привык доверять своей интуиции. А сейчас она говорила мне, что лучше всё-таки идти одному. На улице первый же встречный легко объяснил мне, как добраться до старой шахты за городом. Раньше там добывали камень, теперь всё давно закрыто, месторождение считается

заброшенным. Лучшее место для сведения счётов...

Без пятнадцати десять я стоял у входа в шахту.

— Заходи, сержант! Я видел, что ты один, — раздалось откуда-то из темноты.

Я толкнул старую дверь. Земляные стоптанные ступени вели вниз, к брезжущему свету. Туннель вывел меня в довольно обширное рабочее помещение. Горели три шахтёрские лампы, и при их тусклом свете моему взору открылась страшная картина...

Над большим ржавым поддоном с водой, связанная, с кляпом во рту, стояла встрёпанная журналистка. Что это за вода, к м[оему ужасу, сомневаться не приходилось. Один лёгкий пинок под колени, и она рухнет! Конец верёвки уходил во мрак, но я был уверен, что его держал тот, кого я ищу.

— Выходите, месье Сабнак!

В ответ раздался мерзкий хохот, и почтальон вышел на свет. Он двигался извиваясь, как будто был без костей, худосочный до крайности, с презрительной ухмылочкой на губах. В руках он держал пистолет, нервно нацеленный на меня.

— Увидев тебя на празднике, я сразу понял, что от этого сержанта придётся избавиться, вам, городским, нельзя доверять.

— Правильно. Жаль, что я не допросил вас там же, может, вы бы уже сидели в следственном изоляторе.

— Ты бы меня не раскрыл.

— Повар говорил, что никого не видел после утренней газеты, но это значит, что утреннюю газету принёс почтальон. А в лаборатории даже поверхностный осмотр бутылки показал, что печать была вскрыта и тщательно запечатана заново. Домовой вспомнил, что форма продавшего ему вино знакомого выглядит как моя. Как я не подумал сразу о вашей форме, она очень похожа на полицейскую... И цветом, и фасоном, и даже пуговицы такие же серебряные. Получив на почте бутылку со святой водой, вы вскрыли печать, разбавили воду, отлив себе некоторое количество, и запечатали снова. Ведь святая вода не теряет и не меняет своих свойств даже при разбавлении один к девяти. Без специального спектрального анализа установить факт её разбавления вообще невозможно.

— И почему же ты меня не задержал? — осклабился он.

— Я делаю это сейчас. Вы арестованы, гражданин Сабнак.

— Ну да, — расхохотался почтальон. — А если я тебя просто застрелю? Все думают, что ты уехал...

— Я вернулся и постарался засветиться во всех местах — в отеле, в участке, даже у вашей жены. К тому же мой отчёт о вашем участии уже лежит на столе у комиссара Жерара.

— Это так, комиссар?

За моей спиной бесшумно спускался шеф. Он тоже наставил на меня пистолет.

— Простите, сержант. Я понимаю, что вы потрясены моим появлением. Но я раньше вас понял, кто за всем этим стоит. Оставалось лишь встретиться и поговорить с нашим дорогим другом. — Он кивнул на ухмыляющегося Сабнака. — И он предложил мне весьма внушительную долю в своём проекте. Анаша пенсия по выслуге лет не так велика...

— Мы объявили о том, что дети серьёзно пострадали, хотя все они целёхоньки. Министерство здравоохранения направит на лечение детишек кругленькую сумму! Естественно, я как почтальон должен получить её и направить адресату, а начальник полиции вместе с мэром отчитается в расходе полученных средств. И то и другое, как вы поняли, не доставит нам особой сложности. Так, Жерар?

— Конечно, Гуго. Наш мэр — добряк и редко смотрит на то, что подписывает.

— Хочешь что-то сказать перед смертью, сержант?

— Неужели вы всё это затеяли только ради денег? — не поверил я.

— Конечно, ради них! Вы знаете, сколько получает почтальон в этом занюханном городишке?! О, я давно искал возможность заставить кого-нибудь раскошелиться. Мэр сам небогат, бизнеса в городке почти нет, оставалось нажать на министерство. Они любят

помогать маленьким детям из провинции. Это повышает их рейтинг в стране. А с вами мы вынуждены попрощаться. Как и с мадемуазель Фурье...

— Нет, Гуго, мы договорились, что он мой! А девушка... забирай её.

Почтальон вновь лающе расхохотался и повернулся к Эльвире. В тот же миг шеф незаметно подмигнул мне, я кивнул и опустился на одно колено, освобождая ему прицел. Грохнул выстрел! Сабнак изумлённо поднял к глазам простреленную кисть собственной руки, пистолет упал наземь.

Я бросился вперёд и, в четыре огромных прыжка встав меж Эльвирой и поддоном, заслонил её от святой воды. Мой начальник, пыхтя, обошёл нас, в два удара свалил скулящего почтальона и защёлкнул на нём наручники. Я тем временем освободил девушку от половины пут и вытащил кляп.

— Ты в порядке?

Она молча закивала, её душили обида и негодование.

— А теперь ещё один выстрел, и я мог бы избавиться сразу от двух свидетелей. Шутка, — улыбнулся нам шеф, помогая мне удержать зарывавшую Эльвиру.

— Скотина, он заманил меня сюда! Он сказал, что ты меня здесь ждёшь, чтобы сообщить что-то важное. А потом... ударил по голове и...

— Идиоты... у меня бы всё получилось, если бы не... Ты меня предал, Жерар!

— А ты так легко поверил в мою продажность? — Голос комиссара посуровел: — Ты у нас всего-то два года, а я здесь родился, и предки мои, и предки предков. Дурак ты, Сабнак...

Часом позже, посадив перевязанного и ругающегося почтальона под замок, мы все вместе, с капралом Фур-фуром, сидели в участке, распивая бутылку креплёного вина, которую шеф достал из шкафа для вешдоков.

— Думаю, что должен объяснить ещё кое-какие неясные детали. Я, конечно, долго не мог поверить, действительно надеялся до последнего, что всё это только ужасная цепь случайностей, ведь мы здесь не привыкли к преступлениям. Но в то же время я не мог не замечать фактов, и это во многом благодаря вашей вьедливости, сержант Брандзинский. Вы обратили внимание на перчатки, потом на сходство мундиров, а дальше уже пошли мои умозаключения. В отличие от вас я-то точно знал, что невиновен, и никогда бы не поверил в виновность Фурфура. Тогда я и начал подозревать Сабнака. Как сотрудник почты он имел возможность вскрыть ёмкость со святой водой, а нужную степень концентрации проверял опытным путём на девушке и домовых. Но прямых доказательств против него не было. Тогда я пошёл с ним на сговор, он мне не сразу, но поверил. Я был ему нужен...

— Но как он смог добавить святую воду в суп в детском саду?

— Легко. Принёс утром почту и незаметно влил в кастрюлю, когда повар вышел за сигаретами. Он просто подкараулил момент, зная привычки Стриги, тот всегда, поставив кастрюлю на плиту и побросав в неё основные ингредиенты, бежит покурить.

— А где вы всё-таки были во время конкурса?

— Китайская пища не всегда полезна для моего желудка, мне было просто неудобно говорить, куда я отходил.

— И кто бы подумал, что комиссар у нас такой деликатный? — рассмеялась Эльвира.

— Но свиное кунг-пао такое вкусное, не говорите мне, что я должен от него отказаться!

— Не будем, — улыбнулась героическая журналистка и обернулась ко мне. Эти её громадные серые глаза вынимали из меня душу. — Теперь ты не уедешь?

— Нет, мне здесь нравится, — признался я. — И, сэр, простите, что пошёл один, ничего не сказав ни вам, ни капралу Флевретти.

— Я не в претензии, — хмыкнул Фурфур. — Всё равно бы не пошёл, люблю сидячую работу. А у вас там вроде стрельба была, драка, заварушка. Нет уж, ничего не имею против, что меня не пригласили, вы уж как-нибудь сами...

— Но ведь и я тоже вам не доверял, сержант. Поэтому и устроил эту маленькую игру. Хотел знать, не струсите ли вы под дулами двух пистолетов сразу? — рассмеялся старый Жерар. — Однако сегодня вы делом доказали право служить в полиции Мокрых Псов.

Думаю, мы сработаемся.

— Так точно, сэр!

Дмитрий Мансуров

Коллективное творчество

Наталья сидела за ноутбуком и смотрела на пустой экран. Полчаса назад она приступила к работе, намереваясь написать рассказ, но после восьми секунд быстрого набора имени и фамилии, а также названия рассказа наступила тишина, нарушаемая тихим гудением ноутбука. Всего за секунду до начала работы в голове было полно сюжетов, но как только пальцы дотронулись до клавиатуры, мысли словно ураганным ветром сдуло.

— Что за невезение? — сердито пробормотала Наталья, постукивая указательными пальцами по клавишам. — Не может быть, чтобы я забыла сразу все сюжеты!

Погрузившись в воспоминания, Наталья отыскала среди разрозненных мыслей ту, которая после длинной цепочки раздумий привела её к сюжету новой истории, и слово за словом стала припоминать, что же за идея назойливо стояла перед внутренним взором до того, как Наталья включила ноутбук.

— Издевательство какое-то! — воскликнула она: творческие мысли часто пропадали после включения ноутбука, словно считали, будто одного прикосновения к современной пишущей машинке достаточно, чтобы оказаться в неё занесёнными. Обычно в голове оставалась одна наиболее стойкая идея, и Наталья сочиняла рассказ на её основе, но сегодня идеи испарились дружно и безвозвратно.

Нет, не безвозвратно: ухваченная за хвост мысль постепенно выплывала из глубин подсознания, и Наталья радостно улыбнулась, вспомнив сюжет от начала и до конца. Занесла пальцы над клавиатурой, чтобы записать план рассказа, но так и не дотронулась до клавиш, а всего лишь чертыхнулась: вовремя сообразила, что едва не записала краткий пересказ прочитанного накануне романа.

Своими словами переписывать чужие истории не решался ни один уважающий себя графоман. Этим недостойным делом занимались совсем уже никчёмные рассказчики, неспособные придумать ничего интересного, но обладавшие неумеренным желанием прославиться в веках. Первое дело в таком случае — написать гениальное стихотворение «Я помню чудное мгновенье». Вариант беспрюирышный, вот только Пушкин сочинил бессмертные строки на двести лет раньше, и выдать стихотворение 'за своё мог разве что паренёк из глухой деревушки, пытающийся объяснить в любви девушке-соседке. Девушка обомлеет от счастья, но лишь в том случае, если тоже любит паренька. А если не любит, то паренёк рискует крепко получить по лбу стареньким и зачитанным до дыр томиком стихотворений Пушкина. Поэтому графоманы читали книги, выходившие в лидеры продаж, и сочиняли точно такие же, ничтоже сумня-шеся меняя имена и явки, но оставляя сюжет в неприкосновенности.

Наталья ещё раз чертыхнулась, закрыла ноутбук и вздрогнула: за ним стоял человек двадцати сантиметров ростом, в старинной одежде. На голове — помятая шляпа, на носу — очки на цепочке.

«По фамилии Пенсне», — неточно процитировала Наталья строку из песни Владимира Высоцкого.

Человек помахивал тросточкой с набалдашником и снисходительно смотрел на растерянного автора.

— Ну вот, — сказала Наталья, — сначала из головы сбежали сюжеты, затем съехала крыша. Что ещё меня покинет? Остатки разума?

— Добрый день, моя разлюбезная Наталья Борисовна! — поздоровался человек.

— Добрый! — ответила Наталья. — А вы кто?

— Я — твоя муза, — представился человечек. — Меня зовут Галлор, я специализируюсь на создании фэнте-зийных историй.

— А почему ты мужского пола, если ты муза? — невпопад спросила Наталья.

— А почему ты — женского, если ты автор? — невозмутимо парировал Галлор.

Наталья не нашлась что сказать. Точнее, на языке вертелся текст на полтора авторских листа о мужском шовинизме и узурпаторстве названий большинства профессий в мужском роде, но Наталья не хотела обижать музу с первых же секунд общения. Раньше она вообще считала, что общение с музами — дело воображения, но, видимо, времена меняются, раз уж музы появляются в реальности.

«Или кто-то из соседей снова траву курит, — предположила Наталья. — Вот меня и торкнуло...»

Она принялась, но ничего подозрительного в воздухе не обнаружила. Версию о наркотических видениях можно было отбросить за недостоверностью, и Наталья с облегчением выдохнула, но тут же подумала, что радоваться рано. Если человечек не является галлюцинацией, вызванной искусственно, стало быть, мозг пошёл вразнос по собственному желанию, и вскоре придётся посетить с долгим визитом домик с жёлтыми стенами и клонами Наполеонов — среди психов тоже были «графоманы», неспособные вообразить себя не кем иным, кроме как французским императором.

— Не бойся, я настоящий, — сказал Галлор. «Видимо, — подумала Наталья, — другие авторы, с

которыми он сотрудничал, тоже первым делом думали про возникшие проблемы с психическим здоровьем. А что им остаётся, если читатели только и делают, что спрашивают, какую траву курил автор и не больной ли он на всю голову? Ведь нормальные авторы пишут детективы и во всей красе описывают зверские убийства серийными маньяками беззащитных граждан. Именно этим они и отличаются от фантастов, мечтающих чёрт знает о чём».

— Вы пришли мне помочь написать рассказ? — спросила Наталья.

— Явился по первому зову! — отрапортовал Галлор.

— Вы уверены, что по первому? — засомневалась Наталья. За прошедшие полчаса она успела воззвать к исчезнувшей музе раз двести.

— Разумеется, — ответил Галлор. — Но мне пришлось добираться издалека.

— Вы были у другого автора? — напрямик спросила Наталья. Ей очень не хотелось, чтобы муза, с которой она творила, оказалась специалистом-многостаночником, работающим на несколько фронтов.

— Нет, конечно! — воскликнул обидевшийся Галлор, — Мы, музы, никогда не работаем с несколькими авторами сразу. Исключения делаем только в том случае, когда авторы работают над одной историей.

— Извините, — смутилась Наталья. — Я не хотела никого обидеть.

Галлор кивнул в знак примирения и спросил:

— Ну что, принимаемся за работу?

— Непременно! — воскликнула Наталья и открыла ноутбук.

Экран засветился, показывая обои на рабочем столе — двухэтажный домик у берега моря. В реальности Наталья не могла себе позволить жить в таких хоромах и потому ограничивалась найденной в Интернете фотографией дома мечты. Как в песне пелось: «Что нам стоит дом построить? Нарисуем — будем жить!»

— Минутку! — раздался голоса откуда-то с пола, и кто-то крепко цапнул её за ногу.

Наталья замерла от испуга. Медленно опустив голову, она увидела, что перед ней стоят человечки такого же роста, что и Галлор, только в других костюмах.

— А нас, получается, пускаешь в расход? Зачем тогда звала?

— А вы кто такие?! — изумлённо произнесла Наталья.

— Музы!

— Так много?

— А ты как думала?! — Человечки ловко вскарабкались по её ногам на колени, а

оттуда взобрались на стол. — Мы все — твои музы. И каждый из нас отвечает за определённый вид фантазий.

— Вот здрасте, — пробормотала Наталья. То одной музы не дождёшься неделями, то сразу все прибывают, и оказывается, что их не так и мало. — А где вы раньше были?

— А раньше ты нас всем скопом не призывала! — пояснил Галлор. — Знакомься, Наталья!

Музы выстроились в ряд.

— Я уже представлялся, поэтому начну со второй музы в ряду, — сказал он. — Итак, сразу после меня стоит Дворецк, муза детективов.

Человечек в костюме-тройке и трубкой во рту кивнул. Наталье он напомнил Шерлока Холмса из советского фильма.

— Следующий — Эммануил, эротическая муза, — представил Галлор. — Как ты понимаешь, он отвечает за сцены определённого характера в твоих книгах. Рядом с ним стоит Маркиз Детсад, его специфика ещё более редкая: порнографическая муза. Они часто приходят вдвоём, но при этом обожают ожесточённо спорить.

— Но я не пишу порнографию! — запротестовала Наталья.

— Не пишешь, — поддакнул Маркиз, — это верно. Но зато как фантазируешь...

Наталья зарделась и посмотрела на музу убийственным взглядом. Маркиз показал ей язык и хихикнул, словно какой-нибудь клоун в цирке.

— Из-за ужимок мы и зовём его Маркизом Детсадом, — пояснил Галлор. — Далее у нас идёт вот этот мрачный господин, похожий на президента. Это — юмористическая муза, Чарли. Тёзка сама знаешь кого. И последний — Юрий. Муза публицистическая. С его помощью ты описываешь в дневнике то, что произошло накануне.

— Очень приятно, — автоматически сказала Наталья, раздумывая над тем, какая история у неё получится с такими музами. — А девушки среди моих муз есть? — на всякий случай спросила она. Вопрос не был принципиальным, но хотелось бы иметь среди муз хотя бы одну подружку.

— А как же?! — воскликнули музы хором. — Александра, наша муза любовных романов.

— И где же она? — поинтересовалась Наталья.

— Понятное дело где, — сказал Галлор. — Занимается шопингом и шейпингом, а потом гламурится по шесть часов кряду. Не до тебя ей сейчас, изучает гламурную жизнь, так сказать, на собственной шкуре, чтобы тебе потом было о чём написать. Ты ведь сама ни в жизнь не попадёшь в эти глянцево-бумажные круги.

— Это ещё почему?! — возмутилась Наталья. — Да я только вчера на шейпинге была и в солярии загорала.

— На твою зарплату менеджера ты можешь заняться шопингом секунд на двадцать, до столкновения с первым ценником, — заметила муза-публицист. Наталья вздохнула, но спорить не стала: публицист прав, и на её скромную зарплату на модные вещи можно только посмотреть, в крайнем случае дотронуться до них и даже примерить, но потом вернуть на место и уйти несолоно хлебавши. — Но ты не отчаивайся: грянул финансовый кризис, и скоро бутиков совсем не останется. Может быть, один сохранится — в музее, как экспонат. Снова будете ходить на рынки и одеваться у торговцев из Китая.

— Прощу прощения! — сказал Галлор. — Мы будем историю сочинять или обсуждать мировые финансово-экономические проблемы?

Предоставленные сами себе музы сгрудились в кучку и тихо, но ожесточённо спорили о том, кто из них важнее. И Галлор торопился занять их работой до того, как в ход пойдут кулаки и окружающие муз увесистые предметы.

— Конечно, историю! — воскликнула Наталья.

— Мы вполне можем написать историю о финансовом кризисе, — намекнул публицист. — Своевременная тема, пользуется широким спросом у населения.

— Без меня, — отрезала Наталья. — Я в этом деле ничего не понимаю. Давайте

сочинять!

Музы перестали спорить и подошли к ноутбуку. Галлор хлопнул в ладоши, и недалеко от муз появились удобные кресла. Музы расселись и посмотрели на автора.

— На какую тему создаём труд? — спросил Галлор, как старший в группе.

— Конечно, фэнтези! — вдохновлён но сказала Наталья.

— Значит, начнём с разминки, — кивнул Галлор. — Простенький сюжет перед началом нормальной работы: главная героиня попадает в другой мир и наводит там порядок. Подойдёт?

— А разве у фэнтези есть другие сюжеты? — изумилась Наталья и повернула голову в сторону полки с книгами.

Всё, что было куплено за последние годы в любимой серии, повествовало исключительно о попадании в средневековые миры и наведении там порядка при помощи личного обаяния и привлекательности, а также при использовании кое-какой магии.

— Ты не поверишь! — сказал Галлор. — Но есть.

— Какой-нибудь андеграунд? — скривилась Наталья.

— Я бы не сказал, но для тебя пусть будет андеграунд, — согласился Галлор: музы снова стали перебрасываться короткими фразами, и времени на споры с автором не было. Ещё минута объяснений, и музы начнут швырять друг в друга гнилыми помидорами, доказывая,

что их жанр самый главный, а всё остальное — это приложение, самостоятельной роли не играющее. — Значит, это и будет наш главный сюжет. Не густо, но на безрыбье и сети съедобны. Итак, главная героиня попадает в другой мир. Вопрос: как она это делает?

— Например, она заблудилась, вошла в старинный замок и провалилась в колодец, — предложила Наталья. — А когда упала в воду, то обнаружила подводный туннель и по нему выбралась на белый свет. И оказалось, что она попала в совершенно неизвестное место. Ну как, интересная идея?

Наступила долгая тишина.

— Любопытная, — дипломатично сказал Галлор за всех.

— Вопрос только в том, — заметил Дворецк, — сколько человек поверят в такой способ переброски в другие миры и потонут в заброшенных колодцах планеты?

— А что предложишь ты? — вопросом на вопрос ответила Наталья.

— Убийство, — сказал Дворецк. — Смерть в заброшенном колодце — самое то для завязки детектива. Главное, придумать мотив и отыскать убийцу.

— Не хочу.

— Ну и ду... май сама.

— Я уже придумала, — сказала Наталья. — Колодец — портал в иной мир. И точка!

Она посмотрела на Дворецка так, что тот сразу понял: ещё слово, и жертвой убийства станет он сам.

— Она оглядывается по сторонам и видит вдали приближающийся караван, — сказал Галлор с мрачным видом: такой глупости он давно не сочинял.

— Ты просто читаешь мои мысли! — радостно воскликнула Наталья. — Героиня выбирается из колодца...

— ...в мокрой футболке и короткой юбке, — вставил Эммануил. — Это добавит книге эротичности.

— Самое то, — согласилась Наталья. — Героиня обращается к караванщику с просьбой объяснить, куда она попала и где ближайший город. И караванщик с купцами и погонщиками, пленённые её красотой и умом, просят её возглавить караван.

— Вы с ума сошли! — воскликнул публицист. — Какая эротичность? Какое возглавить? Караван из сорока здоровенных мужиков, два месяца идущих по пустыне и лишённых нормального общения с противоположным полом? Да вы знаете, что они сделают с эротичной героиней?

— Похоже, моя очередь! — воссиял Маркиз Детсад и расплылся в улыбке до ушей. —

Я так и знал, что это время наступит! Значит, главная героиня подходит к каравану и в ближайшие двое суток устраивает такую оргию, что слышно на всю пустыню. Могу расписать это событие на два-три авторских листа.

— Даже строчки не напишу! — угрожающе сказала Наталья.

— И после оргии, — добавил публицист к словам Маркиза Детсада, она перестаёт думать о сексе и эротизме как минимум лет на восемьсот. Как и о приключениях в новом мире. Спрячется в первом же монастыре, наденет сотню одежек без застёжек и до самой смерти будет ходить так, чтобы было видно максимум её зрачки через узкую щёлочку в накидке на голову. Во избежание, так сказать. Но перед этим отыщет тот самый колодец и взорвёт его к такой-то матери.

— Минутку! — запротестовала Наталья, чувствуя, что ещё немного, и все музы одобряют план, предложенный Маркизом. Из вредности. — Мы же сочиняем фантастику, то есть фэнтези!

— Не проблема, — ответил Маркиз Детсад, — все мужики в караване будут кричать: «Дас ист фантастиш!» Пойдёт?

— Нет! — категорически не согласилась Наталья.

— Зря, — огорчился Маркиз. — Этот возглас привлекает мужскую часть населения, и героиня в одночасье приобретёт широкую известность. Разве не этого она добивается? Подумаешь, станет королевой не в той области, где хотела. Но ведь станет.

— Изыди, пошляк несчастный! — воскликнула Наталья. — Парни, давайте по существу и без всякой порнографии. Караванщики отвозят героиню во дворец, там её видит султан. Он влюбляется в неё и...

— ...в первую же ночь убивает свой гарем, — предложил Дворецк.

Снова наступила тишина.

— Зачем?! — вкрадчивым голосом поинтересовался Галлор через долгую минуту. У него были собственные мысли по данному поводу, но он не считал, что их необходимо использовать в новой истории. А вот объяснения Дворецка ему крайне хотелось услышать. Как и всем остальным.

— Потому что гарем не соглашается на развод. Э-э-э... Чего вы так на меня уставились? — удивилась детективная муза. — Так всегда происходит: первым делом ради любовницы высокопоставленные правители избавляются от прежней жены. Подумаешь, что их было сорок, а не одна.

— У меня другой вариант, — сказал Галлор. — Султан меняет свой гарем на героиню. И все довольны. Героиня — потому что моментально возлюбила роскошную и счастливую жизнь во дворце, а бывшие жены султана — потому что у каждой появился свой собственный муж.

— Отлично! — обрадовалась Наталья, записывая сюжет. — История готова! Молодцы, мальчишки!

— Как готова?! — не поняли музы. — Уже?

— Конечно. Это же сказка, а сказки всегда заканчиваются свадьбой. Тем более здесь их аж сорок одна штука.

— Нет, подруга, так не пойдёт! — запротестовали музы хором. — Мы только начали сочинять, какое «готово»? Ты чего тут ерундой занимаешься? Не сходи с ума! А как же тридцать продолжений? А как же нападение вампиров и колдунов из тёмных земель? А как же попытка убийства султана влюбившимся в героиню садовником? А как же эльфы, гномы и всякие тролли, жаждущие разрушить страну султана? А как же понимание героини того, что всё это ей приснилось и что на самом деле она хрястнулась головой о дно колодца, выход из которого только один — наверх, к пустой и серой жизни, если её успеют отыскать и спасти?

— Завтра! — отрезала Наталья, — И никакого возвращения героини в постылую реальность, будем дальше сочинять! Главное, не забудьте позвать с собой музу любовных романов. Её советы мне здорово пригодятся. Всё, всё, всё! По домам, мальчишки, обдумывать

сюжеты. Завтра приходите в это же время, буду ждать!

— Нет, так нечестно, — забубнили музы, спрыгивая со стола и направляясь к двери. — Только мы почувствовали вкус к истории, как уже всё закончилось.

— Мальчики, — повторила Наталья, — не закончилось, честно. Завтра придумаем продолжение. А сегодня мне и этого хватит, чтобы сочинять весь день.

— Мы хотим работать! — воскликнули музы.

— Но я не могу использовать все ваши идеи одновременно, — сказала Наталья. — Я охотно, но...

— Решай проблему, или мы уйдём в безработные музы, — пригрозил Эммануил. — Ни тебе счастья, ни нам работы.

— Или тебя убьём, а труп закопаем, — пригрозил Дворецк.

— Какая замечательная идея! — воскликнул Маркиз Детсад. — А то у нас миллионы идей, которые пропадают почём зря. Думай, Наталья, думай! А я пока пойду для тебя верёвку с мылом поищу. Вдруг не придумаешь?

— Стоять на месте! — грозным голосом приказала перепугавшаяся Наталья. Музы оказались не только трудолюбивыми, но и опасными. — Сейчас решу, что с вами делать.

— У тебя ровно десять мину..

Наталье хватило четырёх. Уж больно злобными глазами на неё смотрели некоторые музы.

— Теперь вы довольны? — спросила Наталья.

— Ещё как! — ответили музы. — Спасибо!

— Да пожалуйста, маньяки литературные! — ответила Наталья. — Вы только про меня не забывайте.

— Каждое утро перед твоим ноутбуком, как конь перед травой! — дружно ответили музы.

Существовал единственный способ сделать и волка сытым, и овец живыми, и Наталья крайне гордилась собой за то, что додумалась до него. Заставить муз работать одновременно над одной историей — это сумасшествие, выдержать которое под силу не каждому: музы едва не передрались, сочиняя крохотный эпизод. Зато дать каждой музе по собственному автору — совсем другое дело. В конце концов, способ давно опробован некоторыми профессиональными писателями и вполне работоспособен. А что вызвавшие помочь Наталье друзья-подруги, по сути, стали её литературными неграми — ведь официально все музы принадлежат именно Наталье, — так кого это волнует в современном мире? Главное, музы пристроены, и никто из них не пожелает убить автора за то, что тот не превратил предложенную идею в рассказ, повесть или роман.

Михаил Бабкин

Дедок

Расскажи, Снегурочка, где была? Расскажи-ка, милая, как дела?

В чате творился полный бардак!

Мало того что туда неожиданно ввалилась группа нетрезвых эльфов с фабрики Санта-Клауса, пьяненьких по случаю Рождества — хотя это был вовсе не их праздник, — в чат, под своим любимым ником «Fuck _ you», самолично заявился и хамский Санта-Клаус. Разумеется, крепко поддатый и непомерно весёлый: для начала он с ходу обозвал главного админа «старым морозмати-ком», а гостей и жителей чата «рашен отморозками», после чего стал шпарить матом по-английски, хорошо хоть не все «отморозки» тот язык понимали.

Дедок, поморщившись, забанил ник «Fuck _ you» на полчаса; малость подумав, на всякий случай заблокировал и вход на сервер для постоянного IP Санты. Впрочем, Клауса

этим не остановишь — сменить ник и войти в чат через прокси-сервер для Сайты плёвое дело, умный он, зараза. Хоть и пьяный...

За спиной хлопнула входная дверь, по комнате проскользнул ледяной сквознячок.

— Мороз, ты, что ли? Дверь плотнее закрывай, — сказал Дедок, не оборачиваясь. — Дует, И обувку веником обмети, а то лужи натекут.

— Привет, Дедок! — сказали за спиной; голос был девичий, ехидный. — Опять с чатланами воюешь?

Дедок, повернувшись вместе с одноногим вращающимся креслом, взглянул на посетительницу: та, сняв просторную дублёнку с капюшоном, небрежно бросила её на тумбочку при входе, поправила короткую причёску перед зеркалом и, брезгливо покосившись на веник, подошла к Дедку.

— Привет, Снегурка! — Дедок окинул цепким взглядом заметно пополневшую фигуру молодой женщины. — Что, с очередным дитём можно поздравить? И когда?

— Тебе шутки шутить, — вздохнула Снегурка, осторожно усаживаясь в соседнее кресло, — а мне опять рожать... В ночь с тридцать первого на первое, как обычно. Эх, как оно мне всё надоело! Каждый год одно и то же... Скажи, ну когда оно закончится, а?

— Даже если б знал, всё равно не сказал бы, — усмехнулся Дедок. — Но, думаю, не скоро. Во всяком случае, не в этом столетии, однозначно.

— Жаль, — задумчиво сказала Снегурка, рассеянно оглаживая ладонью выпуклый живот. — Была у меня надежда, была... тебя прям лучше и не спрашивай, всё равно ничего хорошего не услышишь!

— Эт точно, — кивнув, согласился Дедок. — Потому как не приучен я врать, не по чину мне байки утешительные травить. Ты ведь каждый год один и тот же вопрос задаёшь, голуба, пора вроде бы к моему ответу привыкнуть.

— А ты зато меня каждую зиму спрашиваешь, от кого нынче дитё. — Снегурка вымученно улыбнулась. — Дознаватель новогодний, блин.

— И впрямь, от кого на этот раз Новый год? — заинтересовался Дедок. — Нет, правда, от кого?

— Сколько ж тебе повторять, что оно само собой образовывается! — отведя взгляд в сторону, раздражённо ответила Снегурка. — Можешь верить, можешь не верить, как хочешь. Неужто я о контрацептивах не знаю?!

— Как там Мороз? — поспешил уйти от щекотливой темы Дедок. — Небось на выезде сейчас, вовсю трудится? По декабрю-то самое время.

— Трудится, а как же! — фыркнула Снегурка. — Вон с тем типчиком на пару и трудится. — Она ткнула пальцем в экран монитора. — С факью который. В гости к нему с обеда наладился, вернётся под утро пьянее самогона...

На экране вконец окосевший Санта, обзаведясь IP — прокси и очередным ником, опечатка на опечатке похвалялся на ломаном русском своими оленями, недвусмысленно склоняя чатлан к зоофилии; чатлане негодовали.

— Завтра логи почитает, со стыда окоченеет, — махнул рукой Дедок и выключил монитор. — Старый дурак!.. Говори, Снегурка. Я же знаю, зачем ты пришла. Не в первый раз, поди... и не в последний.

— Люб мне один человек, Дедок, — заалев, сказала Снегурка, — ой как люб! Ты не подумай чего, — спохватилась она, — у нас ни-ни, просто он замечательный. Исключительной души человек!

— Ещё бы, — хмыкнул себе под нос Дедок, мельком взглянув на Снегуркин живот. — Разумеется, замечательный. Не сомневаюсь.

— Ты... ты приведёшь её ко мне? — потупясь, тихо спросила Снегурка. — Я в долгу не останусь, сам знаешь.

— Знаю. — Дедок зевнул, прикрыв рот ладошкой. — Что, прежняя за год совсем надоела?

— Неинтересна она мне более, — поморщилась Снегурка. — Себе заberi, ладно?

Скучная та душа стала, мутная какая-то, пустая... ничего уже дать не может. Надоела. А у этого — особенная, Дедок! Душа, ах какая душа у него! Чистая, свежая...

— Они у тебя ежегодно особенные, — буркнул Дедок, — и поголовно все светлые. Давай адрес.

Снегурка торопливо сунула ему сложенный в четвертушку блокнотный листок, видать, всё время в руке прятала. Сунула и отдернула руку, нечаянно коснувшись пальцев Дедка.

— Я пойду, — вдруг заторопилась Снегурка. — Надо... э-э-э... на хозяйство мне глянуть нужно, без присмотра оно... да и дед может приехать, осерчает, если меня не найдёт. Пойду я. — Снегурка тяжело встала, прошла к тумбочке: взяла дублёрку и, не оборачиваясь, застыла на миг у двери в ожидании.

— Этой же ночью организую. — Дедок включил монитор. — Буду обход делать и обязательно зайду по твоему адресу. Не беспокойся, приведу тебе ту светлую душу.

Снегурка вышла, плотно закрыв за собой дверь.

— Совсем охренел Санта, — хихикнул Дедок, вглядываясь в бегущий по экрану текст, — вот же силён пить мужик... как он ещё по клавишам попадать ухитряется, не понимаю! — Дедок, не отрывая взгляд от монитора, нащупал висевший на стенном крюке свой рабочий саван и, пронеся руку в опасной близости от лезвия подвешенной там же косы, сунул записку в карман.

Желание

Когда Вадим Николаевич разлепил глаза, был уже поздний вечер. Или, скорее, ранняя ночь... или раннее утро, хрен его разберёшь зимой, когда вьюжно и темнеет рано, а будильник показывает семь часов непонятно чего, а запой идёт себе да идёт, не обращая внимания ни на время года, ни на время суток, ни на его, Вадима Николаевича, самочувствие.

Вадим Николаевич, кряхтя, сел — старый диван под ним тоже закричал пружинами; так они и покряхтывали несколько мнрут, каждый о своём. Потом Вадим Николаевич нащупал ногами шлёпанцы, встал, подтянул трусы и побрёл в ванную, попить и умыться. В первую очередь, конечно, попить.

По пути Вадим Николаевич щёлкнул выключателем, но лампочка в комнате не зажглась, чему Вадим Николаевич ничуть не удивился: электричество в последнее время отключали с завидной регулярностью. В местной газете писали, что, мол, в целях повышения благосостояния, но не указывали чьего. Явно не Вадима Николаевича, явно...

Хуже всего было то, что в кране не оказалось воды, ни холодной, ни горячей — пить было нечего. Отметившись по-маленькому в туалете и не смыв за собой, Вадим Николаевич поднял фаянсовую крышку бачка-компакта и, зачерпнув из него найденной на кухне железной кружкой, наконец-то напился. А чего здесь такого? Вода в бачке чистая, водопроводная... Не эстетично, конечно, но куда деваться-то, когда трубы горят...

После Вадим Николаевич, подсвечивая зажигалкой, пошёл в зал наводит! рени шю и своих запасах, о которых помнил даже по сне. Хотя понятия не имел, откуда они взялись. Запасы были хорошие, могучие запасы! На виду оказалось двадцать ящиков лучшей водки, один, правда, почти пустой; двадцать — марочного коньяка, ещё десяток чего-то там элитно-иностранного, с невразумительными надписями... коробок пять разных консервов и дорогих сигарет — в общем, вторая комната была забита ящиками и коробками до потолка. Возможно, где-то там, за первым рядом, находились упаковки со столь желанным и необходимым сейчас организму пивом, но разбирать штабеля у Вадима Николаевича сил не было. А крепче пива организм ничего не хотел и грозно бунтовал желудком при любой мысли о водке или коньяке.

Пожалуй, за пивом надо было идти в ближайший коммерческий ларёк, тот работал круглосуточно, но вот были ли деньги? Вадим Николаевич, обжигая пальцы нагретой зажигалкой, отыскал в углу спальни куртку и брюки, пошарил в карманах, но найденные два

рубля оптимизма у него не вызвали. И тут Вадим Николаевич вспомнил! Стукнув себя по лбу ладонью — ах дурак! — он бросился на кухню.

Деньги были на месте, в открытом настежь холодильнике: пачки долларов, фунтов и новомодных евро забили ёмкое нутро до самой морозилки. Тоже, кстати, неизвестно откуда взялись... Вытащив пачку долларов, Вадим Николаевич выдернул из неё одну бумажку в сто баксов номиналом, больше брать не стал: а ну как на улице по темноте ограбят? Хотел было закрыть холодильник, принялся и поморщился: воняло как на помойке.

— А ещё говорят, что деньги не пахнут, — раздражённо сказал Вадим Николаевич и со злостью захлопнул дверцу.

...На улице мело так, что ни фи́га не было видно. Тем более что уличные фонари тоже не светили, и окна в соседних домах были чёрными. «У всех отключили. Во гады-энергетики!» — понял Вадим Николаевич, геройски топая по сугробам в привычном направлении. Маршрут был настолько отработан, что ни вьюга, ни темнота, ни сугробы не сбили бы Вадима Николаевича с верного пути.

Ларёк оказался заперт, хотя семь часов вечера или утра вполне рабочее время; амбразура с дежурным стеклянным окошком была подозрительно тёмной. Вадим Николаевич стучал в окошко долго, даже орал, чуть ли не уткнувшись лицом в стекло, но Клавка, видимо, или завалилась спать и дела ей не было до страданий ночного героя-покупателя, или вообще на работу не вышла. Вадим Николаевич выругался и побрёл назад, домой. Ящики передвигать.

Пока он ходил к ларьку, пока пытался достучаться, вьюга утихла и стало светать: серые зимние тучи разошлись, явив румяное утреннее солнце; снег похрустывал под ногами Вадима Николаевича, и это был единственный звук, который он слышал.

Что-то было не так.

Вадим Николаевич даже на минуту остановился, соображая, какое такое «не так» обеспокоило его, но никаких мыслей в тяжёлую похмельную голову не приходило. Вадим Николаевич прошёл ещё с десяток шагов и вдруг сообразил: не каркали вороны. Горластое воронье племя, поселившееся на деревьях вокруг ларька, всегда встречало рассвет омерзительно дружным хором, тут же начиная испражняться — уж это Вадим Николаевич знал наверняка, чай, не первый раз под утро к ларьку ходил...

А ещё не было машин: Вадим Николаевич посмотрел в сторону проходящей мимо домов вечно оживлённой трассы — да, не было. Ни одной.

— Блин! Война, что ли, случилась, пока я пил? — с испугом спросил сам у себя Вадим Николаевич, но, не дождавшись ответа, продолжил путь домой.

Дома он, потев от усердия, с трудом отодвинул часть ящиков с водкой, нашёл за ними штабель упаковок баночного пива — вытащил одну, уронив все остальные, и, на ходу выдёргивая длинную, похожую на снарядную гильзу банку из пластиковой обоймы, направился к телефону.

Телефон тоже не работал. И сетевой радиоприёмник упрямо молчал, хотя ручка громкости была выкручена до упора.

— Совсем озверели демократы, — горько пожаловался Вадим Николаевич полупустой банке. — Додемокра-тились! Вон и телефон с радио отключили, а я ведь за них платил. Кажется. — Допил пиво и подошёл к окну.

За окном была зима, за окном был день. А людей, машин и ворон не было...

— Эта, — задумчиво сказал Вадим Николаевич мёрзлому окну, — не нравится мне оно чего-то... Может, и впрямь эвакуация была? Может, тут нынче Чернобыль случился, а я и не знаю об том?

Обдумал эту мысль и отмёл её как несостоятельную. Потому что ни атомных станций, ни крупных химических предприятий поблизости не имелось.

— Надо попробовать вспомнить, что было-то, — вздохнул Вадим Николаевич. — Может, чего по радио объявляли, да я не понял? — И, чтобы легче вспоминалось, продолжил неспешно потрошить початую упаковку пива.

После второй банки Вадим Николаевич вспомнил, как три дня тому назад пришли Лёха и Кузьмич, принесли бутылку и кулёк свежемороженой рыбы. После третьей банки пива вспомнилось, как Лёха сбегал за добавкой, а Кузьмич жареной рыбки потребовал... После четвертой и пятой Вадим Николаевич вспомнил, что кинул одну рыбину в таз с водой, оттаивать, а остальные сунул в морозилку... Как Лёха побежал ещё за добавкой, а Вадим Николаевич начал рыбу чистить, а та взмолилась человеческим голосом, обещала три желания исполнить... просила и остальных разморозить, отпустить в реку, мол, тоже откупятся.

Смешно было до упаду: рыба — и говорит! Таких глюков у Вадима Николаевича раньше не было. Чтобы именно — говорящая рыба. Что-то он там желал сдуру... водку-коньяк-вино-пиво-сигареты-закусь до потолка и деньги, полный холодильник, ага! Так-так... а что же было с третьим желанием? Кажись, что-то было. Но что?

У Вадима Николаевича от умственного напряжения разболелась голова: пиво не помогало ни вспомнить, ни снять ту боль. Пришлось идти откупоривать водку — организм уже был не против. Совсем не против!

После половины стакана в голове прояснилось. Воспоминание о третьем желании было нечёткое, тусклое, как кино в соседнем ДК, куда Вадим Николаевич иногда ходил развлечься, самогона с киномехаником выпить. Но — было.

Зашёл, значит, Вадим Николаевич в комнату с говорящей рыбой в руке, похвастаться хотел, ящики с выпивкой да деньги показать, а эти сволочи без него, — оказывается, всю пол-литру усидели! Озлился тогда Вадим Николаевич... ну бывает, ну вспылчив, когда лишку на грудь возьмёт... и сказал в сердцах: «Чтоб вы все пропали!» А рыба, помнится, ещё уточнила: «Все?» А Вадим Николаевич ответил...

— Чёрт! — крикнул Вадим Николаевич, отбрасывая стакан и кидаясь к холодильнику — может, какая рыбина ещё уцелела, не сдохла... они, рыбы, твари живучие... лёд там на стенках был, толстый-претолстый.

Вадим Николаевич открыл морозилку и отшатнулся: воняло именно оттуда, даже не воняло, а невыносимо смердело гнилью, тухлой речной рыбой; Вадим Николаевич медленно закрыл холодильник и побрёл в спальню поминать безвинно пропавших друзей, дорогих Лёху и Кузьмича.

И всех других заодно поминать... которых было сколько-то там миллиардов. Не считая ворон и прочей бестолковой живности.

Единственное, что утешало Вадима Николаевича, так это то, что запасов на поминки у него вполне хватало. На долгие поминки... очень, очень долгие.

Пожизненные.

Зачёт

В шесть утра, перед тем как собираться на работу, Максимов — в одном лишь спортивном трико и пластиковых тапочках — пошёл вынести мусорное ведро, а заодно покурить на лестничной площадке, на свежем воздухе, так сказать. Дымить в квартире, даже на кухне и даже в форточку, жена запрещала категорически.

Мусоропровод, как назло, был забит доверху, вплоть до девятого этажа, где находилась квартира Максимовых. А лифт ещё позавчера сломался — какую-то медную катушку из него украли, особо важную для лифтовой работы.

Надо было идти вниз, высыпать мусор в уличный бак у соседнего дома, потом возвращаться к себе, пешком. А на дворе осень, холодно и сыро... Максимов закурил сигарету, попинал ведро тапочкой, решил, что мусор и до вечера потерпит; в крайнем случае Клава, когда проснётся, вынесет. Может быть.

На лестничной площадке, из ниоткуда, вдруг материализовался молодой человек в длинном, до пола, чёрном халате, расшитом серебряными звёздами, и остроконечном колпаке, тоже чёрном и звёздном. Улыбаясь словно коммивояжёр возможному покупателю,

молодой человек прочувствованно сказал:

— Здравствуйте, уважаемый! Вам неслыханно повезло! Я — выпускник кафедры доброго волшебства академии чудес, и моя преддипломная практика — осчастливить сегодня первого встречного, выполнив любое его желание. Такое вот у меня задание.

— Очень мило, — флегматично ответил Максимов, который с утра по понедельникам давно уже ничему не удивлялся, поскольку мешало обязательное похмелье, — вот уж свезло мне так свезло! Да.

— Вот вы не верите, — печально заметил молодой человек, — а зря. Того глади, повернётесь и уйдёте, а мне зачёт не поставят... И вы, можно сказать, великий шанс всей своей жизни упустите. Заветную мечту!

— Ну-ну, — неопределённо произнёс Максимов, в задумчивости стряхивая пепел себе на штаны. — Ишь как загнул... Ладно. Давай, студент-маг, организуй мне миллион баксов наличкой, в мелких купюрах. Что, слабо?

— Очень плохое желание, — огорчился выпускник академии чудес — Поймите, если я выполню это требование, то полученные вами деньги у кого-то пропадут, согласно закону перемещения масс. И этот кто-то, возможно, пойдёт под суд... или даже покончит с собой! Нет, доброе волшебство категорически против вредных пожеланий.

— Понятно, — буркнул Максимов. — А превратить мусор в тысячерублёвые купюры можешь? Чтоб полное было, с горкой. — Он снова пнул тапочкой мусорное ведро.

— Ещё более неудачное желание, — вздохнул молодой человек. — Деньги, созданные в обход государственного Монетного двора, по сути являются фальшивыми, невзирая на своё полное соответствие настоящим купюрам. Нет, доброе волшебство категорически против вред...

— Десять ящиков пива! — рубанул воздух ладонью Максимов.

— Вредно для сердца и почек, — быстро ответил выпускник академии чудес.

— Бутылка водки, — атаковал его Максимов.

— Цирроз печени, алкогольный психоз, — парировал студент-маг.

— Пачка сигарет? — предложил Максимов.

— Астма, рак лёгких, — пообещал молодой человек.

— Тьфу ты, — только и сказал Максимов. Выпускник академии чудес выжидательно смотрел

на него.

— Тогда вот чего. — Максимов заплевал окурок, кинул его в ведро. — Желаю, чтоб ты сбегал вниз, мусор выкинул. Контейнер — у соседнего дома. Надеюсь, доброе волшебство не против?

— Вовсе нет, — просветлев лицом, сообщил студент-маг. — Я мигом! — И, подхватив одной рукой ведро, а другой приподняв полы чёрно-звёздного халата, опрометью кинулся вниз по лестнице.

— И ведро, ведро назад принеси! — крикнул Максимов в лестничный пролёт. — А то знаю я вас, скубентов!

— Принесу! — донеслось снизу, и стало тихо — добрый волшебник спешил выполнить заветную мечту первого встречного. То есть отработать свою преддипломную практику.

Максимов достал из пачки сигарету, закурил: домой он уже не торопился. И не потому, что ждал обещанного ведра, нет. А потому что надеялся — вдруг ещё какой выпускник академии чудес сюда вновь пожалует?

С кафедры злого волшебства.

Это было бы хорошо...

Инициация

Иван Петрович, сорока двух лет, холостой, нигде не партийный и никогда не работающий сгорел в один момент, как спичка в доменной печи, — тьфу, и нету.

Кто знает, из-за чего оно всё отчаянное приключилось: то ли наш президент с ихним не договорился, то ли наоборот, но упала на дом Ивана Петровича атомная бомба и сожгла его. Вместе с жителями многоэтажки и всем городом заодно. Ну и с дачными окрестностями, само собой. И с прилегающими деревеньками, где коровки, свинки и пастушата на утренней росе; такая вот неудобная закавыка вышла.

Разумеется, воспарил тогда Иван Петрович в чёрные небеса... вернее, дух его воспарил: и впрямь, какая такая у него теперь была телесность? Вероятностная неопределённость, да и только; одна отрицаемая наукой душа — ныне сонная, в обнимку со сгоревшим одеялом.

Вокруг Ивана суетились ширококрылые потные ангелы, вычерпывая массу прочих душ погибшего города и вмиг улета к звёздам, как фейерверочные залпы: действовали ангелы весело, споро, с беззлобным матерком и залихватски — работали, в общем. Спасали то, что можно было спасти.

Но во всём этом бедламе Иван как-то в стороне остался, то ли завис поначалу неправильно, то ли с детства ликом не удался — проигнорировали его. Забрали прочих, а Ивана не заметили, остался висеть один-одинёшенек над былым величием города.

Под ногами клубился серый атомный прах, в звёздном небе певуче, летели призраки сожжённых птиц, а Иван продолжал висеть, зябко подёргивая ногами и кутаясь в лохмотья одеяла.

Час висел, два — ан никого! Ни одной крылатой сущности, чтобы забрать его в райские чертоги. Ну или в адские подвалы; какая хрен разница: главное — определиться. А то так и останешься никем не востребованным, а это крайне плохо, особенно с учётом нынешнего положения.

Однако ж вскоре явились ожидаемые: трое крылатых, то ли ангелы, то ли черти, поди пойми в пепельной мути, с подвешенным перед ними столом — канцелярским, верным, со школьными чернильницами прошлого века, бумагой и гусиными перьями — и стали задавать Ивану дивные вопросы. Даже не представившись.

— Насколько нам известно, — сказал невесть кто и что с левой стороны стола, — вы нарушили практически все заповеди Господа нашего: неверие в Него и кумир-ство на предмет денег в первую очередь. Также всуе поминание имени Его; по молодости субботняя работа на текущих халтурках; конкретное непочтение к родителям, в дальнейшем — настоящее убийство сослуживцев сплетнями и злостными комментариями; прелюбодеяние с секретаршей и воровство крупных сумм с банковского счёта личной фирмы. После идут ложные свидетельства и донос на близких своих, повлёкшие отбирание дома у гражданина Смердякова и запланированный переход его жены к вам. Вопросы есть?

— Ни сном ни духом, — честно ответил Иван Петрович. — Ни в одном из десяти грехов не повинен, вся жизнь как на ладони! У вас неверные сведения. Ошибочка вышла, граждане судьи!

И впрямь, неохотно подтвердил невесть кто с правой стропы егола, явная ошибка. У нас дело на кого? На Пупло Иоанна Петровича, скончавшегося десять лет тому назад... А разбираемся только сейчас и не с тем! Но фамилии схожи, отчего ж и нет. — Тут правосторонний сильно засморкался в платок, на том его речь и закончилась.

— Я попрошу! — сердито застучал кулаком по столу средний. — Будьте любезны! Души врать не умеют, стало быть, мы имеем дело с чем-то неопределённым, что и не жило фактически, коли нет грехов... Не надо наводить тень на исторические события, не надо! В любом случае есть кассационная комиссия, пусть она и решает. — С этими словами и стол, и некие всякие исчезли, оставив напоследок запах озона да трубный отголосок сморкания.

Иван Петрович был один.

Но не надолго: в фонтане огней, в сполохе взрывов к нему явился представитель означенной комиссии — явно дьявол, с рогами, копытами и рыжей шерстью повсюду. Даже в промежности.

Оглядев Ивана с хитрым ленинским прищуром, рогатая скотина сердито молвила что-

то вроде: «Мля, не мой профиль, никаких грехов» — и исчезла, растаяла в ничто.

Иван опять оказался в одиночестве.

Судя по всему, ни раю, ни аду он не принадлежал — так себе, бесхозное хрен знает что, никому и никак не требуемое. Это было обидно.

И потому, выждав ещё некоторое время и заодно уронив в звёздную темноту любимое одеяло — что окончательно расстроило Ивана Петровича, — озлобленный и печальный, он ляпнул в сердцах:

— Да будет свет! — чтобы увидеть, куда оно упало.

И вдруг стал свет.

Наталья Татаринцева

Поезд А

— Войдите! — зверским голосом крикнула Анжелика в ответ на робкий стук в дверь.

Обычно она держала себя в рамках спокойствия и хорошего отношения к людям, но сегодня...

Такие дни обычно выпадают пару раз в году, и их потом пытаешься побыстрее забыть, как страшный сон. Она работала всё гам же психологом в начальной школе, Это если говорить об официальной части её жизни. Здесь проблем не было, в данный момент до конца рабочего дня оставалось всего каких-то минут двадцать, и никто из учеников за сегодняшний день так и не заглянул в её маленький кабинетик, но вот другие... Другие делились ровно на две части, которые сама она условно называла: Проблемные клиенты и Проблемы личные.

Проблемные клиенты... Ровно год назад она, сама того не желая, оказала квалифицированную психологическую помощь... как бы это выразиться... нечистой силе. Так и получилось, что её неожиданным образом взяли на работу — консультировать всяческого рода аномальных существ Вампиры, оборотни, привидения, инкубы и суккубы... при ближайшем рассмотрении оказалось, что «не так страшен черт, как об этом пишут в умных книгах». Пока, положа руку на сердце, обычные люди доставляли ей куда больше неприятностей.

В качестве вознаграждения за работу ей было предложено исполнение любого желания. Совсем как в детской сказке, и юная девушка, надо сказать, внешне абсолютно не привлекательная, загадала вполне оправданное — «Хочу нравиться мужчинам!». И выяснила для себя, что желания свои надо формулировать чётче. Внешне ничего не изменилось, она так же осталась весьма далека от эталона женской красоты. Но вот окружающие...

И тут мы как раз плавно переходим ко второй категории её проблем — Проблемы личные.

Куда бы она теперь ни пошла, за ней неотвратимо следовал хвост из поклонников и обожателей, ей дарили колючие розы, декламировали в три часа ночи плохие чужие стихи, угрожали самоубийством и плакали, драматично стоя на коленях. Вот как раз сегодня она с огромным трудом выперла из кабинета тринадцатого по счёту поклонника, и тут... опять стучат?

— Да входите же!

— Можно? — В кабинет робко просочился пожилых лет джентльмен с заискивающей улыбкой. — Мне тут вас... порекомендовали.

«Слава богу! Слава богу! — мысленно возликовала Анжелика. — Клиент! Не поклонник!»

— В каком классе? — деловито уточнила она, пододвигая стопку методичек.

— Кто, я? — несказанно удивился клиент — Так я уж, почитай, лет сорок, как школу окончил. С отличием.

— Да нет! Ребёнок ваш в каком классе? Вы ведь ко мне как к школьному психологу

пришли или... нет?

— К школьному? Что за бред?! Нет, мои дети давно выросли. Я пришёл к вам... по рекомендации... Мне про вас рассказал сосед, Миша. Он сказал, что вы буквально сделали из него нового человека. Что ему теперь абсолютно безразличны козни и интриги коллег и начальников. Правда, я не очень понял, о чём он... Миша работает ночным **сторожем** на стройке. Какие там могут быть козни...

А вот Анжелика как раз поняла. Она неплохо помнила этого пациента. Молодой вампир Михельс, в быту для конспирации звавшийся Мишей Ивановым, имел возраст ни много ни мало сто двадцать шесть лет. И все эти годы страшно терзался невозможностью занять достойное место в тайной вампирской иерархии. Да, действительно, хитросплетениям, уловкам, подставам и тщательно разработанным планам вампир-карьериста мог бы позавидовать и сам кардинал Ришелье. А вот Миша, происходивший волею случая из простой рабочекрестьянской семьи, обладал наивным мышлением и полным отсутствием дальновидности. Потому и занимал в неписаной табели о рангах одну из последних строчек. Чем глубоко и неизлечимо терзался до благословенной встречи с Анжеликой, которая смогла убедить несчастного, что с точки зрения общемирового абсолюта все эти чины и награды не стоят ломаного гроша. Иными словами «В жизни всегда есть место пофигу!»

Что ж, раз пришли, давайте разбираться. — Она решила отбросить на время воспоминания и сосредоточиться целиком на проблеме клиента. — Кто вы, скажите, пожалуйста? На вампира непохожи и вроде не просвечиваете, значит, не привидение, для инкуба... внешних данных не хватает. Уши не острые. Значит, не оборотень... Может, демон?

— Упаси бог! — Несчастный здорово перепугался. — Человек я! Нафан Пётр Борисович, бывший преподаватель математики. Вот уж три года как на пенсии. Да, милая моя, давайте я уж по порядку изложу свою проблему, а там и вы решите, что делать. Подскажите, так сказать.

— Да-да, конечно! заторопилась Анжелика, даже не представляя себе, что за проблема может быть у такого скромного и милого старичка.

— Вот, понимаете ли, хорошо всё было, сидел я как-то дома. Чай пил. Хорошо!

— Это когда?

— Да уж началось, почитай, несколько дней тому назад. Да слушайте, слушайте! Значит, сижу... и тут — в глазах как потемнеет! А я давлением сроду не маялся, ну думаю, что за напасть такая, а как в себя пришёл — так тут и самостоятельно чуть не помер.

— А что такое?

— Да перенёсся я непонятно каким образом из комнатки своей в самую что ни на есть настоящую кабину машиниста. В метро, значит. Ой, думаю, что творится! Дёрнулся туда-сюда, самого-то машиниста нету, я в вагоны, к пассажирам, мол, помогите, кто может! А там странные такие сидят. Я им — где я? Кто вы? А они — давай вези, опаздываем! И на крик, на скандал. Чуть ли не силком затащили меня обратно в кабину. А я ещё присмотрелся — а они все какие-то не такие... даже и объяснить не могу, в чём дело, но вроде как всё на месте. Руки-ноги... голова, а вот на людей — непохожи.

— Да, очень необычная история...

Общество нелюдей — любителей метро? Но при чём здесь безобидный пенсионер?

— И не говорите! А я уж и не знаю, что делать, понял — надо везти, уж хочу я этого или нет, умею или нет... пригляделся, как там управлять, да и разобрался кое-как, светлой головой с детства отличался. В общем — поехали. Я уж думал, хоть на станцию на какую-нибудь приедем, там уж и найдутся... люди нормальные, помогут. А мы всё едем и едем, едем и едем. В вагонах тоже устали, видать, тихо сидеть. Слышу — запели что-то, смеются. Ну да ладно, что с них, со странных таких, взять. В общем, так и ехали, с час где-то, а потом опять — темень в глазах, шум в ушах, и на тебе, опять я дома. Как будто и не было ничего.

— И это всё?

— Если бы! Я сначала подумал — галлюцинация такая, маразм начинается или ещё что. Испугался, хотел к врачу пойти, да как-то закрутился, замотался и не пошёл. День прошёл и — опять. То же.

— Н-да... и чем всё в итоге закончилось?

— Да вот и не знаю. Четыре дня прошло, ровно в один и тот же час, в одно и то же время — вот такие чудеса. Люди в вагонах всё время разные, но всё такие же непонятные, и странные, и без тени. Куда едем — тоже не представляю себе, так ни разу ни одной станции и не видел. Только вот... я там всё дольше. В первый раз — около часа так катался, потом — уже полтора часа, а сегодня и вовсе два часа пятнадцать минут. Специально успел засечь. Хорошо хоть дел важных не было. Но что будет дальше? А к врачу я всё-таки сходил. Да только не особо он помог. Посмотрел так странно, успокоительное прописал и на приём к своему коллеге психиатру отправил. А я не сошёл с ума! Хотя после моего рассказа такое утверждение, должно быть, звучит странно.

— Странное это событие... — задумчиво сказала Анжелика.

— Именно так! — горячо согласился несчастный. — И, притаюсь, я со страхом жду завтрашнего дня. И я очень-очень боюсь не вернуться. Так и ое. агьей навеки в том ужасном поезде.

Анжелика в задумчивости обхватила голову руками.

— Что же мне с вами делать? Я психолог, может, и с не совсем обычной клиентурой, но всё же... Давайте хоть тесты с вами пройдем, у меня есть. Вот: не страдаете ли вы необъяснимыми депрессиями, к какому психотипу личности вы относитесь, сильно ли у вас выражена связь эго с альтер эго. А вот смотрите, какой интересный: человечка нарисуете, и я вам всё расскажу про ваш характер, сами удивитесь! Может... поможет?

— Да нет. Я, пожалуй, воздержусь, — горестно вздохнул Пётр Борисович. — Спасибо, конечно, за участие, но, кажется мне, альтер эго да человечки на бумаге — это не совсем то, что мне сейчас нужно. Ничем вы, милая девушка, мне помочь не сможете. Ну что ж, я вам всё рассказал, и мне уже легче. Пойду я, даст Бог, ещё свидимся.

— Постойте! Оставьте мне всё же свои координаты, адрес там, телефон... Не могу же я так просто сидеть и ничего не делать! Я приду завтра, и мы вместе посмотрим, что с вами происходит.

— Вот уж спасибо! — просиял он. — Хоть какая, а поддержка. А вдруг и надумаем вместе чего! Ну, засим разрешите откланяться! — И он, по-старомодному вежливо приподняв шляпу, покинул кабинет.

* * *

— И что ты обо всём этом думаешь?

А что может думать одинокая и уставшая девушка в три часа ночи, в крошечной тьме разбуженная в собственной квартире внезапным вопросом над ухом?

— Вы что здесь, все с ума посходили? Не работаю я! Приёмные часы — с девяти до пяти! А вы... Вы?!

— Давно не виделись! — Азazelло элегантно расположилась в стареньком бабушкином кресле, интригующе сияя неземным голубоватым светом.

— По поводу чего такая иллюминация? — недовольно буркнула Анжелика. Обычно она слегка побаивалась свою непостижимую начальницу, но, ещё не отойдя от сна, отличалась редкой сварливостью.

— А так, в честь хорошего настроения! — Витольда Харитоновна небрежно махнула рукой, рассыпая по комнате ворох голубых искр. — Так я повторю свой вопрос: что ты обо всём этом думаешь?

— О старичке с необычной проблемой? Понятия не имею! И так же не имею понятия, как мне ему помочь.

— А ты и не обязана! — искренне изумилась интриганка. — Ты же психолог для кого?

Психолог для нечисти, для моих подчинённых. И, надо сказать, подписывала договор и уже довольно давно официально работаешь на нас. А уж разбираться в проблемах обычного человека... Оно тебе надо? Учти, за этого клиента гонорар можешь и не ждать.

— Как вы можете так говорить?! — Анжелика в гневе была страшна. Впрочем... как и в любом другом состоянии. — Он же нуждается в помощи!

— И что? — совершенно невинно поинтересовалась Азазелло. Потом её голос неожиданно смягчился. — Прости, дорогая моя, ты, по-моему, забыла, кем я являюсь. Я думаю, не стоит упрекать нечистую силу в отсутствии милосердия и сострадания. А ты... делай что хочешь. В конце концов, это твоя работа и твоя жизнь. Только... опять же повторяю, за это дело я тебе не заплачу.

— Дак я... Я же и не против...

— Ну вот и о чём тогда разговор? — удивилась Азазелло. — Так и договорились. Ах да! Я в общем-то не для этого явилась с тобой поговорить. Пора тебе немножко поднять твой социальный статус. Ты же у нас сколько работаешь, а собственного угла так и нет. Вот я и решила это исправить. С этого дня. А точнее, — она взглянула на часы, — с этой ночи у тебя есть собственный офис. Ты уж сама придумай, как будешь называться. Вывеску сделаем. Красота! И еще даю тебе сотрудника. Можешь использовать его как мальчика на побегушках. Да и вообще как захочешь. Попутно обучишь чему-нибудь... А то... мы, если честно, сами не знаем, куда его девать. Разберёшься.

— А как же... школа? — ошарашенно выдохнула Анжелика. — Я же не смогу совмещать две работы... Я и так сейчас,, с трудом...

— А нужна тебе эта школа? — поинтересовалась Азазелло. — Мизерная зарплата, никакого карьерного роста, вредные дети и хамоватые родители... Разве это достойное приложение твоих незаурядных талантов?

— Но... — Анжелике трудно было признаться в кощунственной мысли, что и сейчас распутывание психологических проблем разнообразной нечисти было ей... гораздо интереснее, чем практически бесцельное сидение в школьном кабинете в тщетном ожидании конца рабочего дня. — Но... стаж... трудовая книжка...

— О лукавый! Какие проблемы?! — уже начала раздражаться начальница. — Ты мыслишь совсем как пенсионерка советской закалки. Трудовая? Да вот тебе сколько угодно! — В её руках появился веер из разноцветных трудовых книжек. — Стаж? Да давай хоть сейчас тебе запишем стаж. Сколько хочешь? Лет пятьдесят?

— Мне двадцать... — Уже почти сдаваясь, Анжелика не знала, что и думать.

— В общем, думай, — резюмировала Азазелло. — Только учти, такой шанс выпадает не так уж и часто.

И она самым наглым образом исчезла, оставив после себя только тонкий запах французских духов.

— Ну ничего себе ириска... — протянула Анжелика и пошла ставить чай, ибо сон улетучился, словно и не бывало.

Хлоп! На стол из ниоткуда упала гербовая бумага.

«Адрес твоей конторы — улица Молодых Коммунистов, 66, не опаздывай. Рабочий день начинается в 8, ключ вот! (На столе тут же материализовался старинный бронзовый ключ.) С сотрудником ты уже знакома. Сработаетесь.

P.S. Спокойной ночи».

— Час от часу не легче! — угрюмо вздохнула Анжелика и, выпив снотворного, всё-таки попробовала заснуть...

До подъёма оставалось три часа, но сон не шёл. Так, бесцельно проворочавшись и ни к чему не придя, мудрый психолог решила пока не торопить события. А позвонить в школу, сказать, что заболела, и несколько деньков попробовать-таки себя на новом поприще — полноправной владелицы частного психологического кабинета... для нечисти...

— Добро пожаловать, сто лет не виделись! — Сие радушное пожелание было озвучено тоном глубокого сарказма и исходило от весьма знакомого субъекта, что сидел, демонстративно поместив ноги на стол, как в американских боевиках.

— Ну ёлки-палки! Это ты помощник, значит, да?

С самого утра, меланхолично чистя зубы, трясясь на ухабах в старенькой маршрутке, отпирая незнакомым ещё ключом обшарпанную дверь по указанному адресу, Анжелика терзалась одной запоздалой мыслью: Витольда Харитоновна сказала, у неё будет помощник. Кто?

— Умберто Корсиканский! — На этот раз, в отличие от их предыдущей встречи, знакомый инкуб был одет. Хотя на взгляд и манеру держаться, словно столичный стриптизёр с мировым именем, это не повлияло.

— О боже мой! Только этого мне не хватало!

Хотя он, сам того не желая, и послужил началом необычной карьеры Анжелики, когда по ошибке вломился среди ночи в её дом. Тогда она была не очень-то рада его видеть. Ещё в тот раз он показался нескрываяемо наглым, самоуверенным и недалёким типом, свято уверенным в собственной неотразимости. Ничего не изменилось!

Ну почему именно ты?!

А вот такие ног превратности судьбы! — гордо провозгласил Умберто. — Считаю, что это повышение. За удачную работу. Я карьерно расту! Вот так!

— Ага! — фыркнула Анжелика. — Повысили, говоришь? Как бы не так! Ну давай расскажи специалисту о своих проблемах. Он поймёт и посочувствует.

Умберто ноги со стола снял, глазки его забегали, на лице появилась плохо скрываемая неуверенность.

— Да ты что, не веришь мне? — попытался картинно возмутиться он, но тут же как-то сник и махнул безнадежно рукой. — А, кого я обманываю! Уволили меня, довольна? Я профессиональный инкуб в четвертом поколении, дедушка умер бы от горя, если бы он десятью годами раньше не умер от производственной травмы. Я — позор семьи!

— А за что? — У бывшего инкуба был столь несчастный вид, что Анжелике даже как-то стало его жалко, несмотря на стойкую антипатию.

— Не удовлетворял стандартам ГОСТА! — отрезал тот, и стало ясно, что долгих разговоров о своей несчастной судьбе с перечислением личных обид и оглашением списка виноватых не будет.

Ну и чёрт с ним. Анжелика оставила выяснение деталей биографии нежданного и не очень желанного помощника на потом. Тем более что в дверь робко постучали. На пороге маялся застенчивого вида оборотень, как позднее оказалось, с сильнейшим комплексом неполноценности. А после клиент пошёл косяком. И лишь к обеду Анжелике с огромными усилиями удалось выкроить перерыв и отправиться наконец-то, как и обещала, к несчастному учителю. Умберто возжелал присоединиться.

— Ну и корыто! — презрительно скривился он при виде вполне милой и симпатичной машинки, которую Анжелика получила от Витольды Харитоновны в награду за одно небольшое дело.

— Опять?!

— Ладно! Молчу-молчу... Но — «Лада Калина»!.. Ещё бы «запорожец»...

— А никого и не заставляю. Можешь идти пешком. Взаимная перебранка не утихала вплоть до самого

дома учителя. Анжелика с ужасом думала, как же сложится в дальнейшем её работа с этим, с позволения сказать, напарником...

— Иду-иду! — В ответ на звонок дверь гостеприимно распахнулась, и на пороге предстал собственной персоной Пётр Борисович, в парадном костюме и тщательно причесанный. По квартире полз мерзкий запах валерьянки, — Вот, готовлюсь... — Он был на грани паники, но старался мужественно скрывать свое состояние. — По моим подсчётам,

через полчаса... начнётся. Может, чаю пока? А вы, молодой человек, тоже психолог?

— Ну вроде того... — Умберто заметно нервничал, к величайшему удивлению Анжелики. Весь гонор сполз с него, как пятно со скатерти под действием «Ариеля».

— Что это ты так засмутился? — тихо поинтересовалась она, пока радушный хозяин заваривал чай.

— А ты как думаешь? — прошипел он. — Я же с людьми почти не общался. Только с дамочками под покровом ночи. А там... в общем, там не до разговоров.

— Да у тебя комплекс! Обалдеть!

— Кому чаю, кому кофе? Конфеты есть, с Нового года остались, и печенья нем ного, прошу! — Руки у Петра Борисовича заметно дрожали.

— Вы боитесь? — участливо спросила Анжелика, впрочем, и без вопросов всё было ясно. — Ничего, не переживайте, мы же здесь, вы не один. Мы обязательно что-нибудь придумаем.

— Да! — веско подтвердил Умберто.

— Спасибо вам! — почти растрогался хозяин и в порыве чувств снёс со стола вазочку с конфетами.

Ползая по полу, они собирали разлетевшиеся сласти, когда зазвучала старинная классическая мелодия.

— Пора! — остановившимся голосом произнес Пётр Борисович, глядя на сотовый. — Я будильник установил на всякий случай, чтоб готовым быть. А то...

— Он исчезает!

— Держи его!

— Зачем?!

— Упустим ведь!

— Я держу. Кажется!

— Я тоже!!!

— Не дёргайте меня! Всё уже!

— Где всё?! А и правда... Где всё?!

— Всё. Приехали, можешь отпускать!

— Куда?

— Не знаю!

А вокруг действительно всё изменилось. Исчез накрытый к чаю стол, исчезла небольшая, уютная квартира. И лишь Пётр Борисович горестно вздыхал, устраиваясь в кресле машиниста.

— Поехали! А то пассажиры начнут возмущаться, не дай бог! Вот так оно всё и происходит... Вы пока можете походить тут, осмотритесь. Может, и поймёте чего. Лично я попытки понять отбросил уже давно и окончательно.

Поезд тронулся. Обычный поезд, вокруг — обычная подземка. Метро то есть. Станций нету ни одной. Вагоны просто несутся сквозь толщу земли, как кажется, без всякой цели и направления.

— Я пойду к пассажирам! — решила Анжелика, слегка отойдя от столь необычного и неожиданного перемещения.

— Я тоже! — Умберто явно стеснялся остаться наедине с человеком.

В первом же вагоне сидели пассажиры. Самые обычные на первый взгляд. Старушка, двое сумрачного вида мужчин, компания молодёжи, дама в норковой шубе...

— Странные они какие-то... — шёпотом доложил Умберто.

— Сама вижу. Кто же они такие? Пойду поговорю. Здравствуйте! — Бабушка показала Анжелике самой безобидной и готовой к общению.

— И тебе того же, коль не шутишь! — было произнесено равнодушным голосом. Она даже не повернула головы, так и глядя в тёмное окно.

— А... вы куда едете?

— А то сама не знаешь. — Ни удивления, ни возмущения, никаких интонаций. — Куда

надо, туда все и едем.

— Долго ехать-то?

— Не дольше времени.

— А вас звать-то как?

— А нету здесь имён. Ни имён, ни рангов, ни различий.

— По-моему, мы с ней ничего не добьёмся, — подытожил бывший инкуб и, оглядев со всех сторон дорожно одетую пассажирку, решил: — Давай-ка я с той дамочкой побеседую, всё-таки как-то мне это привычней, обаяю, так сказать.

— Что, прямо здесь?

— Да, блин!.. Обаяю — не значит... то, что ты подумала. Вот люди! Развращённые создания!

— Кто бы говорил! — И, не желая наблюдать профессиональное мастерство Умберто, даже непонятно с чего слегка обидевшегося, Анжелика гордо прошла в другой вагон.

И в нём, и в двух последующих от молчаливых пассажиров ей так ничего и не удалось добиться. Даже дети, с которыми она вроде всегда находила контакт, поражали своим подавленным видом и углублённостью в себя и разговаривать категорически отказывались. Последней каплей стал дедуля с повадками отставного прапорщика и значком ЛДПР на потёртой тельняшке. Что сказал он, невинная девушка предпочла тут же забыть, а если перевести всю его тираду на нормативный русский, суть сводилась примерно к следующему: страну разворовали, кругом ворьё и хамы, пенсию не платят, тоже воруют и хамят, хамят и воруют, и соседи все хамы и, скорее всего, тоже воры... а уж милиция... а поезд... А при чём здесь поезд? Куда едем? Да куда мы можем ехать, если страну разворовали и кругом...

В общем, не сложился разговор. Размышляя, в догадках, вернулась Анжелика в уютную кабину, где всё как же исполнял обязанности машиниста подавленный пенсионер и сидел донельзя опечаленный инкуб.

— А ничего! — отрезал он в ответ на недоумевающий взгляд. — Ни-ка-кой реакции, смотрела как на пустое место, демонстративно игнорировала и отворачивалась в угол. Это позор. Вот уж ТАКОГО в моей карьере ни разу не было...

— У меня тоже ничего! — призналась Анжелика. — И, вот странное совпадение, в моей карьере психолога такое тоже в первый раз. Я даже не смогла узнать, куда мы едем.

— Ох, грехи наши тяжкие! — вздохнул мимоходом Пётр Борисович, деликатно прислушивавшийся к разговору. — Вот и я так и не знаю, куда веду этот поезд.

— Постойте! А это что такое?

В унылой темноте туннеля пронеслась со скоростью звука размытая светящаяся надпись.

— Стоп! Кому сказал! Задний ход! — Пенсионер в ярости рванул рычаг, и поезд пополз обратно.

Тихо-тихо поезд подошёл вплотную к загадке, и стало возможным прочитать, что же написано корявыми, красного жизнерадостного цвета буквами на серой стене.

— И что это значит? Ничего не понимаю... — протянула Анжелика, близоруко вглядываясь в надпись, — СЛАВА...

— ...СЛАВЕ, — закончил Пётр Борисович. — СЛАВА СЛАВЕ! Вот такой лозунг.

— Полный абсурд.

— Да, но знаете что? Мне кажется, я где-то уже видел такую надпись. Очень-очень давно.

— Может, это шифр? — высказал бредовую мысль Умберто.

— Ага. Неразгаданные тайны Третьего рейха, сокровища древних пирамид, НЛО и снежный человек в придачу...

— А я не удивлюсь, дорогие мои, — обречённо вздохнул машинист поневоле. — У меня вообще стойкое ощущение, что я, как Алиса в стране чудес, попал в какую-то психоделическую сказку.

— Вот только скучная она какая-то, — высказал лично своё мнение Умберто,

рассеянно глядя в окно на крошечную тьму туннеля. — Вот я не понимаю... и что теперь? Куда мы едем?

— А сколько времени, дорогие мои? — вдруг поинтересовался Пётр Борисович. — Я к чему клоню: по-моему, мы уже достаточно давно здесь катаемся. Должны, наверное, скоро вернуться.

— Ой, дай-то бог! А то не хотелось бы мне свою молодую жизнь тратить на бесцельное перемещение по вагонам. Хорошо ещё, что есть пока не хочется и пить...

— А это здесь всегда так, — небрежно махнул рукой уже знающий заместитель машиниста. — Я... сколько уже... пять раз так ездил. И ничего, ни есть, ни пить, ни... ничего другого не хотелось.

— Скучно тут, — расстроился деятельный инкуб. — Давайте... давайте хоть анекдоты потравим.

— Только не пошлые!

— А я других не знаю!

— Я знаю! Приходит, значит, еврей в синагогу...

* * *

— А Василий Иваныч ему и говорит: «Давай Петька... Возвращаемся!»

— Не смешно что-то. Ой, Пётр Борисович, а почему я вас так плохо вижу?

— А почему вокруг всё плывет?! А-а-а, я понял! Мы возвращаемся!

— Ура-а-а!

И впрямь: стремительно несущийся сквозь тьму поезд медленно, по неуклонно сменялся уже знакомыми декорациями пенсионерской кухни. Затихал шум колёс, пока наконец-то не превратился в уютное тиканье старинных часов на стенке. Неожидающее приключение закончилось так же внезапно и без объяснений, как и начиналось.

— Ну блин! — Умберто радостно оглядывался. — А я уж думал, не вернёмся!

— Может, чайку кому? — Пётр Борисович как ни в чём не бывало суетился у плиты. — Так сказать, чтоб нервы успокоить.

— А чего покрепче нет у вас? — Теоретически непьющая Анжелика сама себе удивлялась,

— Не советую, милая моя, давайте вот я вам лучше с мятой, зелёного налью. Вку-у-у-усный, мне сын из Израиля привёз. Вы ведь мне поможете, да?

— По крайней мере постараемся! — твёрдо пообещала Анжелика. — А скажите, нет ли у вас какого-нибудь знакомого Вячеслава... или Владислава... или Станислава...

— А зачем?.. — изумился было Пётр Борисович, но, надо признать, сообразил быстро, и глаза его изумлённо округлились.

— Вот именно. «Слава Славе!» — тактам было написано. Это не существительное, это имя.

— Слава... Слава... — забормотал, вспоминая, пенсионер. — Вот и не припомню ведь... Хотя... Есть один — сантехник наш из ЖЭКа, но я с ним никогда не конфликтовал... да и старенький он уже. Пьёт... Нет, я думаю, он здесь ни при чём...

— И всё же... Надо вспомнить... — сосредоточенно сказала Анжелика. За свою жизнь она прочитала не так уж много детективов, но почему-то была твёрдо уверена в одном: Пётр Борисович должен быть знаком с загадочным Славой. Вероятность того, что пенсионер является случайной жертвой необъяснимого и тайного злодея, просто не приходила ей в голову. — Давайте сделаем так, — решительно сказала Анжелика. — Вот ты!

— Я? — Умберто несказанно удивился.

— Да, ты! Отправляешься в офис, сидишь на телефоне и консультируешь всех пришедших.

— Но... я не умею...

— А делать нечего. На ходу научишься. Вот... — Она порылась в сумке и достала кучу

брошюрок. — Тут всё доступно и кратко изложено. Это азы, так сказать. Основы психологии. Штудируй и приступай.

— Ну... ладно... — Умберто направился в прихожую, раздражённо бурча под нос что-то о ненормальном начальстве.

Надо признать, Анжелика и сама побаивалась столь смелого эксперимента. Не рановато ли отдавать клиентуру в руки вот такого, с позволения сказать, специалиста? Но выхода не было, и, решив про себя, что инкуб уж всяко поднаторел в общении с истеричными и себялюбивыми дамами, а значит, и с остальным более-менее справится, самонадеянная девушка выбросила на время эту проблему из головы.

— А мы, милая моя, чем займёмся? — осведомился

Пётр Борисович, вздрогнув от звука захлопнувшейся двери.

— А мы, так сказать, погрузимся в глубины памяти.

— Это каким же образом? Гипнотизировать будете? — Пенсионер был любопытен как дитя.

— Нет, пока обойдёмся более простыми средствами. Несите фотоальбомы. Все!

Через долгие два часа Анжелика уже была готова признать, что ошиблась. Ни один из родственников, знакомых, сослуживцев и коллег Петра Борисовича Славой не звался. То есть нет, конечно. Был Слава Пе-репёлкин, девяноста восьми лет от роду, троюродный брат тёти по материнской линии. На данный момент нот уж двадцать лет проживающий в Израиле. Или вот — Славочка Синицын, правнук бывшей коллеги. Милый мальчик двух с половиной лет.

Пошли фотографии школьные. То есть бывших учеников Негра Борисовича. Юные лица смотрели с частично чёрно-белых ещё снимков. Старый преподаватель вспоминал всех, и, надо сказать, Слав уж там-то выло немало, но... ни один из них не вызывал подозрений. Окончив школу, все они растворились в буйном житейском море и лишь иногда виделись с бывшим дорогим учителем на встрече выпускников.

И вот...

— А это мой предпоследний выпуск. — Старый преподаватель любовно продемонстрировал яркую гляцевую фотографию.

Уже забыв, для чего и зачем они третий час перебирают дорогие сердцу снимки, он просто искренне наслаждался самим процессом. И то правда, нечасто встретишь понимающего собеседника, готового с интересом обсуждать дела давно минувших дней и памятные жизненные события, запечатлённые на снимках.

— Вот Леночка, врачом теперь стала. Вот Коля, он инженер, хулиган такой был, прости господи! А теперь

вот ничего, выучился, работает. Вот Алина Семенова, староста. А тут...

— Что с вами, Пётр Борисович?!!

Пенсионера словно хватил удар. Не имея возможности вымолвить хоть слово, он только беспомощно ловил ртом воздух, и его дрожащий палец указывал на ничем не примечательного мальчика с чёлочкой в третьем ряду.

— Я вспомнил, вспомнил!!! — задыхаясь, произнёс он, едва придя в себя и выпив залпом полстакана воды. — Вот он, Слава! Слава Шапочкин! Странный мальчик, тихий. Себе на уме. Но столько с ним преподаватели намучились! И ещё он всё время на партах рисовал... И писал... Это он придумал такой лозунг — «Слава Славе!». Неудивительно, что он мне был знаком. Мы же однажды всем педколлективом подоконники оттирали от него.

— Значит, он... — растерянно произнесла Анжелика, глядя на фотографию. — Так всё просто...

— Да как же просто?! — измученно ответил старик. — Слава... каким образом он может быть связан с этим поездом?

— Понятия не имею, — честно ответила Анжелика. — Но можно же попробовать это выяснить. Где он живёт?

— Дорогая моя, откуда же я знаю? — покачал головой Пётр Борисович. — Вы же

понимаете, сколько у меня за всю мою жизнь было учеников! Помнить адрес каждого — непосильная задача, смею вас заверить. Хотя... — Он задумался, глядя на фотографию. — Вот Ирина Цветочкина, она племянница завуча. Ателефон Марины Борисовны я знаю. Попробуем?

«Язык до Киева доведёт!» — думала Анжелика спустя двадцать минут. Марина Борисовна дала телефон племянницы, та — телефон старосты, а уж бывший староста класса отличался редкой общительностью, и у него остались координаты практически всех, с кем он учился. В том числе и Славы Шапочкина.

— Ещё не поздно, — решила Анжелика, взглянув на часы. — Я поеду к нему сама.

— Что же вы, милая моя! — всполошился пенсионер. — А вдруг... это будет опасно?!

— Да не переживайте вы! — рассмеялась девушка. — У нас же не кино про маньяков!

Так она самонадеянно и думала. Пока не вышла из машины где-то почти на окраине города. Уже темнело, редкие фонари бросали тусклый рассеянный свет. На улице — ни души. Подъезд нужного дома — обшарпанный, с неработающим лифтом и нецензурными надписями по стенам. И вот — та самая дверь. Кто ждёт за ней?

— Кто? — настороженно послышалось в ответ на пронзительный звонок.

«Что ж, будем импровизировать», — подумала Анжелика.

— Газета «Жизнь молодёжи», репортёр Макарова. Можно с вами поговорить?

— Со мной? — недоверчиво уточнил голос. — Ну... хорошо.

Дверь открылась, и на пороге возник робко улыбающийся молодой человек потрёпанного вида. Но абсолютно мирный на первый взгляд.

— Вы Вячеслав Шапочкин?

— Да, я. Но чем я могу вам?.. — И тут он, присмотревшись к поздней гостье, окинув взором нескладную фигуру, далёкое от идеалов красоты лицо и очки с толстенными стёклами, впал в труднообъяснимый для непосвящённого человека восхищённый ступор. На него подействовал всё тот же дар, что доставлял Анжелике весьма много хлопот. Но в этот раз дар был на пользу.

— Проходите... сюда-сюда... Как вас зовут?

— Анжелика, — вздохнула девушка. Оглядывая небольшую комнатку, уставленную холстами и подрамниками, попутно, как всегда, наблюдая бурное и незаслуженное восхищение своей персоной, она чувствовала себя обманщицей.

— Прекрасное имя! — в восторге и упоении воскликнул художник. — А давайте... давайте я нарисую ваш портрет?! Вот прямо сейчас и нарисую!

— Попозже! — строго отрезала Анжелика. — А пока мне бы хотелось задать вам пару вопросов.

— Всё что угодно! — вскричал он с неописуемым счастьем на лице.

— Вы... давно рисуете?

— Да всю жизнь! Сколько себя помню. Я ничего другого и не умею.

— И в школе тоже рисовали?

— Ну конечно! Меня ещё ругали постоянно... — Слава Шапочкин смущённо потупился.

— А вот скажите, пожалуйста... — Анжелика решила, что подозреваемый одурманен её чарами достаточно и можно, так сказать, приступать к главной части допроса. — Вы помните такого Петра Борисовича На-фана?

— Ну разумеется! — мгновенно подтвердил он. — Это мой бывший учитель математики. И... странно, что вы спросили... Впрочем, такая красивая девушка... и умная... Это прекрасно!

— А почему — странно?

— Понимаете, — принялся с удовольствием объяснять художник, — 1 я серию задумал... Картины такие... вроде как символизируют внутренний мир людей различных профессий... Такого ещё никто не делал! Ну вот... стал думать, думать и почему-то вспомнил, как в школе задачки решал... Вернее, пытался решить... Мне потом две недели

снился этот...

— Поезд А?!

— Ну да, просто удивительно, как вы догадались! Может, вы экстрасенс? Да, поезд А, поезд В, и как они всё едут, едут, а потом где-то встречаются или, наоборот, не встречаются... В общем, все эти задачи...

— И вы решили начать свою серию работ с внутреннего мира Петра Борисовича?

— Да нет, не совсем... То есть вы всё правильно сказали. Но я имел в виду не конкретную личность, а, так сказать, всех, всех учителей, квинтэссенция души, тайны подсознания, загадки внутреннего мира...

— Достаточно. Я поняла.

На самом деле Анжелика ничего не понимала. Слава Шапочкин с таким удовольствием и подробно рассказывал о своём замысле, что становилось ясно: он действительно не имел в виду ничего плохого и задумывал всего лишь серию необычных картин. Уж бес их знает, хороших или нет. Но... поезд каким-то образом существовал. Пусть и в не совсем реальном мире...

— А вы... можете мне показать эту картину?

— Ну... вообще-то я незаконченные полотна никому не показываю... Но ради вас... — И он торжественно развернул стоивший лицом к стене самый большой холст.

— Да-а-а... — протянула Анжелика после пары минут ступора.

— Вам нравится?! — просим автор.

Сложно даже сказать, могла ли нравиться такая картина. Но что она потрясала — это безусловно. Из тёмного туннеля, словно призрак, возникал мерцающий огнями стремительный поезд. Чуть выше лобового стекла красовалась гордая надпись — «Поезд А». В ярко освещенных вагонах можно было уловить смутные размытые фигуры. Анжелика узнала неразговорчивую бабушку... воинствующего демократа... И... кажется, себя саму — знакомый сутулый силуэт и отблеск от очков...

А в кабине машиниста, выписанный с особой тщательностью, восседал, как уже нетрудно догадаться, Пётр Борисович Нафан. Скорее всего, по задумке художника, он должен был смеяться в упоении, но на лице его явственно проглядывал трудно скрываемый страх.

— Не знаю, почему так, — пояснил Слава. — Я лицо три раза переписывал. Всё впустую...

— А это что? — Анжелика близоруко сощурилась, пытаясь разглядеть смутную надпись на освещенном участке стены. Впрочем, она уже и так знала, что там написано. — «Слава Славе»...

— Да... — смутился Шапочкин. — Ну просилось что-то на эту стену... Цветовой акцент какой-то... Вот я и вспомнил, как в детстве все парты этим лозунгом изрисовал...

«Картина ещё не закончена, — подумала Анжелика. — Что же будет, когда он её допишет? А не исчезнет ли несчастный Пётр Борисович из реального мира насовсем?»

— И... часто вы такие картины пишете? Внутренний мир, тайны души и всё такое?

— Ой, да! — подтвердил тот. — Я уж давно такой стиль придумал. И родных, и друзей почти всех писал. Правда, показать нечего. Раздарил всё им же...

— И... как они?

— В смысле?

— Ну живы-здоровы?

— Конечно! — Художник искренне недоумевал. — А что с ними могло случиться?

«Странно вдвойне и даже втройне, — опять задумалась Анжелика. — Почему только с этой картиной такая история?»

— Скажите. а чем именно эта картина отличается от остальных? Может, вы какие-то новые техники применяли? Писали в медитативном трансе, например... Или использовали в картине тщательно замаскированную оккультную символику... или ещё что?

— Ага, заметили!

Художник столь явно и неподдельно обрадовался, что в душу Анжелики невольно закралось коварное чувство лёгкой паники. А вдруг он — тайный сатанист? Или маньяк? Или ещё что похуже?!

— Краска. Всё дело в этой краске. Смотрите, как сияют рефлексy и как тонко прописаны участки светотени! Видите?! Вот здесь!

— Вижу, — осторожно согласилась она, глядя на абсолютно ничем не примечательное пятнышко примерно в центре картины. — Так вы, значит, пишете какими-то особыми красками?

— Всего одной. Белила. Остальные цвета у меня самые обыкновенные. А вот эта!..

Анжелика пригляделась. В самом деле, среди разбросанных по столу разноцветных, но абсолютно однотипных по форме и фирменной марке тюбиков птицей об-ломинго в стае ворон блестел необычный и удивительно изящный тюбик. С загадочной надписью на тарабарском языке.

— Контрабанда, наверное! — объяснил Вячеслав. — Надпись до сих пор разобрать не могу. Я бы и не купил, да в наш магазин художественный, как назло, краски вовремя не завезли. А у меня как раз белила и кончились. Иду и гляжу — какой сюрприз, сидит бабушка старый прямо на асфальте и продает всякую всячину. Пенсии, наверное, не хватает, вот и сбывает потихоньку старьё. Я ещё этот тюбик долго в руках вертел. Брать боялся, а вдруг срок годности истёк или это вообще не масло, а темпера, например... Да цена-то копеечная. Вот и решился. И не прогадал ведь! Какая краска!!! Наверное, по составу чем-то от обычных отличается! Да ведь заграничная. Умеют там делать! Вот только жалко, что я так и не разобрал, что за фирма. А то бы заказал ещё обязательно.

— А скажите, — внезапно заинтересовалась Анжелика, — что ещё этот старик продавал, не заметили?

— Ну как же, у меня ж профессиональная память! Лампа там была. Старая, ржавая. Восточного типа. Клубок шерстяной. Непонятно, кто его мог бы купить, потом ещё цветочек какой-то алого цвета, искусственный, скорее всего, и... ну и ещё много всего...

— Поня-а-атно... — протянула профессиональный психолог.

— Что вам понятно? — удивился Шапочкин.

— Понятно, что мне теперь делать! — Анжелика попыталась жалобно и кокетливо захлопать ресницами и направила на художника один из самых страстных и любвеобильных взглядов, какой только могла изобразить. — Подарите мне эту картину!

— Но... — Художник искренне опешил. — Как же так... она же ещё не закончена... и потом... это же будет серия... как же так... я не могу...

— Ну пожа-а-алуйста!!!

«А всё-таки есть... — думала девушка по пути домой. — Есть иногда польза от моего таланта!»

Картина на заднем сиденье сиротливо постукивала о пластик дверцы, а в кармане джинсов мирно лежал тот самый злополучный тюбик белил. После того как в знак благодарности коварная дружески поцеловала в щёку творца, тот впал в блаженное состояние ступора, и спереть со стола краску смог бы и пятилетний ребёнок.

«И не кори себя! Это не кража, а вынужденная мера по спасению одного очень милого и славного пенсионера. Что касается этой краски, она наверняка волшебная... Покажу Азazelло, разберётся».

Домой, домой... Время-то уже ощутимо и неотвратимо к вечеру, есть хочется, а потом — забраться с ногами в уютное кресло и, накрывшись пушистым пледом, не торопясь попивать горячий зелёный чай.

Только вот заехать по пути в пока ещё кажущийся чужим офис и проверить, как там дела у начинающего психолога Умберто. Спаси, откачать, утешить, если что...

Утешение, однако, не понадобилось. Уж оставим на совести трудолюбивого инкуба, что он там творил в отсутствие начальства, однако, по его словам, всё обстояло как нельзя более прекрасно. Из клиентов заходила только семья таджикских домовых из соседнего

панельного дома с проблемой острой неуверенности в себе и панической боязни грузовых лифтов. Да появлялся одинокий чёрт, страдающий от физической невозможности спереть с ясного ночного неба полную луну. Как уж Умберто разбирался с этими глобальными вопросами — тайна, покрытая мраком. Но поскольку офис не разнесли и никто не скандалил у порога с воплями подать жалобную книгу, стоило признать, что день закончился вполне благополучно.

«Как же мне теперь увидеть Азазелло? — думала Анжелика в тиши и уюте родного дома. — Может, начертить пентаграмму? Зажечь чёрные свечи, которых, кстати, у меня нет, и прочесть заклинание вызова демона, которое я не знаю?»

— Ну зачем такие жертвы? — слышалось из-за спины. — Можно ведь всего лишь позвонить!

Позвонить?

Азазелло, как всегда, появилась из ниоткуда, элегантная и невозмутимая. Подслушивала, что ли?

— Ну конечно, я же оставляла тебе свою визитку со всеми координатами, что же ты...

И она продемонстрировала украшенный пентаграммами стильный кусочек картона, что сиротливо валялся на письменном столе. Анжелика готова была поклясться, что ещё пару минут назад никакой визитки в её квартире не было. Но спорить — себе дороже.

— А что я вижу! Ты занялась на досуге примитивной живописью? — Это начальница углядела картину, прислонённую к стене.

— Нет, это...

— Ого! — Загадочный тюбик с белой краской Анжелика из сумки вытащила, и он тут же привлек неослабевающее внимание Азазелло. — Знаешь, дорогуша, — сказала она, со знанием дела вчитываясь в вязь старинных букв на упаковке, — не советовала бы я тебе начинать карьеру художника таким образом. Кстати, откуда у тебя белила Париотти?

— Чьи? — Анжелика даже забыла разъяснить, что карьера художника никоим образом её не привлекает, а картина и краски принадлежат совсем другому человеку.

— Не знает историю молодёжь! — осуждающе покачала головой начальница. — Впрочем... я слишком строга к тебе. Про несчастного Париотти известно очень мало, и только специалисты, наверное, помнят сейчас его имя. Но то, что эта краска вдруг оказалась у тебя... небывалая удача. Каким образом?

Анжелика вкратце пересказала увлекательные события сегодняшнего дня. Азазелло слушала довольно спокойно. Только один раз с явным узнаванием кивнула головой. Это когда Анжелика описывала загадочного продавца редкостей.

— Петру Борисовичу теперь ничто не угрожает?

— Да, пожалуй. Краску я беру с собой, прослежу, чтобы этот магический предмет не попал опять в неумелые руки.

— А картина?

— Она не закончена, — успокоила её Азазелло. — Да и, я так думаю, дописывать её уже никто не будет. Судя по твоему рассказу... да и по известным мне свойствам этой краски, твой клиент навечно попал бы в плен сего творения, только когда оно было бы полностью закончено. Судя по всему, до этого он переносился в поезд лишь на то время, пока художник работал над картиной. Для верности можешь сжечь её... или утопить, или облить кислотой,, в общем, делай что хочешь...

— А что же это за краска всё-таки? — Успокоившись за судьбу несчастного Петра Борисовича, Анжелика воспылала любопытством.

— Слушай. Лет этак... шестьсот назад... ну или поболее... жил-был один бедный, но гордый художник по фамилии Париотти. Беден он был потому, что в силу сварливого и заносчивого нрава перессорился не только с собратьями-художниками, но и со всеми возможными заказчиками. А жаль, кстати. Ибо художником он был весьма неплохим...

А дальше — всё традиционно. Воззвал он однажды в нужное время в нужном месте к некоему известному с начала веков господину... и получил в обмен на никогда не падающую

в цене бессмертную душу вот этот самый тюбик краски. Ему бы распорядиться столь нужной вещью поумнее, но он... о люди!., решил сперва отомстить с помощью краски всем своим обидчикам. Месяц, другой творил он что-то в своей мастерской, месть вершилась, недруги пропадали один за другим. Но художник даже не продумал алиби! Говорят, что обеспокоенные загадочными исчезновениями видных городских художников и меценатов власти провели расследование, обнаружили картины, где были изображены как раз пропавшие люди... И сожгли незадачливого мстителя по обвинению в колдовстве! Правильно сделали, в общем.,

— А исчезнувшие? Их нашли?

— Конечно нет! — Азazelло аж рассмеялась.

— Какой кошмар! И как же такая страшная вещь попала в руки к обычному современному художнику? Ведь он-то никакого договора не заключал.

— На этот счёт не беспокойся! — уверенно заявила Азazelло. — Гилверин теперь раньше чем через сто лет в этом мире не появится.

— Гил... кто?

— Гилверин — бродячий торговец забытыми редкостями. И даже не спрашивай меня, где он достаёт все эти артефакты и каким образом путешествует по мирам и временам. Всё равно не отвечу.

— Не знаете? — Анжелика исполнилась удивления — оказывается, всемогущая начальница о чём-то не в курсе.

— Понятия не имею, — честно ответила Азazelло, зачем-то скрестив пальцы левой руки, — Да тебе оно и не надо, тёмная там история. Ведь мог же быть великим и непобедимым властелином... А он, вишь ты, торговцем заделался... Н-да... Гилверин Харитонович...

— Он ваш?!

— А тебе пора спать, завтра тяжёлый день, — резко перебила её Витольда Харитоновна и без предупреждения растаяла в воздухе.

«С чего это она решила, что день тяжёлым будет? — озадачилась Анжелика. — Обычные рабочие будни».

Но с начальством, как известно, не спорят. И поэтому она послушно отправилась спать в смутном предчувствии, что таинственный Гилверин Харитонович ещё попадётся на её тернистом профессиональном пути.

Христо Поштаков

Генератор счастья

Возрастом Фоли подходил к пятому десятку, и проседь в шевелюре предполагала немалый житейский опыт. Он жил в этнически пёстром городе Новаполис, выросшем в довольно уютном уголке территории Среднего Запада. Ростом Фоли был под метр восемьдесят, слегка дрябловат и не очень-то привлекательной наружности. Служил водной из ведущих к области микроэлектроники компаний, получал неплохое жалованье, а после работы любил выпить. За спиной у него остался неудачный брак, детей он не имел, а последующие отношения с представительницами нежного пола сложились опять-таки неуспешно.

И этим вечером он снова перебрал лишнего, посему выглядел более чем жалко, но взамен природа одарила его гениальной идеей. Ему вздумалось сотворить нечто великое!.. Правда, та же природа ничего конкретного про нечто ни фига не подсказала.

Фоли часто брал на дом доделывать работу, и в одной из двух комнат квартиры располагался обширный стол, заваленный экспериментальными образцами его фирмы. Интегральные схемы, магнитоплаты, оптические устройства и ещё чёрт знает что

вперемешку с нужными для дела инструментами. Часто из вороха по большей части бракованных элементов удавалось соорудить прилично функционирующие вещицы. Конечно, всё, что находилось на столе, было фактически украдено из монтажных корпусов компании — ну какой же работодатель позволит служащему таскать домой опытные модели своих изделий! Однако Фоли был ловкач и воровать у хлеб дающих считал неотъемлемой частью своей натуры, вернее — нужды чувствовать себя выше остальных. В самом деле же — требуется больше семи пядей во лбу, чтобы пройти через все контрольные прибабасы да детекторы, вынося детали, за которые конкурент отвалит щедро... а в случае поимки фирма позаботится, чтобы ему тоже навалили столько, что мало не покажется... Но Фоли пока не попадался, а интереса к продаже образцов, составляющих коммерческие и технологические секреты компании, не проявлял. Мелкие хищения он совершал по-своему бескорыстно, ради идеи, идеально оправдывающей его деяния, а именно: раз уж я вкалываю на фирму, участвую в создании всех этих штучек, значит, они — плоды моих трудов, я имею на них право! Имею право держать их дома, вот. Вместо похвальных грамот. А в чём дело? Никто ведь не пострадал — ни работодатель, ни фирменная тайна, ни я... И не пострадает.

...Каждому после четырёх джинов могут прийти гениальные идеи. И пусть они не вполне ясные, пока витают в испарениях выпитого, но зато кажутся очень толковыми, и любого на месте Фоли (ну почти любого) осеняет твёрдая уверенность в их успешной реализации. И вот сейчас из алкогольного эфира вдруг сгустилась конкретная сущность озарения, превратилась в схему действия, заставившую Фоли доковылять до стола и, всё чётче орудуя руками, заняться монтажом невероятного изобретения.

Точнее — вероятного. Он вдохновенно и всё более трезво собирал генератор случайностей. Голова ещё плыла, но пальцы работали быстро и ловко. Волоски проводников, крохотные адаптеры, металлические коробочки с мудрёной начинкой, винтики для присоединения к каркасу из пластика (нужен изолятор), а теперь вон тот дисплей, здесь жестянку приспособим, магнетики вот так чтоб крутились, нет, зачем, поле будет вращаться, магнитам стоять на месте положено, да хорошо бы экранировку, а на этот блок поле наводить ни к чему, нужно ещё чипов, ага, есть и что-то оптическое — давай, всё пригодится... Прибор неясного пока предназначения постепенно возникал из кучи хлама, нарастал, обретал форму... а после того, как Фоли снабдил его памятью и парой батареек, внезапно заработал. Изобретатель крикнул и откинулся на спинку стула. Оставалось всего ничего — понять, что сия штука делает, чёрт её побери.

Это оказалось непросто, по крайней мере на первый взгляд.

Фоли потёр руки. Творческая деятельность всегда доставляла ему удовольствие. Что и требовалось получить этим вечером. Удовлетворение. А понимание... Он решил отложить разборки на завтра. Честно говоря, он сомневался, что генератор случайностей вещь практичная и нужная кому-то, но, несмотря ни на что, она сама по себе являлась достижением.

Да и раз прибор уже появился, надо бы придумать ему применение.

Фоли тяпнул ещё сто грамм джина и собрался спать. Уносясь в забытье сладкого сна, он успел подумать: «Слишком много я выпил этим вечером, да...»

Утром он встал, маясь с похмелья, однако пара чудесных пилюль «Формула доктора Джи» собрали его голову воедино и реставрировали самочувствие всего за десять минут. Кругозор прояснился, Фоли стал соображать чётче, муть вчерашнего вечера рассосалась без следа. Когда он шёл в ванную, его взгляд упал на собранный ночью прибор. Фоли остановился как вкопанный. Память прокрутила список вчерашних действий, всплыло даже название штуковины, а также факт того, что прибор несомненно подавал признаки функционирования.

Фоли задумался. К чему лучше всего приложить своё изобретение?

Чем может быть полезен генератор случайностей?

К сожалению, времени на спокойные размышления не оставалось. Фоли поехал на работу, где не переставал ломать голову над этим вопросом, умудряясь притом заниматься

служебными обязанностями — скучными, как всегда, как вчера и позавчера, как, наверное, будет завтра и послезавтра. И даже вопреки ему удалось придумать решение где-то в середине рабочего дня.

Он тут же вошёл в Интернет со служебного компа (чем сэкономил два доллара сорок два цента за пользование Сетью), скопировал все выигрышные числа «Большой лотереи» на дискету, которую упаковал в непроницаемую для сканера на проходной фольгу и спрятал в карман пиджака. Четыре оставшихся часа рабочего дня он провёл, ёрзая от нетерпения проверить поскорее своё предположение.

Едва служебное время подошло к концу, Фоли поспешил домой и, не раздеваясь, соединил свой домашний компьютер с изобретённым прибором. Затем сунул дискету в гнездо, скачал данные в память генератора случайностей... и с любопытством стал ждать, что из этого выйдет.

Результат: прибор выдал на своём дисплее числа 2, 13, 35, 36 и 39. Недолго думая, но чуть брзжа под нос из-за необходимости тратить свои деньги за пользование Интернетом, вместо того чтобы урвать услугу у фирмы, Фоли вышел на сайт «Большой лотереи», сообщил свой банковский код и подтвердил своё участие в очередном розыгрыше. Затем, довольный, он отмерил себе стакан джина, пока только первый, окропил его тоником и чокнулся с отражением в зеркале. Он давно уже установил, что алкоголь чудесно скрадывает отсутствие женщины рядом. К тому же бутылка — не баба, скандалов не устраивает, зато...

Додумать мысль о преимуществах выпивки перед женщинами он не успел, ибо пришлось наливать второй стакан.

Три дня спустя заявленные числа выиграли в тираже потерей, и Фоли стал миллионером. Новое положение в обществе поставило перед ним ребром первый и весьма важный вопрос: продолжать таскаться на работу или же показать боссу фигу? Второй вариант нравился Фоли куда больше.

Что он и сделал. После чего целыми днями не покидал новый роскошный особняк — одинокий, как большой палец той самой фигуры, показанной бывшему начальству. Двухкомнатное убожество, где он жил долгие годы, осталось в прошлом. Фоли уже обжил дом с десятью комнатами, во дворе синел бассейн, садовый робот хозяйничал, подравнивая генетически изменённую муравушку, по которой было необыкновенно приятно ходить босиком. Киберкухня же старалась всю, ублажая хозяина китайскими, арабскими, итальянскими и бог весть ещё какими угощениями, новыми и неизвестными для Фоли. И всё бы хорошо, да избыток свободного времени заставлял заботиться, чем всё это время заполнять, а забота сия ложилась на плечи нелёгким бременем. Он чуть не стал пить джин ещё с утра, остановило его только отвращение к людям, пьющим спозаранку. Он считал их пропащими, отпетыми типами. Совсем другое дело — раздавить бутылку-другую после обеда! Это даже... изысканно... в некотором роде.

Фоли обратился к друзьям и знакомым. Однако они были заняты, по крайней мере до обеда и чуть позже. Он был обречён проводить в одиночестве около шести часов в сутки, в течение которых приходится изобретать, чем бы заняться...

Сначала головизия заполняла время до полудня, но постепенно стандартная чушь передач опостылела до смерти. Прогулки? Фоли знал в лицо (в морду, вернее) всех белок в парке, запомнил наизусть все экспонаты во всех пяти городских музеях. А по складу характера мысль о далёких экскурсиях несколько не казалась ему привлекательной. Фоли был человеком консервативных убеждений и нрава солидного — по крайней мере, он сам о себе так думал...

Однажды в сером его бытии случился прокол, сквозь который хлынул освежающий свет.

Сосед Бари обругал его и тем внёс ободряющий смысл в существование захандрившего Фоли. Оскорбление требовало удовлетворения, и он объявил наглецу войну. Серые будни отступили, монотонность сменилась лихорадочной, яркой динамикой. Началось с пустяковых гадостей, но с течением времени кампания усугубилась и приняла ожесточённый

характер. Фоли подбросил препарат для удаления засоров в унитазе в бассейн соседу, вследствие чего Бари выпрыгнул из воды весь в красочных волдырях химических ожогов. Война стала уже совсем настоящей. На следующее утро Фоли застал садового робота зверски раздолбанным, вероятно кувалдой, а ещё чуть позже трава во дворе завяла, сгнила и завоняла. Отдав должное противнику за бесшумную расправу с роботом, Фоли взялся за сгубленную муравушку. Требовалось ответить жёстко и непреклонно, но как? Измышляя ответную атаку, он вдруг вспомнил о генераторе случайностей. Прибор уже много месяцев валялся, покрываясь пылью, в одном из чуланов особняка. Фоли его даже и не сразу нашёл, а найдя, зловеще ухмыльнулся: разве нельзя устроить мерзавцу Бари йекую СЛУЧАЙНОСТЬ?

Идея показалась ужасно привлекательной. Фоли притащил прибор в кабинет, протёр тряпкой и подсоединил к компу. Сел за стол, поднял руки, словно пианист, над клавиатурой, а затем натарабанил всё, что пожелал душой пакостливому соседу, а именно:

- чтоб он захлебнулся в дермовом своём бассейне;
- чтоб он подавился жратвой и дал дуба;
- чтоб он ноги себе переломал, играя в чёртов свой гольф;
- чтоб он всё своё имущество проиграл в покер;
- чтоб он подцепил самую отвратительную венерическую болезнь;
- чтоб он сгорел вместе с домом;
- чтоб у него то самое отсохло и. чтоб жил евнухом;
- чтоб все его друзья сдохли...

Фоли тужился придумать ещё что-нибудь, но почувствовал себя удручающе истощенным по теме гадостей. Дисплей генератора случайностей мигнул, и прибор выбрал вариант «случайного» инцидента: чтоб Бари утонул в бассейне.

Всего через неделю Бари пошёл навстречу доброму пожеланию. Фоли не поскупился дать санитарам в морге на лапу, дабы узнать результаты аутопсии. Оказалось, что Бари скрючился из-за инфаркта, прыгая в бассейн, а впоследствии захлебнулся, не сумев вынырнуть. Не вполне по начертанию, но в сущности генератор выполнил поставленное задание, Фоли возликовал. Потом задумался. Очевидно, прибор генерировал (скорее — провоцировал) не только случайные события. Вдруг он испугался — а если штуковина испортится? Фоли совершенно не помнил, как он его сделал, сможет ли починить чуть что?

Пришлось смириться.

Пришлось смириться и с тем, что после кончины соседа жизнь снова стала серой и скучной. Не хватало перцу, адреналина, борьбы... Воевать с другими соседями?.. Нет, неосторожно, по крайней мере не в ближайшие пару лет. Нужно нечто другое, нечто новое, освежающее, возбуждающее, вызывающее эмоции, заполняющее время... Что бы это могло быть?

Фоли уныло посмотрел на пустую бутылку перед собой. Он выпил её вчера. Утром. И весь день затем проспал.

Бутылка напомнила ему...

Он вскочил. Именно! Вот чего ему всегда не хватало — совершенной женщины.

Фоли снова сел за компьютер, подключил к нему прибор, которому торжественно дал название «генератор счастья», и написал возможные варианты нового заказа к законам вероятностей:

- чтоб была стройной и красивой;
- лучше всего — блондинка;
- ласковая;
- чтоб меня любила;
- и детишек нарожала;
- чтоб стряпала лучше киберкухни;
- хорошо бы — умница...

Последней фразой его требования к будущей подруге жизни исчерпались. Не оставалось ничего больше, как ввести данные в прибор. Результат его ошеломил. Генератор

счастья объявил своим дисплеем безапелляционный приговор:

«Умница и всё остальное».

Выбор прибора вполне уместен, подумал, придя в себя, Фоли.

Не прошло много времени, и как-то раз один из его приятелей привёл на вечеринку стройную русоволосую женщину лет тридцати пяти, с приятным лицом и умными глазами. Представилась Верой, обнаружила способность поддерживать интеллектуальный разговор и весьма полно вписывалась в образ его вожделений. Фоли быстренько влюбился по уши и приударил за ней, ибо финансовые возможности позволяли ухаживать пышно и успешно, с лёгкостью создавая приятную обстановку и вообще... Короче, Вера скоро отплатила за его усилия нежной интимностью, а месяцем позже они поженились.

Но едва притупилась сладость первых девяти недель, как Фоли ощутил горечь первых разочарований. Супруга довольно умело и с умом поразгоняла всех его собутыльников, называемых в обиходе друзьями, объяснив, что они просто прихлебатели и халявшики, что дружат не с ним, а с его кошельком. Фоли смирился было, ведь Вера заполняла собой все его дни... однако в один прекрасный момент она решительно вылила все запасы алкоголя в раковину, не терпящим возражений тоном заявив, что здоровье и выпивка суть несовместимы. Затем принялась за ремонты, перекраивая дом по своему вкусу. Кружевные занавесочки, шторы в цветочек, кожаная мебель, кухню вообще не узнать, обои понаклеила стереоскопические... а туалета и ванной Фоли откровенно испугался. Счёт же в банке таял, таял, а ошарашенный супруг терпеливо продолжал давать добро на походы в магазины.

Как-то утром он проснулся с мыслью, что неплохо бы снова попытать счастья в лотерею. Его беспокоило смутное ощущение, что надвигается нечто неприятное, даже ужасное. Да, Вера мила и заботлива, он всё ещё мужчина о-го-го какой... но что-то не так... не так, как надо. Брак длился уже полгода, вроде бы ничего, всё в ажуре, несмотря на кружевные занавесочки и сладко-липкого вида ванную, однако... Может, генератор счастья напутал что-то? Всё чаще и чаще Фоли вздыхал о былой войне с соседом Бари. Совершенно нездоровые мысли! «Ну чего, чего тебе не хватает?» — вопрошал он себя. И не находил ясного ответа. К тому же Фоли вчера вечером выслушал длинное нравоучение от жены, что становилось традицией... Если прибор что-то напутал, это надо исправить — так ведь?

Он встал и с угрюмой физиономией отправился в чулан, где вновь собирало пыль его чудесное изобретение. А войдя и включив свет, замер.

Генератор счастья лежал на полочке. Расплющенный, словно по нему прошёлся каток.

Единственное, о чём успел подумать Фоли, было не «кто?» или «зачем?», а осознание, что «я его не починю». Он остро вспомнил, что понятия не имел, как вообще у него получился прибор.

Это уже не починить...

За спиной раздался шорох. Фоли с трудом обернулся на ласковый знакомый голос и краем глаза уловил стройную и нежную тень.

— Это я разбила твои дурацкие игрушки, милый. Хватит ерундой заниматься, ты уже взрослый мужик.

Кстати, в банке сказали, что денег на счёте уже не осталось. Ищи себе работу, дорогой. Я беременна.

Игра

Мелодичный звон информатория наполнил небольшой жилищный объём Ори и прервал лениво текущие мысли хозяина. В окне-экране, который показывал вид на лес, появилось окошко, а в нём — физиономия Хорта. Друг казался недовольным жизнью — рот кисло кривился, а морщины на лбу и сдвинутые чёрные брови выдавали напряжение. Ори принял вызов и установил ви-зиоконтакт.

— Что там стряслось? — зевнул он.

— Я вчера дошёл до десяти тысяч очков, что изрядно потрепало мне нервы. Всё же я

добрался до следующего тура!

— Дык радуйся! Есть чему.

— Есть. Но я не рад. Всю ночь кошмары снились. Гадкие твари донимали дурацкими вопросами. Я, наверное, подсознательно боюсь следующих уровней Игры... Ну а ты?

— Тайна! — надулся Ори. Он набрал двенадцать тысяч, но не желал светиться перед Хортом. Да и тайна была с двойным смыслом...

Хорт обиделся.

— У друзей секретов не бывает! — пробурчал он. — Вон Тайра и Матратам всего лишь знакомые, так признали, что выбыли.

— Ну, скажем так, я тоже продолжаю. Только тебе-то что с того?

— Как что? Обижаешь. Мне было бы приятно добраться вместе с тобой до Алгедона.

— Мне же приятнее было бы в женской компании.

— Если мы выиграем, будет такая компания — на месте найдём. Есть и умницы бабы, которые наберут нужные очки. А как только окажемся в райском местечке, так там для знакомств раздолье! — ответил чопорно Хорт.

— Ты отовариваться будешь сегодня? — сменил тему Ори. — Давай встретимся возле супермаркета. — Ладно, — как всегда, согласился Хорт. — Но больше слышать не хочу про тайны и секреты.

Ори дал отбой связи и стёр виртуальное голографи-ческое видеокошко с панорамного окна. Подумал и убрал лес, сменил его морским побережьем. В помещение хлынул шум прибоя, вопли чаек. Каморка Ори (комната, кухня-бокс да санузел — без прихожей) не имела настоящих окон, находясь на пятьдесят втором этаже жилищного концентратора, но зато он мог выбирать на го-лоокне пять тысяч различных видов на природу или пейзажи другого рода. Лес застоялся, однообразное пение почти невидимых лесных пичуг надоело.

Начинался новый день, пятница, первый выходной на неделе. Надо было чем-то заняться. Ори начал приводить себя в порядок после сна и долгого пробуждения.

Пока тонкие струйки рециклированной воды впи-вались в кожу, Ори ворочался в тесном пространстве душевой кабины и продолжал размышлять об Игре. Вернее, о тайне. Рассказать ли Хорту или промолчать? Вряд ли никто ещё не догадался, что миллионы игроков употребляют импланты. Всё же правила этого не запрещают. А на рынке появилось множество моделей присадок, что прямо указывает на повышенный спрос.

Автоматика предупредила, что дневной лимит воды исчерпан. Ори подождал, пока не иссякнут последние капли, и вышел из кабины, лишь когда душ совсем выключился. Далее активировал голозеркало и стал поворачивать собственный тримерный образ, рассматривая себя пытливым оком. Обнаружил под левой лопаткой новую родинку. В целом же он остался доволен собой. Употребляемые напоследок мази убрали лишние жировые накопления. Ори всё ещё выглядел недурно — стройный телом, лицом пригожий. Ему было под сорок, и с возрастом миндалевидные глаза становились всё выразительнее, а присаженные волосы сохраняли модную в этом сезоне причёску, она удачно шла к его золотистой коже. Он невольно провёл пальцем по подбородку — гладко. Борода и усы не скоро начнут опять расти, ещё пару лет можно не прибегать к процедуре депиляции... Так, всё в порядке!

Ори облачился в новое трико, сунул ноги в сандалии, упрятал в нагрудный карман кредитный диск и вышел из квартиры.

Локальный супермаркет. Атавизм, упорно выживающий вот уже целые столетия — в основном благодаря людской привычке встречаться и общаться лично, и то в толпе других людей. Почти каждый среднестатистический житель планеты чувствовал себя комфортно в толкотне себе подобных, наверное, первобытное стадное чувство неискоренимо из человеческой природы и пребудет в веках и тысячелетиях...

Ори не понимал тех немногих мизантропов, которые сиднем, безвылазно, сидели по домам и даже отоваривались по каталогу, получая необходимое для жизни напрямую на домашние терминалы. По его мнению, таким следовало немедленно подключать свой информа-торий к ближайшему центру психотерапии. Сам Ори не чурался встреч с людьми,

его даже не корбила давка в пневмолифте. Чувство локтя, даже если и в рёбра, давало душевную опору и приносило среднестатистическую радость от осознания своей принадлежности к многомиллиардной популяции двуногих.

Прогулка по коридорам нижних этажей жилконцен-тратора всегда вызывала хорошее настроение. Полкилометра от лифта до входа в супермаркет превращались в неизменное пятничное удовольствие. Протискивание в толпе, ловя дыхание окружающих, мелькание лиц, шумы в ушах, приятные запахи духов и одеколонов... К тому же Ори знал, что пешие прогулки считались полезными для здоровья ещё тысячу лет назад, на самой заре техноконцентрированного общества. Однако сейчас на Земле не оставалось много места для прогулок пешком. Поэтому поверхность Алгедона казалась столь заманчивой... Ори снова вспомнил об Игре, выигрыш в которой давал возможность пребывания на этой прекрасной планете. Вопросы конкурса становились всё сложнее и труднее... Не пора ли задуматься о покупке имплантов у контрабандистов? Дорого, однако...

Он заставил себя отвлечься, начинала болеть голова, но идея поставить себе ещё пару присадок привязалась назойливой мухой и не отставала. Конечно, Ори знал сие наглое резвое насекомое лишь как персонаж мультфильмов да в виде корма для обитателей домашних террариумов. Реальное представление об этом создании у него появилось после приобретения импланта со знаниями по биологии, необходимыми для ответа на вопросы вроде «На каком этапе развития земной цивилизации на планете всё ещё существовали мухи?». Несомненно, присадки — вещь весьма полезная, и можно смириться с тем, что от них голова всё время ощущается слегка опухлой. Можно стерпеть. Как там говаривали древние? «Цель оправдывает средства»?.. Что-то в этом духе, да...

А как всё началось, кстати?

Незнакомые на тот момент чужие, которых потом окрестили слаксами, появились на Земле как-то незаметно. Они затесались в толпу остальных инопланетян возле нуль-терминала, затем оставили гарантию на таможне, без возражений отвалив требуемую сумму га-лаксов на покрытие трёхмесячного пребывания на Земле. Успешно прошли проверку на наличие незаконных физиоактивных веществ, запрещённых приборов, в том числе оружия, и нелегальных инфобаз да софтвера. Цель посещения — торговля, маркетинг, реклама. Совсем обыденно.

Слаксы походили на толстых жаб человеческого роста. Их земные сородичи (вернее — аналоги), мелкие и квакающие, всё ещё жили на Земле, их разводили в качестве домашних любимцев — милое воспоминание о прошлом планеты...

Согласно декларации пришельцев они прибыли с Алгедона, довольно захолустного мирка из звёздного скопления в соседней галактике. Таможенник, который первым столкнулся со слаксами, проявил усердие и установил, что новые чужие являются высокоинтеллектуальными земноводными, мечущими икру. Такова была информация из Центральной Памяти. Это никого не удивило, ибо совсем недавно была открыта планета, на которой совершенно дикие люди употребляли в пищу местных умных пауков.

Пришельцы довольно-таки быстро освоились в земной обстановке, подыскали себе подходящий отель ровно за двадцать минут, после чего притихли. О них почти забыли, когда по головизии запустили придуманную ими игру «Выиграй поездку в рай».

Агрессивная реклама, чуть ли не пропаганда прекрасных местностей планеты Алгедон, без устали крутила трёхмерные ролики неописуемо красивых скал, причудливо изваянных неведомыми стихиями, показывались хрустально чистые моря с белоснежными песчаными пляжами и заросли потрясающих изяществом растений. К сожалению, турпоездок слаксы не предлагали, может быть, потому, что только-только стали членами Галактического Содружества.

Ори Тантари увлёкся игрой совершенно случайно, попробовал разок и втянулся по уши. Потом узнал, что и его друг Хорт включился. Сама Игра строилась на совсем простых правилах. Нужно было набрать очки для перехода на новый уровень. Участник, неверно ответивший на вопрос, выбывал из Игры, при правильном же ответе выигрывал очки. Можно

было в любой момент прервать участие, не выбывая насовсем, и продолжить на следующий день. Призами были пять тысяч годовых путевок на Алгедон, и, чтобы победить, нужно было набрать двадцать тысяч очков. За участие не взимали плату, вероятно, рекламные паузы приносили слаксам достаточно доходов, а может, эта раса была достаточно зажиточной. Игру признали законной, и расточительство на рекламу прелестных уголков Алгедона и на организацию самого состязания ничуть не тревожило игроков.

Хорт Орсиа ждал Ори на обычном месте, возле одного из входов в супермаркет. Как всегда, он нервно притоптывал ногой, словно сетуя, что вынужден терять время на досуг, хотя как раз время-то становилось в условиях техноцивилизации самым дешёвым товаром. Но Хорт вообще был типом дёрганным по натуре, вероятно, вследствие некой генетической ущербности.

— Привет, — сказал Ори. — Что будем покупать, придумал?

— Тебе не надоело опаздывать? — кисло ответил приятель, — Почему я всегда должен тебя ждать?

— А ты ещё не привык? Давно пора бы. Таков мой характер. К тому же древние когда-то говорили: не будь точен, чтобы не ждать других. Придерживайся этого правила, и жизнь твоя станет легче.

— Если бы все были как ты, мир бы уже давно развалился...

Хорт работал в центре подпространственных сообщений, где дорожили каждой миллисекундой, в то время как Ори служил инструктором по плаванию. Его опоздания не производили впечатления на учеников. Несмотря на большую разницу в характерах, Хорт и Ори уже больше десяти лет дружили или по крайней мере терпели друг друга.

— Тайна, чёрт возьми! — вспыхнул внезапно Хорт уже в супермаркете, толкая свою тележку мимо касс — Какие у тебя могут быть тайны?! От меня! Я тебе каждый вечер говорю, на каком я уровне! Зачем тогда друзья, если от них что-то прятать? Тайна!.. Не стыдно?

— Без тайн жить неинтересно. Ты ещё захоти, чтобы я тебе рассказывал, что я ел и сколько раз в туалет ходил.

— Не выделяйся. Наши отношения выше тайн. Разве тебе не хочется, чтобы мы вместе поехали в рай Алгедона? Зачем тебе прятаться от меня в Игре?

«И действительно, зачем?» — подумал Ори. Мигом позже он отыскал возможное объяснение — синдром соперничества. Да, Хорт прав, он действительно заслуживает лучшего отношения к себе. Орт остановился возле прилавка с внеземной дребеденью, осмотрелся украдкой и признался:

— Ладно, слушай... Я не такой умный, как ты, вот и воспользовался присадками... Смотри не разболтай!

— Ты — на имплантах? — удивился Хорт. — А они разве не запрещены?

— Вне Игры кое-где, может, и запрещены... зато в правилах Игры нигде ничего не сказано про импланты. Уж не думаешь ли ты, что я первым догадался? Неплохо бы и тебе пару биочипов в мозги вживить. Не мешает. Да и выигрыш так вернее.

Хорт призадумался.

— Где достать? — спросил он немного погодя. Ори расплылся в улыбке:

— Давно бы так! Наконец-то ты заговорил осмысленно. Не волнуйся, я устрою.

Они отоварились пятью парами самогреющих носков, дюжиной тонирующих напитков да несколькими кулками внеземных салатов, содержащих кучу витаминов, если верить рекламе. Перед кассой Ори озабоченно проверил кредит-карточку, отошла напоследок, но потом оглянулся на Хорта и успокоился. Друг никогда не отказывался дать взаймы.

Они вышли из супермаркета, поболтали пару минут и договорились через два часа встретиться перед кабинетом очень надёжного нейрохирурга. Написав адрес кабинета, Ори заявил, что успеет достать нужные присадки.

— А не больно? — опасливо спросил Хорт на прощание, отдавая кредит-диск другу.

— Не надо ля-ля! Даже шрама не останется. Надо было в школе слушать и запоминать, что мозг вообще нечувствителен к боли. Ты чего привередничаешь? Я тебе услугу, аты... — И Ори, махнув рукой, отправился к пневмолифту.

Пару дней спустя благодаря имплантам они набрали уже по пятнадцать тысяч очков.

Ещё через несколько дней, под вечер, Хорт связался по информаторию с Ори и закричал, забыв поздороваться:

— Врубай Игру! Мы уже в финальном туре! Против обычного Ори тут же повиновался и услышал

квакающий голос ведущего.

— Переходим на восемнадцатый уровень, — сообщил неопределённого пола слакс (вообще, до сих пор было неясно, есть ли у них пол). — Вопрос: какова пульсационная частота подпространственных сообщений?

Ори было запаниковал, по тут в углу годоэкрана появилось письмо электронной почты, конвертик раскрылся, показывая слово «квазисинхронная». Не задумываясь, Ори перенаправил ответ в Игру — очевидно, шпаргалку подкинул Хорт. Через пару мгновений счётчик личного успеха участника Игры достиг отметки 16 000. Ори перевел дух, подсказка прошла незамеченной.

— Последний рекорд ныряния на глубину? — последовал новый вопрос.

Ори быстренько написал «199 метров», уж ему ли, как инструктору по плаванию, не знать, а затем поспешил отправить сообщение Хорту — в благодарность.

Счётчик показал 17 000 очков. По коже Ори прокатилась волна мурашек удовольствия. Победа совсем рядом!

Ведущий огласил следующий вопрос:

— Где проводятся брачные обряды тарнилонцев с Эридана?

Ори моментально вспотел. Многочисленные импланты молчали. Он смутно помнил, что тарнилонцы не

то амфибии, не то членистоногие, но совершенно не находил в памяти хотя бы обрывки сведений о составе атмосферы их планеты, о религии, размножении... Он забыл вживить себе чип по ксенобиологии, но всё равно вряд ли это помогло бы, вопрос может быть с подвохом или из совсем другой области — ксеносоциологии, а то и ксеноэтнографии...

Совершенно растерянный, он всё же догадался вовремя отключиться. Хорт, очевидно, сделал то же самое, ибо появился на экране с кислой физиономией.

— Ладно, — сказал он деловито, преодолевая досаду, — на сегодняшний вечер мы неплохо справились. Почти уже на финале... Надо было раньше скооперироваться. Дешевле бы обошлось.

— Уже сделано, — уныло отозвался Ори.

— Могли с самого начала так.

— Везение кончается рано или поздно. Если кто-то пронюхает...

— Да уж, не совсем честно мы поступили, — потупился вдруг Хорт.

— Раньше надо было про честность вспоминать! — психанул в ответ Ори. — До того как тебе чипы в мозги поставили! Ты хочешь на Алгедон или нет? Тогда оставь мораль в покое.

— Да ладно уж, не сердись... Сыграем в «Убей негодяя»? Расслабимся.

— Нет, лучше отдохнём. Иди спать. Впереди ещё два уровня. Чтоб завтра был свежий, как гидропонный огурчик, Хорт! Ага?

— Хорошо...

Ори отключил информаторий и невольно рассмеялся собственной шутке про свежесть огурцов. Затем навёл луч дистанционного управления жилищем на стену, отодвинувшись, чтобы не ударило выдвижной постелью. Надел пижаму и устроился на кровати, едва автоматический сервис натянул на неё простыню. Ори задал на панорамном голоокне полнолуние, добавил сосновый запах в струю кондиционера и вскоре задремал.

Проснулся он с криком, снился кошмар. Что отвечает на вопросы, а потом... Ори

поёжился, выругался архаичными матерными словами и отправился в туалет. Вернувшись в постель, он не удержался и вызвал Хорта на связь.

— Ты чё в такую рань?! — спросонья вспылил тот.

— И меня гадости в сне мучили, — пожаловался Ори. — Что участвую в треклятой викторине, не успел правильно ответить ни на один вопрос... и меня за это убили!

— Не вправду же убили. Вижу, цел и здоров... Не скидай, после дурных снов хорошее случается. А сейчас дай мне доспать, я не хочу на работу снова опоздать. И вечером — держи почту открытой!

Немного успокоенный, Ори прилёг, но заснуть снова не удалось.

Быстро наступило утро, Ори оделся и направился к бассейну между вторым и третьим ярусами его жилкон-центратора. Там его ждали подростки, с надеждой и уважением они взирали на инструктора, мечтали о призах на соревнованиях — люди эры техноцивилизации обожали спорт. Ори не стал им выдавать простую истину, что всем победителями не стать — всегда есть проигравшие. Не это от него требовалось. От него хотели одного — чтобы тренировал и внушал уверенность. Занявшись обязанностями, он, однако, не переставал думать об Игре. В результате его рассеянности один из учеников нахлебался воды. Если бы не этот инцидент, трудовой день прошёл бы успешно и гладко, как все предыдущие...

— Господин Тантари, отправляю вам предупреждение! — прозвучал ровный голос автомата-контролёра. — При рецидиве подобного нарушения вас отстранят от занимаемой должности.

Ори скрипнул зубами, но не посмел выругаться вслух. Он сосредоточился, и до конца смены всё прошло без задоринки.

Тем же вечером в кондиционированном воздухе его жилбокса витало особенное напряжение. На этот раз Ори не стал отвлекаться, вывел на головизор портал Игры и связался с Хортом по электронной почте, после чего только оставалось ждать начало сегодняшнего тура. И вот наконец ведущий передачи, жабоподобное создание, возник в объёме голоэкрана и, не забыв расхвалить свой родной мир, зачитал, сколько на сей момент участников выиграли заветные путёвки. Ори вздохнул с облегчением — всё ещё оставалось около пяти сотен призов.

Прозвучал первый вопрос за вечер:

— Каков период развития яиц крокодила в зоопарке?

Имплант по биологии тут же выдал ответ: от двух до трёх недель в зависимости от температуры. Ори быстро написал это, и немного спустя в углу экрана вспыхнули радостные красные цифры 19 500.

Но следующий вопрос едва не убил Ори:

— Звезда Процион А находится на расстоянии одиннадцати целых трёх десятых световых лет от Земли. Назовите её спектральный класс и абсолютную звёздную величину.

Ори разинул рот и судорожно пытался глотнуть хоть немного воздуха, когда Хорт снова отправил спасительную подсказку. Ори машинально, не раздумывая, еле узнавая буквы и цифры, передал ответ: F 5 и 2,8.

Последующие мгновения тянулись лениво, мучительно медленно. Лоб Ори покрылся холодной испариной.

Он не сразу отреагировал, когда из виртуального объёма головизора всплыло крупнобуквенное сообщение:

«ПОЗДРАВЛЯЕМ, ВЫ НАБРАЛИ 21 000 ОЧКОВ И ВЫИГРАЛИ НАШ ПРИЗ!
СВЯЖИТЕСЬ С НОМЕРОМ А? — 400-В? — 890 ДЛЯ ПОДПИСАНИЯ
КОНТРАКТА».

Счастливчик постепенно приходил в себя. Из окна информатория уже подглядывала довольная физиономия Хорта.

— Поздравляю! — торжественно изрёк он.

— Пряма не верится... — признался Ори. — А ведь совсем ради прикола начали...

— Поверь! Мы выиграли! Собирай чемодан!

— Там про какой-то контракт...

— Пустяки. Формальности. Страховка, отели и всё такое.

— Странно всё же...

— Да брось ты! Мы же прочитаем, прежде чем подписывать. Чего ты волнуешься? — успокоил его Хорт.

— Правильно. Я сейчас же потребую текст контракта. Завтра встретимся? Как всегда, на обычном месте, в обычное время?

— Ладно. Только не опаздывать!

Хорт отключился, а Ори отправил запрос на контракт победителя в Игре. Перед глазами повисли две страницы опрятного, красиво набранного текста. Вслед за полями анкетных личных данных, которые требовалось заполнить, следовал вполне внятный юридический пассаж. Лишь один из пунктов несколько озадачивал: «Получивший приз в Игре согласен участвовать в новом туре соревнования за новые призы». Почесав в затылке, Ори решил, что ничего странного тут нет. Он заполнил анкету и поставил свою электронную подпись.

Контракт исчез, а на головизоре осталась пометка о сохранении текста в памяти машины.

На следующий день Хорт ждал, пританцовывая от нетерпения.

— Ты никогда не отучишься опаздывать, — сказал он сварливо. — Но всё равно у нас есть повод веселиться.

Ори зевнул:

— Да хватит тебе ныть... Пошли попьем кофейку.

Друзья вошли в будку кафетерия и устроились за выдвижным столиком, не обращая внимания на надпись, предупреждающую, что на кофепитие у них пять минут. Они и сами знали это, привыкнув ещё с детства к удобствам и ограничениям техноцивилизации.

Автомат выплюнул два пластиковых стаканчика горячего синтетического кофе и две сладкие таблетки.

— Ты подписал контракт? — поинтересовался Хорт, помешивая кофе, прежде чем отхлебнуть глоточек. — Если да, совсем скоро получишь билет. У нас три дня на все формальности в связи с годичным отсутствием.

— Ага... А здорово мы провели тех жаб! — ухмыльнулся Ори.

Хорт нахмурился.

— Я бы тебе посоветовал держать язык за зубами насчёт этого, — сухо ответил он.

— Подумаешь! Не мы одни такие...

— Каждый отвечает за себя. Неприлично разглашать за всех, понял?

— Уф... Ты плавки уже купил? Маску, ласты? И что, только одним дурацким кофе отпразднуем дело?!

— Ты же сам предложил! У тебя же всё время кредит-лимита недостаёт.

— Найдём лимит. Будь я проклят, если сегодня вечером не пойду в бар и не упыюсь до чёртиков самым дорогим газовым коктейлем! Ты со мной?

— Чтобы оплатить счёт? — ехидно осведомился Хорт.

— Чего жмотишься-то?! Если бы не моя идея, не выиграли бы!

— Без меня и ты бы не выиграл. Предстоит целый год блаженства!.. В том числе — не будешь кредиты кланчить у меня.

— Дык зачем же тогда друзей иметь, если не кланчить?

Сигнал оповестил, что пять минут истекли. Возле кабины уже стояла небольшая очередь.

— Милая наша техника, — отметил Ори. — Не заболтаешься... Пошли, что ли, по магазинам? У тебя впереди целый год счастья, а я не стану омрачать его, прося кредитов... там.

Последние дни перед отъездом прошли быстро. Приятели получили билеты, направления и уже сидели в большой терминус-капсуле, вполуха прислушиваясь к

наставлениям робота-стюарда. Ори с интересом рассматривал остальных пассажиров, устроившихся в своих креслах. Его цепкий взгляд остановился на блондинке с пышными формами.

Успел подумать, пристегивая магнитные пряжки ремней безопасности, что такую красотку упускать нельзя, особенно если едет одна... Затем мир утонул в синеватом сиянии... а когда Ори пришёл в себя, то осознал, что терминус-перемещение осуществлено и капсула уже находится очень, очень далеко от Земли...

Хорт робко зашевелился в соседнем кресле, ощупал себя руками, вслед за чем радостно и глуповато улыбнулся.

— Чему веселишься? — спросил Ори, отыскивая расфокусированным взглядом платиновые кудряшки красотки.

— Да вот... проверяю, правильно ли собрали нас после дезинтеграции на атомы...

— Ты сдурел, да? Если бы реинтеграция не была бы успешной, ты бы сейчас ничего не смог проверить. Ты же специалист!

— Ну да... только до сих пор никогда не транспортировался...

— Терминус-транспортировка — это вещь! — глубокомысленно заявил Ори, с удовлетворением установив, что блондиночка выглядит так же хорошо, как пару секунд назад.

А может, даже чуточку лучше.

— А ты с каких пор стал разбираться в нуль-переходах? — кисло спросил Хорт, но друг не обратил внимания на его замечание.

Стюард рестартировал свои системы и пригласил пассажиров покинуть капсулу. Все выбрались наружу, где их взорам открылся захватывающий дух пейзаж. Невзрачное, небольшое и приземистое здание одинокого терминала терялось в пышной тёмно-зелёной растительности, а над головами простиралось бездонное нежно-фиолетовое небо.

И всё!

Ни коридоров, ни жилбоксов, ни залов с бассейнами, супермаркетами, кабинами и автоматами. Только небо и утонувшая в зелени земля. Обстановка непривычная, но пьянящая.

Группа призёров несмело прошла мимо окошечка формальной таможенной проверки, после чего столпилась вокруг кроткого на вид слакса.

— Добро пожаловать на Алгедон, — проквало оно-он-она. — Моё имя Слок, я приставлен к вам в качестве гида на весь срок вашего пребывания здесь. Отличать меня от моих соплеменников вы сможете по жёлтому колечку на кожной складке справа от моего рта... На сегодня запланирован адаптационный отдых. Устраивайтесь, привыкайте. Вашу группу определено разместить на морском берегу, желающие могут поплавать. пляж полностью безопасен, за вами наблюдает спасатель, ни о чём не беспокойтесь. Предлагаю вам разбиться на пары, так как жилые домики здесь двухместные. У каждого будет своя комната, общая баня с ванной, отдельные туалеты и общая гостиная... Попрошу подняться на транспортную платформу. Держитесь за перила.

Платформа мягко и плавно двигалась, вероятно на воздушной подушке, ветер приятно ласкал лица гостей чудного мира Алгедона, развевались волосы женщин. Ори гадал, что такое «домики», «ванна», «гостиная». Импланты молчали, он решил потерпеть.

Домики оказались небольшими, кокетливыми постройками из незнакомого естественного материала, Слок назвал его деревом. Ори не успел предложить красотке с платиновыми волосами жить в одном домике, она нашла себе подругу, поэтому он смирился с компанией Хорта.

Изнутри домик оказался просторнее двух жилбоксов, удобства приятно удивили Ори. Ванна несколько озадачила Ори, он сначала не понял, зачем нужен такой крохотный бассейн, но, поняв, восхитился. Вероятно, слаксы на гигиенические цели тратили больше воды, чем земляне, и это ему понравилось. Правда, плавать в ванне было невозможно из-за тесноты, но рядом находилось целое море...

Гостиная оказалась вообще маленьким залом. Сюда можно было приглашать гостей из других домиков. Ори обнаружил кондиционер, но нигде не заметил голови-зора или информатория.

— Как бы нам тут не околеть со скуки... — озабоченно сказал Ори. — Ладно, надевай плавки и пошли окунёмся!

Алгедон ему нравился. А окунувшись в немного пугающее, громадное, до самого горизонта, море, Ори решил, что этот мир — лучший из миров. Вода была приятно тёплой, а солнце мягко жарило кожу лучше всякого солярия. Последовал вкусный ужин под открытым небом на общих, вкопанных в песок столах, тут же и состоялся приветственный концерт. Местные музыканты исполнили нечто необычное, но приятное на слух. Поразительное было ощущение слушать музыку не из репродуктора.

На следующий день, после завтрака, Слок собрал группу и заявил:

— Сегодня вы приступаете к участию в новой игре — «Поймай клока». Вам следует отловить летающих насекомых, очень шустрых и хитрых. Для поимки нужны сноровка и талант охотника. Клоки — это безобидные крылатые создания, они не кусаются и не жалят. Каждый пойманный клок — очко в вашу пользу. Пятьдесят очков — приз, тысяча — снова приз, а за десять тысяч вы получаете большой приз. Сейчас я покажу вам препарированного клока, смотрите и запоминайте его внешний вид.

Из кожаной сумки на животе жабообразный наставник достал нечто, при виде чего глаза Ори расширились, а рот приоткрылся. Это была муха, величиной с... короче, умещалась полностью на человеческой ладони. Как портативный пульт дистанционного управления информаторием. Солнечные лучи играли на хитине насекомого, крылышки бросали радужные отражения.

— Красивое существо, — откашлялся Хорт. — Жалко охотиться на такое.

— Да это просто муха! — сказал Ори. — На Земле их истребили много веков назад, как очень вредных насекомых.

— Всё равно красивая, — заупрямился Хорт. — У меня рука не поднимется... Наверное, в полёте она прекрасна... Зачем такие игры?

— Посмотрим. Игра как игра, — пожал плечами Ори, косясь на блондинку, которой муха то ли тоже нравилась, то ли вызывала отвращение. А может, и то и другое.

Слок раздал всем большие сачки на длинных палках и показал, как ими пользоваться. Потом добавил и густые сетчатые корзинки для хранения улова.

Хорт опробовал сачок, размахнулся и установил, что вещица удобная.

— А каковы ^правила охоты? — деловито поинтересовался Ори.

— Правила вы определяете сами, — заявил наставник. — Вы сами поймёте, в чём трудности отлова клоков. Ваша территория охоты — за домиками. В районе вашего посёлка нет опасных животных. Наслаждайтесь игрой!

Группа разбилась на пары, двое приятелей бодрым шагом направились к ближайшим зарослям. За полосой кустов высились стройные деревья.

Прошло не менее часа, прежде чем Хорт заметил первую муху. Она грелась на местном солнышке, устроившись на старом пне, и чистила ножками крылышки.

— Чур, я первый! — прошептал Ори.

— Я её увидел раньше тебя!

— Мы оба её нашли. Я попробую первый!

Он крадучись стал приближаться к добыче. Взмахнул сачком... мимо. Муха, сердито жужжа, упорхнула из-под сетчатого кулька на конце гладкой палки, которая аж загудела в воздухе от стремительного взмаха Ори.

— Растяпа! — засмеялся Хорт. — Я бы точно поймал. Следующая жертва кружилась над сгнившим куском

плода, который неприятно вонял. Хорт подождал, пока насекомое сядет на лакомство, и, пригибаясь, пошёл в атаку. Но быстрый взмах не увенчался успехом. Муха увильнула и помчалась в лес.

— Что, выкусил? — умыльнулся Ори. — Со стороны всяк растяпа... Давай лучше разделимся и будем искать самостоятельно. Обнаружим вдвое больше мух, если будем двигаться в десяти метрах друг от друга.

Но неудача преследовала их ещё несколько часов. Мелкие колючки кустов оцарапали им ноги, а Хорт успел ушибить колено, самоотверженно кинувшись на очередную муху.

— Ерунда какая-то... — обескураженно пробурчал Ори. — Нам очень сильно повезёт, если наберём сегодня хотя бы пять очков.

— Слок нас предупредил, что клоки хитрые. У нас нет правильной тактики охоты. Надо придумать.

— Так давай сначала изучим их повадки! Наблюдение установило, что гигантские мухи любят

разлагающуюся пахучую материю и неохотно перемещаются на большие расстояния. Наверное, устают. Кроме того, даже вспугнутые, они имели привычку возвращаться на то же место, откуда их прогнали.

Оба приятеля переглянулись и потянули воздух носами. Именно обоняние вывело их на оживлённую тусовку клоков. Мухи кружились возле кучи, напоминавшей испражнение. При появлении людей они проворно улетели прочь. Сильно воняло. Ори зажал ноздри пальцами и заявил:

— Ты бегай вокруг и подгоняй мух ко мне. А я их буду караулить с сачком возле приманки.

— Ага, а потом очки...

— Очки будем делить поровну!

Как всегда. Хорт не стал больше возражать и принялся обходить полянку по периметру. Скоро он почему-то исчез среди деревьев. Ори остался стоять, сам прикидываясь деревом и с неудовольствием раздумывая, что за зверь мог наложить такую кучу. Судя по количеству дерьма, животное, наверное, довольно крупное, решил он.

Стоять столбом было утомительно, а Хорт куда-то запропастился. Ори начал злиться, не забывая быть начеку, с сачком на изготовку. У него стала ныть поясница.

Наконец из леса донеслись торопливые шаги Хорта, сопровождаемые сдавленными проклятиями. Наверное, он спотыкался о кочки. Тем не менее приятель упрямо, как обычно, преследовал цель. На полянку вылетело несколько мух, они покружились, а одна села на кучу. Ори, затаив дыхание, поднял руку выше... Бац! Сачок покрыл смердящее вещество, муха забилась в сетке. Ори весело вскричал — первая жертва попалась!

Подбежал Хорт, увидел, что случилось, и заулыбался. Общими усилиями, немного вымазавшись в дерьме, они сумели затолкнуть улов в корзину и захлопнули сетчатую крышку. Затем оба сели отдохнуть, отойдя от кучи.

— Вот что, скоро обед, — сказал Ори. — На сегодня хватит. Мы устали. Завтра сделаем то же самое.

Возле домиков их встретили завистливые взгляды соперников. Некоторые подходили, смотрели на муху в корзине, потом уходили, ничего не спросив. Они понимали, что счастливики не поделятся секретами охотничьей тактики, а будут ревниво оберегать свои умения и приёмы.

Старательно умывшись, друзья сели за общий стол. Обед проходил в неловком молчании, никто другой ещё не заработал ни одного очка.

Слок похвалил удачливых ловцов мух и записал в портативный комп первую победу на имя Ори.

— Вы будете охотиться после обеда? — спросил наставник.

Приятель переглянулись. И хотя недавно оба думали, что надо отдохнуть, сейчас их охватил азарт. Они кивнули.

— Но на этот раз ты бегай их сгонять, а я буду караулить с сачком, — шепнул Хорт.

— Ладно, будь по-твоему, я добрый.

Вечером они вернулись с ещё одной мухой в корзине. Зависти остальных игроков не

было предела. Ори отметил, что блондинистая красотка очень внимательно на него посмотрела...

Следующие несколько дней приятели пробовали менять тактику, но вернулись в конце концов к первоначальному приёму — загон и засада. На их счету уже имелось шестнадцать очков, честно поделённых на двоих. Остальные игроки уже не скрывали своей злости. Лишь блондинка словно не испытывала ненависти к счастливицам и всё чаще искала взглядом глаза Ори. Что навело его на весьма умную мысль, которой он поделился с Хортом тем же вечером:

— У меня предложение... — Ну?

— Ты только не того... выслушай сначала... Давай для разнообразия разделимся и выберем себе других напарников.

— Что-о-о?! Зачем?!!

— Не психуй же ты... Посмотри на тех двух девиц. Та, что слева, — Инта, а другую зовут Мира. Их домик рядом с нашим. Глянь, какие они несчастные... Нехорошо. Красивых женщин надо веселить! У них ни одного очка. Давай им поможем, а? Ты пойдёшь ловить мух с Мирой, а я... помогу Инте.

— Понятно... Ты меня снова предаёшь. Не в первый раз.

— погоди, разве тебе Мира не нравится?

— Хм... не в ЭТОМ дело, олух ты полнейший! Я не люблю делить призы с женщинами.

— А чем плохо делить-то? В древности говорили, что делить всё с ближним своим — большая добродетель.

— Ты про постель делить, что ли?

— Ну... и это. Чем худо, скажи? Ты разве собираешься весь год за мухами бегать?

— За мух будет приз.

— Неизвестно какой.

— Вот именно — неизвестно!

— Вряд ли посулят нечто сногшибательное. Устроят тур по планете, чтобы мы потом рассказывали на Земле про ихние красоты. Бесплатная реклама получится.

Хорт призадумался.

— Ты хоть, прежде чем предлагать меняться парами, у них спросил? — буркнул он, уступая.

— Не-а. Но чую — согласятся.

— Надоело мне всё время жертвовать собой ради тебя, — заныл Хорт. — Понять не могу, в голове не укладывается — и чего я тебя терплю?!

— На то и друзья, чтоб терпеть, — назидательно заметил Ори, радуясь втихаря успеху. Хорт иногда ужасно упрямился. — А сейчас погляди на Миру. Очень даже хорошо выглядит, всё при ней...

Хорт буркнул что-то под нос, не ответив. Но присмотрелся украдкой.

Сразу после ужина Ори пошёл на приступ. Долго уговаривать Инту не пришлось. Слегка поколебалась другая девушка, но тоже согласилась. Ори заставил подружек поклясться хранить тайну удачной охоты от остальных игроков.

День тренировки — и новые пары пожинали первые успехи, приобретая сноровку. И как-то само собой наступила перемена жилья. Мира осталась ночевать в домике Хорта, а Ори был принят Интой.

Спустя два дня Хорт перестал хмуриться, деля очки с навязанной ему напарницей. Ему даже стал нравиться такой расклад.

— Ты всегда такой умный? — спросила Инта в промежутке между горячими поцелуями как-то вечером. — Ты прирождённый игрок!

Ори едва не сболтнул про импланты. Уже привык к ним, да и голова ничуть не болела. Но решил, что неплохо иметь свою маленькую тайну. Потому и ответил:

— Я умный, а ты красивая. Мы очень друг другу подходим. Вот не знаю, получатся ли

дети одновременно умные и красивые...

Инта в ответ расхохоталась.

— Ты научишь меня плавать? — спросила она.

— С удовольствием!

А Хорт совершенно перестал ревновать напарницу к Игре, ибо Мира оказалась ловчее его в засаде, хоть и уступала как загонщик. Он не на шутку увлёкся ею, и обе пары крепко подружились.

Обстановка благоприятствовала любви, а счёт мухам возрастал. Постепенно роль мужчин окончательно свелась к загону, а девушки наловчились накрывать сачками вёртких насекомых даже в полёте. Слок педантично отмечал очки и складывал клоков в коробочки.

Инта и Ори первыми набрали сто очков и насладились поездкой на красивое горное озеро. Мира и Хорт буквально на следующий день выиграли тот же отдых.

Прошло полгода, Игра превратилась в насущность, дошла до мании. Вспыхнули первые споры о территориях, обвинения в краже мух, в подглядывании техники ловли... Наставник едва успевал сохранять порядок и мир в селении.

— Тут все рехнулись! — сказал как-то вечером Ори Хорту. — Помешались на этих мухах. Отчего бы, объясни, не напрягаясь, кайфовать себе вдоволь? Приз за тысячу очков вообще ерундовский был. Скалы да камни смотреть... тоже мне приз!

— Неизвестно, что дадут за десять тысяч, — ответил приятель. — Вдруг будет что-то ценное, дорогое! Да и скалы не ерундовские, а природный феномен. Кроме того, когда я гоняюсь за прекрасными клоками, у меня ощущение осмысленности жизни появляется... Ты вспомни, какая скучотища на Земле! А тут — охотничий азарт, страсти кипят! Адреналин! Совсем иначе здесь себя чувствую, чем дома. Да и девушки наши...

— Девушки что надо. А всё остальное, что ты ляпнул, — чушь махровая. Носимся как угорелые по зарослям, мух ловим... Нет бы на пляже валяться да подруг любить...

— Так валяемся же. И любим, — возразил Хорт, сладко зажмурившись.

— Могли бы больше и дольше! — распалился Ори. И добавил, моментально остыв: — Я одного не понимаю: зачем жабам эти мухи? Их упаковывают, словно хрупкие фенечки. Для чего?

— А мне плевать, зачем и для чего. Я спорт не люблю, а тут подтянулся, даже сам не заметил. Чего тебе не хватает? Воздух свежий, море — обалдеть, пища отменная, девушки... Надо тебе в жабы мозги хозяев заглядывать? Ты что, по супермаркетам и лифтам затужил небось? Я бы вообще не вернулся, будь моя воля... Слушай, а вдруг за десять тысяч позволят ещё на годик остаться? Вот бы здорово!*

— Размазня. Неинтересно — не надо. А я вот завтра Слока прижму хорошенько, всё выложит как миленький. Слаксы — трусливые создания, они никогда даже не воевали между собой. Все эти мухи пахнут чем-то гнилым, и я намерен разобраться!

— А чем им пахнуть, раз говно едят?

— Да ну тебя!.. Не прикидывайся!

— Ты всегда был такой — строптивый и подозрительный.

— А ты — упрямец!

— Был. Сейчас я спокоен и счастлив. У тебя всё время что-то свербит.

— От строптивости и подозрительности своей я только пользу получал! — отрезал Ори, резко поднялся и ушёл.

Злость его не рассосалась до утра, и он чуть свет отправился поджидать Слока. Ингу предупредил, что сегодня обе пары выйдут на охоту чуть позднее остальных.

Едва завидев слакса, Ори решительным шагом направился к нему и с ходу задал несколько вопросов. Кроткий наставник съёжился, погрузился, но не раскрыл широкого рта.

— Что вы делаете с клоками, которых мы поймали?! — настойчиво повторил Ори. — Ты должен мне объяснить! Ну?

Слаксы не выдержал и промямлил:

— Мы не умеем лгать... но как объяснить...

— По порядку объясняй! И давай-давай, губами шлёпай поскорей! Ведь не отстану!

Слакс Слок совсем сник и произнёс упавшим квакающим голосом:

— Мы их продаём... Экспорт клоков очень важен для нашей экономики...

— Кому?

— Пенданам с Лакса-П. Они там просто без ума от них.

— Что они с мухами... э-э-э... с клоками делают?

— Едят их, разумеется. Пенданы похожи на нас. На Лакее II клоков считают изысканным деликатесом. Мы себе не можем позволить лакомиться дорогим товаром...

— Это почему?

— Клоки мутировали, иупотребление их в пищу чревато заболеваниями наподобие рака из вашего прошлого.

— Так... а почему сами их не ловите, а нас заставляете?

— Я же сказал — мутация. Кроме несъедобности, клоки научились чують наше биополе на довольно большом расстоянии. Никак не подкрасться.

— Ставьте капканы!

— Неизвестно почему, но улов капканами незначителен...

Злость Ори затухала стремительно, но также стремительно росло его любопытство.

— А разводить их на фермах, в закрытых помещениях, не пробовали? — спросил он. — Разве можно позволить каким-то мухам водить себя за нос!

— Клоки не размножаются в неволе. На научные исследования клоковского феномена просто не осталось средств. И вот самым простым выходом нам показалось привлечь вас...

— Я так и знал! Ведь чувствовал — что-то нечисто в этой Игре! Так вы нас эксплуатируете!

— Но ведь у вас вполне хорошие условия для отдыха, вкусная еда, да и никто из вас против своей воли не надрывается! Вы сами преследуете клоков, для вас это интересно и увлекательно!

— Для остальных, может, и увлекательно, а для меня — нет. Сейчас я понимаю, почему в домиках нет средств связи. Вы боитесь, что мы вас расколем перед всей галактикой. Проходимцы!

Слакс вдруг совсем смялся, а потом бухнулся на колени, сплетя перепончатые лапы в молитвенном жесте:

— Умоляю тебя от имени всей своей расы! Не выдавай нас! Может, мы поступили не совсем правильно, но у нас просто не было другого выхода! Умоляю!

Жалкий вид существа, похожего на жабу, растрогал Ори. Он окончательно сдался, когда из глаз Слога потекли тоненьким ручьём слёзы. Ори подумал, вспомнил уют домиков, сравнил завтраки, обеды и ужины с синтетической едой на Земле, представил себе бесконечные коридоры земных жилищ, неразличимые громады жилконцентраторов. В конце концов, здесь действительно жить хорошо. Даже бегая за мухами с сачком наперевес.

— Ладно, встань... Предположим, что я соглашусь промолчать... да погоди ты! Допустим, я промолчу. Но взамен я желаю перемен в правилах пребывания здесь.

— Что угодно, только не выдавай нас!

Ори потёр руки. И сказал строго, но и великодушно:

— Для начала понижишь стоимость большого приза на пять тысяч очков...

— Готово!

— Не перебивай. Потом поставите в каждый домик головизор и информаторий с нуль-терминус-связью. Затем сделаешь меня и Хорта главными инструкторами по отлову мух... клоков. Вы прекратите все игры и викторины на Земле, чтобы обманом вербовать ловцов.

— Но как же...

— Добычу клоков организуем на принципе спортивного туризма. Так люди будут и платить за пребывание на Алгедоне, и ловить вам мух — из спортивного интереса. За славу, за рекорды, за адреналин... Понятно?

— О! О-о-о! О-о-о-о-о! Благодарю тебя от имени...

— Вижу, что понял. Так, о нашем инструкторском вознаграждении договоримся позже... И не надо обнимать мои ноги.

— О, спаситель наш! Как же мы раньше не додумались до спорта?!

— У вас не было такого умного советника, как я. Всё, хватит, вставай. И бегом выполнять условия. Да, забыл, нам нужен собственный транспортёр на воздушной подушке.

— Будет сделано, — поклонился Слок.

— Тогда ступай, — важно распорядился Ори. Едва дотерпев до вечера, он всё рассказал Хорту.

— Вот это да! — поразился тот. — Вроде врать не умеют, вроде глупенькие, безобидные, а ты смотри, как всех нас провели! Но ты молодец, — уважительно добавил он.

— А то! Всё, завтра уже не будем гоняться за глупыми мухами. Будем жить себе клёво и ждать тупеньких туристов.

— Меня только одно беспокоит... — Ну?

— Клоки ведь мутировали... А если снова мутируют? И научатся чутя и нас издалека? Что нам тогда делать?

— Надеюсь, это произойдёт не скоро. Успеем заработать. И махнём куда-нибудь — галактика большая! На худой конец, вернёмся на Землю... Пошли, девчата нас ждут.

Мира обняла Хорта, Ори обнял Инту, и они уселись на песке, любясь двойной луной Алгедона, восходящей из-за почти невидимого морского горизонта. Ветерок нежно щекотал кожу, романтика витала в воздухе, а Игра продолжалась на новом уровне.

Планета Скали

Эра Всеобщего благоденствия. Человечество разбросано по галактике, и на сотнях планет обитает множество миров. Каждый мир — на своё лицо, со своей культурой, каждый особенный, непохожий на другие.

Таков и мир, где живёт Скали, — странный и опустошительный...

В эру Всеобщего благоденствия каждый почтенный гражданин обязан заниматься полезным хобби, чтобы поднимать жизненный тонус Общества. Земля давно превратилась в сплошной город, циклопические здания покрыли континенты, поглотили часть морей и океанов. Многомиллиардное население потребляет высокоэффективную пастообразную пищу, которую синтезируют на гигантских протеиновых фабриках. Полученный сырой продукт обрабатывается в подземных комплексах и распределяется по трубопроводам, питая жилые районы планеты-мегаполиса. Каждому потребителю в его жилую 1клеть поступает точно отмеренное мировым законом количество пасты.

Население Земли не болело, все болезни были давно уничтожены. Численность людей строго контролировалась, детей выводили в общественных инкубаторах, тщательно следя за чистотой генотипа каждой особи. По достижении определенного возраста подросткам прививали образовательную программу, которая гарантировала среднестатистический уровень интеллекта, необходимый для функционирования каждого нормального гражданина планеты как полноценного члена Общества.

Люди редко занимались сексом, предпочитая виртуальное удовлетворение.

Прошлые Земли кануло в забвение. С исторической точки зрения оно состояло в основном из неприятных фактов. Войны, дикая, нерегламентированная рождаемость, голод, бессмысленные для настоящего Общества усилия и жертвы в процессе освоения космоса. Сначала технологии дали совершить рывок, овладеть рядом новых миров, но попавшие на них люди оказались в непривычных, экстремальных условиях. Новооткрытые планеты либо не имели атмосфер, либо их окутывали ядовитые газовые оболочки, гравитация на поверхности сильно колебалась от низкой до невыносимо высокой, а интенсивные или вовсе отсутствующие магнитные поля усугубляли все прочие трудности. Постепенно адаптируясь к враждебной среде, колонисты мутировали и превратились в нелюдей, которые думали и выглядели иначе, чем земное человечество. Трансформация породила проблемы с общением,

и новые миры потихоньку прекратили контакты с некогда родной планетой. История их забыла, остались лишь смутные легенды о первопроходцах далёкого космоса, не то героях, не то монстрах минувшей эры внеземных завоеваний.

Если кто-нибудь и вспоминал про них, то лишь какой-нибудь эксцентрик, крайне асоциальный маньяк, который неистово роется, как сумашедший, в архивных записях хранилищ памяти.

В эру Всеобщего благоденствия основной заботой людей было как уберечь ГОРОД от прямого попадания космического тела вроде заблудшего астероида или шальной кометы да выбрать себе ХОББИ, которое бы придало смысл ежедневному существованию. В их действительности на настоящую работу могли устроиться единицы, оставалось только развлекаться. Но и развлечения, особенно постоянное сидение в кресле гипнопередач, могли обернуться деградацией умственных способностей и атрофией мускулов. Таких пустых индивидов Общество безжалостно уничтожало, как ВРЕДНЫЙ элемент, а их место занимали новые члены Общества, которым предлагалось то же самое, что их предшественникам, — имплант-образование, сытое существование, доступ в спортзалы и выбор хобби. Это считалось вполне достаточным для сохранения всеобщего статус-кво, неизменное и статичное, стабильное и благополучное проживание всей социальной системы. Лишь не пренебрегая спортом и упражняясь в своём хобби, человек мог без проблем прожить свой век, не рискуя отправиться в рециклятор до срока, дабы не дестабилизировать Общество. Выбор хобби, занятия для бескрайнего досуга, считалось очень ответственным делом и светлым лучом в жизни, возможностью творческого проявления себя. Сообщества по хобби устраивали голофорумы, где часто кипели страсти и проводились бурные дебаты. И каждое достижение отдельного человека оценивалось по заслугам в соответствующих любительских кругах.

Но выбор подходящего житейского увлечения был далеко не простой задачей.

Скали ВМС-201, высокий молодой мужчина с точёным телом, столкнулся с трудностями как раз этого важного выбора. В спортзале на двести первом этаже его жилого блока он имел множество знакомых, большинство приходились ему соседями. Он попытался найти содействие у них, но никто не отозвался на просьбу помочь. Наверное, они сами нуждались в совете. Или просто ревниво оберегали свои идеи для самих себя. Намедни его сосед по клетке справа едва не рехнулся от счастья. Он коллекционировал изображения спичек — устройств для добычи огня в первобытную эпоху до Благоденствия. И вот, совершенно случайно, вздумав самостоятельно почистить клетку вместо кибержуков, сосед наткнулся на забитый в щель под панелью инфор-матория КОРОБОК от спичек. Радости его не было предела.

Другой сосед, обитающий этажом ниже, давно собирал голографические картинки каких-то вещей, имевших огромное значение в минувшие эпохи, — их называли деньгами. Только эти двое предложили Скали заняться коллекционированием, пригласили в свой клуб... но Скали счёл их занятие довольно скучным.

Синтра АНТ-302, женщина из жилклетки напротив, получила в наследство от прежнего съёмщика жилья кусок прозрачного жёлтого вещества, именуемого янтарём. В толще куска было замуровано крохотное существо, ранее известное как муха. Синтра не поленилась разрезать красивую безделушку, добыть ДНК дивного многоногого крылатого создания, вслед за чем умудрилась произвести на свет пять живых особей. Они весело жужжали в тесном помещении клетки и кормились из крошечного блюдечка, которое Синтра оставляла им на откидной плоскости столика. Успех соседки был действительно впечатляющим, Скали не отказывался ни от одного её приглашения посидеть гостем, наблюдая за полётом мух. Эти посещения вызывали совершенно иные чувства, чем голографические контакты и собрания. Он чувствовал радость, любил созерцать насекомых, не упуская из внимания и тяжёлые, густые волосы воскресительницы мух, её приятно округлое тело, матово-шёлковую кожу... от всего этого иногда тянуло запеть!

Но соседка никогда не позволяла ему оставаться дольше получаса. Она указывала на

дверь, и при этом её гладкие щёки под тёмно-синими глазами неизвестно почему меняли свой цвет.

Сосед слева, некто Корт ЕКМ-520, в общих чертах был довольно приятным малым, но его окружал таинственный ореол неудачника. Раскопав какую-то очень старинную инструкцию, он однажды решил создать биокомпьютер с автономным питанием. Разрабатывая проект, Корт долго рылся в записях о ДНК, аминокислотах, хромосомах и ещё много о чём. Он сконструировал молекулярный синтезатор, способный выработать всяческие субстанции, необходимые для инкубатора, который по замыслу должен был произвести на свет задуманный биокомп. Когда наконец произведение появилось на белый свет и стало самостоятельно питаться специально синтезированным кормом, Корт впал в экстаз и несколько раз пригласил Скали в свою жилк-леть — полюбоваться на пробную модель биокомпа. Везде, где Корт бывал, он не переставал хвастаться достижением. Однако достижение стало обрастать шерстью и загадило всю клеть испражнениями. Оно не умело даже сосчитать, сколько будет 1+1, только тупо трясло мордой и бляло. Попытки программировать создание ни к чему не привели. Корт заподозрил неладное и попробовал выяснить, где ошибка. Штудирова архивы, он внезапно установил, что не изобрел ничего нового. Оказалось, что подобного рода биокомпьютеры имели массовое распространение в древности, кроме того, их называли не биокомпам, а овцами. Овцы не предназначались для вычислений даже арифметических задач, не говоря уж об алгебре и высшем анализе. Отчаявшись улучшить функции своего произведения, Корт был вынужден выбросить неудачу в шахту дезинтегратора, которая находилась рядом с трубами гравитационного лифта. Сосед слева долгое время приходил в себя после огласившего провал истощного бляения, но потом преодолел депрессию и занялся новым проектом. Со стороны было похоже, что Корт вполне счастлив и не спешит заканчивать очередное изобретение, что было очевидным проявлением благоразумия, хотя и немного портило его репутацию неудачника.

Несмотря на всё это, Скали почти завидовал Корту. Почти, потому что зависть считалась аморальным чувством и выказывать её считалось недопустимым. Ум Скали корчился беспомощно, импланты не выручали, решение не приходило. Выбор хобби превратился в житейский вызов — надо было как-то определяться не откладывая, ибо от полноценного досуга зависело дальнейшее существование Скали. И хотя существовали примеры различных форм хобби, он подсознательно чувствовал каким-то архаическим чутьём, вероятно вследствие немного дефектного гена, что надо не браться за то, что есть, а обязательно придумать себе уникальное занятие, чтобы ни у кого другого такого не было.

Но дабы выяснить, чем люди занимаются, чтобы отсеять употреблённые варианты, Скали навёл справки, чем занимаются все его остальные знакомые. Зара КМН-204 с верхнего яруса увлекалась выращиванием травы — элементарное растение, которое можно было увидеть в спортзалах на пятьдесят втором и шестидесятом ярусах. Портативная гидропонная аппаратура занимала почти всю площадь Зариной клетки, а часть произведённой продукции приходилось периодически выбрасывать всё в тот же дезинтегратор. Скали однажды пошёл с ней на собрание травников, где поболтал с неким Бэди, индекса его не запомнил, тот рассказал, что до травы у него были две белые крысы, которые очень умильно кусали его за пальцы и пятки.

Непонятной осталась мотивация этого Бэди разводить крыс, если на нижних ярусах их, правда серых, было полным-полно. Веками люди пытались извести этих тварей, но они всё время приспособливались... а вот некоторые, оказывается, их РАЗВОДЯТ.

Причём разводят древних грызунов, вполне безобидные и жалкие формы — не чета нынешним, которые умели зубами перекусывать стальные прутья, имели сложную иерархию в своих стаях, лазили по потолку за счёт присосок на лапках, появляясь в самых неожиданных местах. А напоследок, говаривали, прижатая роботами-охотниками крыса, если не было возможности убежать... умудрялась телепортироваться в безопасное место. Вот то крысы! А не жалкие хлюпики чокнутого Бэди...

Скали вспомнил и Карделя СНО-610, несколько раз гостившего у него. Кардель

собирал образцы древней поэзии, часто читал наизусть неких Гомера и Шелли, да и сам пытался сочинять. Сначала Скали не понимал вполне содержания слов «стих» и «рифма», но, получив разъяснения, уловил суть, хотя и не цель занятия. Однажды гость прочитал свой креатив, в котором Скали при всём желании не нашёл смысла, даже поразился тому, что складными словами ничего не сказано. Он даже не заметил, как стал клевать носом, убаюканный равномерным речитативом. Не лучше обстояло дело с великими поэтами прошлого. Они все терзались, задавали себе вопросы, страдали, искали неизвестно что... От скуки, вероятно, маялись. И правда, чем они тогда развлекались, горемыки? Не имели ни голографиче-ского экрана, ни виртуального секса, ни даже инкубаторов для выращивания потомства. Вместо этого увлекались так называемой любовью — всего лишь прелюдия к воспроизводству вида.

Когда Кардель снова попытался напроситься в гости, Скали сослался на занятость. После ещё нескольких отказов коллекционер поэзии отправился искать себе других слушателей.

Неделя проходила за неделей, развлечения опосты-левали, и Скали почувствовал, что угроза превратиться в полностью пассивного потребителя уже не где-то за тридевять секторов в десятой перемышке, а шагает по коридору блока к его клетки. И как только это произойдёт, Общество совершенно вправе избавиться от бесполезного элемента, отведя вредаое существо к люку местного дезинтегратора, а жилклеть достанется более полноценному индивиду. Но пока что Общество проявляло достаточно терпения и не мешало Скали бороться с собой, натужно думать, ни к чему не приходя.

Он отчанно попытался ещё раз оценить хобби последних оставшихся в списке знакомых. Хоги ЕНС-234 с двадцать четвертого яруса — вот он выращивал кристаллы. Затем вынимал из колбы, измельчал в ступе и начинал холить новые... Бред. Тем же занимаются по крайней мере несколько миллионов человек из этого жилсектора. Так, Маги из девятнадцатого сегмента, индекс забыл, она делала нечто, называемое тканью. Потом кромсала ткань на куски с помощью довольно примитивного инструмента, склеивала лоскутки вместе, и получались вещи, называемые одеждой. Маги надевала одёжки, голографировалась на память, раздевалась и кидала свои изделия в дезинтегратор... И — всё сначала. Скали не польстился на одежду. Он находил тонкое по-ропластиковое трико вполне удобным, оно ласкало кожу, проветривало и очищало тело, сохраняя оптимальные показатели влажности и температуры.

Так, кто ещё остался? Да, старина Криби с двадцать девятого этажа. Он разводил растения с кожистыми листьями, которые обрывал и сушил до пожелтения. Дальше он резал их на тонкие полосочки, набивал ими изогнутую конусообразную трубку, зажигал и вдыхал отделяющийся дым. Вся его клеть воняла, да и в коридоре чувствовалось, а уж соседи, несмотря на вентиляцию, всё время жаловались на запах палёных отходов. Хобби старика Криби отражалось на его здоровье, он часто кашлял, вид имел изжёванный, вызывал чувство безгласности при встрече.

Последний знакомец в списке был Герт, который жил на седьмом ярусе, но его можно было не брать в расчёт. Он получал химическим способом некие жидкости, которые смешивал с водой, чтобы пить их. Жидкости действовали на него странно — он начинал шататься, говорить неразборчиво, орать, петь на весь ярус, а потом засыпал и шумно храпел при этом. От него тоже пованивало, но не совсем как от старика Криби.

Всё, больше знакомых у Скали не было. Не было и подходящих примеров для развития собственного хобби. Поиски снова зашли в тупик.

Идея о собственном уникальном увлечении, которого ни у кого в мире нет, словно витала где-то рядом, упорно не даваясь в руки. Маячила по периметру сознания и подсознания, иногда казалась достижимой — да раз плюнуть! А потом, едва задумаешься о ней... она таяла, таяло возжеленное хобби, а пасть дезинтегратора приближалась ещё на один день. Ужас перед устранением всё же не осиливал неприятие простейшего подхода—а именно подражать другим увлечениям. Скали просто не мог представить себя

занимающимся серой, убогой, БАНАЛЬНОЙ, массовой скукотищей. Уж лучше в дезингратор самому прыгнуть — головой вперёд.

Бессилие справиться с проблемой так угнетало Скали, что он стал ощущать совсем незнакомые прежде порывы. Ему хотелось ломать, крушить, кидать... пульс учащался, в глазах мутнело, кровь стучала в висках. Такое происходило уже не раз, но в тот день он не выдержал. Сграбастал первый попавшийся под руку твёрдый предмет — им оказалась металлическая ваза, был такой момент, когда он раздумывал заняться металлопласти-кой, — и...

Ваза врезалась в проектор информатория. Прибор буквально разлетелся на кусочки. Вид осколков отразился неким мрачным торжеством в душе Скали, он подхватил упавшую вазу и принялся методично колошматить всё ломкое в клети. Жестоко разбил откидную столешницу. Измельчил голоцентр, ободрал стандартные обои, обнажив непрезентабельные пластобе-тонные стены. Стены... нет, не поддались. Лишь ваза расплющилась. Зато стало возможным вспороть ею постель — из оболочки выплеснулось почти с кубометр кисельной электросопротивительной жидкости. Больше в помещении нечего было ломать, кондиционер похрапывал за надёжной решёткой. Скали дико озирался, стоя по шиколотку в спальной жидкости... и вдруг почувствовал глубочайшее удовлетворение от содеянного.

На него снизошло ПРОЗРЕНИЕ.

Он нашёл себя, нашёл своё призвание, своё са-мое-пресамое хобби на всю жизнь.

Он будет бороться с вещами. Он будет РАЗРУШАТЬ.

Ощущение раскрепощения не покинуло его, даже когда в клеть ворвался ремонтный робот, который тут же вызвал медицинских киберов. Скали улыбался, наблюдая, как жидкость течёт по коридору.

— Ваше заключение? — спросил Центр информатория после проведения следствия.

— Всё нормально, гражданин нашёл своё хобби, — отрапортовал заведующий Службой психической гигиены соответствующего яруса. — Жилая клеть отремонтирована, жилец может вернуться.

Скали вернулся, преисполненный творческих планов — один другого прекраснее. Он обдумывал рекламу своего увлечения и ничуть не сомневался, что скоро обзаведётся миллионами последователей.

Ибо нет ничего слаще и увлекательнее, чем заниматься РАЗРУШЕНИЕМ.

* * *

Корабль Университета дальних исследований планеты Ерда материализовался вблизи Земли. Почти сразу включились обычные гравитационные движки, нуль-реактор перевели на спящий режим, корабль стал описывать витки вокруг уже малознакомого звездолётчикам мира, переходя с одной орбиты на другую. Члены экипажа собрались в центральном зале наблюдения. В их яйцевидных черепах, пухлых туловищах и тоненьких конечностях едва-едва угадывалось родство с человеческой расой, но тем не менее они являлись потомками землян, развившейся от человеческого вида ветвью. Большими тёмными глазами взирали они на экран, где вращалась прекрасная бело-голубая планета, и перешёптывались благоговейно.

Первым решился возвысить голос командир Бэрк:

— Вот она, мать-Земля! И я дожил лицезреть её! — добавил он, украдкой смахивая скупую слезу.

— Отсюда пошло человечество, а сколько усилий понадобилось, чтобы найти обратный путь! — воскликнул не менее взволнованный помощник капитана. — Я словно смотрю на святыню!

— Внимание, приступим к протоколу! — распорядился командир немного спустя. — Доложите о подходящих для высадки местах.

Экипаж кинулся к своим обязанностям. После анализа карт, сверок, замеров радиации

и прочих показателей в списке возможных мест посадок осталось не так уж и много географических объектов.

Главный эколог экспедиции робко начал свой доклад:

— Под нами происходит нечто смущающее... Поверхность суши повсюду необычно сглажена и представляет собой развалины огромных соприкасающихся зданий. Моря и океаны обмелели по сравнению с древними картами. Незаметно, чтобы имелись значительные площади растительности, оператору не обнаружили крупных животных... Нет признаков индустриальной деятельности. Лишь в этом квадрате мы зарегистрировали движение... это пляж.

— Действительно странно, — задумался командир. — Десантикам надеть антигравитационные скафандры и готовиться к катапультированию!

Челнок приземлился на плоской бетонной равнине за спиной землянина по имени Драг. Он с удовольствием созерцал созданный им инструмент. Тонкая железная труба с прикреплённым к ней твёрдым камнем была способна наносить чудесные разрушительные удары. Рядом с Драгом сидел Мато. Он палил себе бороду волосок за волоском при помощи лазерного скальпеля, который время от времени совал в гнездо подзарядки атомной батарейки, довольно дряхлой и почти совсем израсходованной. Несколько женщин чуть в отдалении сшивали одежду из пластиковых мешков, которые выглядели непромокаемыми и, наверное, сослужили бы хорошую службу во время дождя.

Вдруг небольшое племя всполошилось. Слегка. Заметили неопознанный летательный аппарат. С тупым бесстрашием недалёких умов выпрямились, поджидая странных существ, выбравшихся из челнока. Драг только сжал крепче рукоять инструмента, готовясь к встрече гостей. В ответ командир Бэрк поднял руку в жесте приветствия.

— Энтот вроде чё-ть брякнул, — пробурчал Мато.

— Ага, чё-ть брякнул, — подтвердил Драг. — Кажись, «здрасте» брякнул.

— Ух ты! Говорящие!

— Привет вам от имени моего народа! — громче повторил командир. — У вас бедствие? Мы пришли помочь!

— Чего-чего? Помочь? — с трудом вспомнил забытое слово Драг. — Чего помогать?! Нам и так хорошо! — возразил наконец.

— Но вы же... мы вам... мы ваши братья, поэтому хотим помочь. Мы покинули Землю тысячи лет назад.

— Братья? — вмешался Мато. — Непохожи вы на моих родственников... О какой Земле ты тут трын-дишь?

— Об этой, — топнул ногой Бэрк, бетон загудел, командир обвёл рукой пространство, захламлённое мусором и обломками до самого горизонта. — Весь ваш мир так называется. Ваша родная планета и наша пер-вородина. Вы тут живёте... — пояснил он неуверенно, заметив непонимание на лицах местных.

Местные переглянулись.

— Что за чмо брякнул! — возмутился Мато. — А ну я щас камнем ему по башке! А? — Он повернулся к признанному лидеру маленького племени.

— Погоди-ка! — охладил его пыл Драг. — Надо сперва ему пару речей толкнуть... Эй ты, тощеногий! — обернулся вождь к пришельцу. — Я знать не знаю, о чём ты трындишь, но наш мир зовётся иначе. Всё тут — это планета Скали! Он наш бог. Мы ему преданно служим. Мы верны его заветам! А сейчас... катись и не мешай нам делом заниматься, урод!

— А чем вы занимаетесь? — удивился Бэрк.

Драг подбоченился, вспомнил заветные слова и важно изрёк:

— РАЗРУШЕНИЕМ, болван! Разрушение — верховное благо. Нам ещё много осталось доломать, что ещё стоит неразбитое, за что нас Скали вознаградит на том свете после смерти. Наши дети продолжают святое дело разрушения, пока весь мир не станет прекрасно раздолбанным! Совершенным!.. А щас... катись отседова, не мешай делом заниматься! — грозно взревел Драг, поднимая каменно-железный молот постижения совершенства во

Вселенной.

Андрей Белянин, Галина Чёрная

Валентинка от Пусика

Поверьте, у нас с мужем были большие планы на этот день. Но, проснувшись утром четырнадцатого, я поняла, что что-то не так и никуда мне ехать не хочется, более того, даже двигаться не хочется. Мне бы лучше съесть таблеточку и полежать не вставая, а лучше совсем не шевелясь, с хорошей книгой и коробкой конфет под боком. Ну, короче, девочки меня поймут...

Однако в этот момент в комнату вошёл Алекс с радостно-возбуждёнными глазами, и стало ясно, что вставать придётся, и, может, даже больше чем вставать.

— Любимая, агент 013 приглашает нас вместе отметить этот день! Только мы с тобой и он с Анхесенпой. Но ты спроси где?!

— Где? — покорно отозвалась я, глядя в потолок.

— В Дрездене!

— Ой, это неплохо, — слегка оживилась я и даже дёрнула ногой, попытавшись встать, но тут же снова навалилась апатия.

Это ж такая даль, пусть переход займёт миг, но смена климата, а в самом Дрездене, как я слышала, широкие улицы, большие расстояния, это ж столица Саксонского королевства. Была или будет. Мне было даже неинтересно, в какой век приглашает нас кот. Просто все говорят, что в Германии по-любому неплохо...

Главное, чтобы теперь моё состояние не отразилось на Алексе, он-то ничем не заслужил лишения праздника. Вечно «эти» дни приходят не вовремя...

— А котята с нами?

— Нет, их уже удалось сдать на попечение девушки Боббера, они с Анхесенпой вроде бы дружат. Хотя это ещё вопрос, кто за кем будет присматривать. Собирайся, родная...

Я потянулась к нему с благодарным поцелуем, но, вставая с кровати, неудачно наступила ему всем весом на большой палец, и мой муж полторы минуты с воплями скакал по комнате, демонстрируя поведение, недостойное такого крутого суперагента, как он. В конце концов мы замотали ему палец бинтом.

Алекс надел свой лучший костюм и был почти сногшибателен, если бы не тот факт, что на левой ноге ему пришлось оставить домашнюю тапочку, когда на правой сверкал лакированный ботинок.

Пока я натягивала первое попавшееся под руку платье (муж сказал, что мы едем в лето), в дверь церемонно постучали. Я даже удивилась, обычно этот хам вваливается без стука.

— Минуточку! — крикнула я, поправляя платье на руках и бёдрах. — Валяйте!

В комнату, взявшись за лапки, вошли Профессор и его жена. В свободной лапке кот держал два жёлтых конверта с приглашениями, а на шее у него висел стандартный переходник.

— Опоздываете, милочка, — с шутливой укоризной покачал он головой.

— А что мы забыли в Дрездене? — не выдержала я. — Чего мы вообще туда погрёмся, когда и здесь можно прекрасно отдохнуть? Поспать, например...

— Охота, — многозначительно поднял вверх коготь Пушок, нажимая на переходник.

— Кому охота, а кому и не... — начала я, беря сумку с вещами и прижимаясь к груди любимого.

Через мгновение мы были уже на месте, и я с ужасом начала понимать, что кот говорил буквально. В смысле, насчёт охоты он не соврал.

К немалому нашему с Алексом удивлению, мы очутились не в центре Дрездена, а на

небольшой поляне, судя по всему находившейся посреди густого леса в горах, у порога маленького охотничьего домика, украшенного оленьими рогами. Грело солнышко, пели птички, но лично моё романтическое настроение сразу опустилось ниже самого критического уровня...

Этот полосатый проходимец не придумал ничего умнее, как устроить в День святого Валентина настоящую охоту на невинных зверюшек?! Я была до глубины души поражена жестокостью кота. Но когда оказалось, что это идея целиком Анхесенпы, что она-то и подбила нашего «гуманиста» на такое «празднование» Дня влюблённых (а она-то уж имеет рычаги давления на него), мне оставалось только ругаться сквозь зубы.

— «Дрезден» — название этого охотничьего домика-гостиницы, — прочитала я на вывеске. — Видимо, мы где-то в лесах под настоящим Дрезденом? Ну спасибо тебе, дружок, вытащил на природу. Думаю, нас здесь ждёт прекрасный праздник со свежезажаренными трупами зайцев, препарированными перепёлками, расстрелянными в упор косулями и их безутешными детками, которые будут глядеть в окно, как мы дружно, под пиво, едим их маму...

— Деточка, сегодня ты злее, чем обычно. Нехорошо в такой день... — Агент 013 укоризненно покачал головой, моралист тут выискался.

— Это я злая? Ха! Кто тут приехал на охоту, да не один, а ещё и нас с Алексом решил настропалить на убийство в День святого Валентина? Садист!

В общем, я категорически отказалась вйти в лес с ружьём и залегла в гостиной на диване у горящего камина, попросив встретившего нас на пороге пожилого хозяина (он, похоже, тут был и за официанта, и за повара, и за всю остальную службу) принести мне кружку баварского пива и сосиску. Анхесенпа, подумав хорошенько, тоже улеглась рядом. Командор твёрдо заявил, что никуда не пойдёт, он, как и собирался, хочет провести этот день со мной. Но коту он ещё выскажет за обман...

— Но ты же добытчик! — попытался воззвать к его совести товарища по всем, даже самым бессмысленным и глупым, мужским представлениям кот. — Ты не можешь валяться на диване.

Алекс продемонстрировал ему больной палец, отмечая дальнейшие обвинения друга в трусости, и Профессор вынужденно отстал. На меня он только взглянул, как на главного заводилу крестьянского бунта, но я одним движением брови отмела все остатки пустых надежд, что пойду его сопровождать в этот злодейский поход.

— Анхесенпа, ты же сама хотела... — тонким голосом обратился он к подруге жизни, последней, кто мог ещё скрасить его нелепые блуждания по тёмному лесу.

Она лишь широко зевнула и отвернулась, устраиваясь поудобнее на диванной подушке, у меня под боком.

— Я же ради тебя... — упавшим голосом пробормотал котик, опуская усы.

Но супруга даже бровью не повела, уже намурлыки-вая нежные песенки у огня.

— Что ж, тогда я пойду один, в холодную чашу... и принесу нам ужин. Должен же тут быть хоть один мужчина?!

— Скатертью дорога.

Профессор нахлобучил зелёную баварскую шляпу с перьями фазана, надел на брюшко патронташ и выбрал самое большое ружьё, которое смог поднять.

— Все вы предатели, — резюмировал он, перебрасывая двустволку за спину и через плечо пронзая нашу компанию испепеляющим взглядом.

— Иди-иди, охотничек нашёлся, — громко напутствовала его я в обиженно напрягающую спину.

...Прошёл час или два, не помню. Мы весело провоз дили время, играя в карты и попивая глинтвейн, когда кот вернулся. Но какой! Избитый, с опущенным хвостиком, грязной шёрсткой, с ружьём, завязанным узлом, со шляпой, вывернутой наизнанку и нахлобученной ему на уши задом наперёд.

— Ты встретил банду разбойников-гарибальдийцев? Если нет, тогда кто тебя так?! — Я

вскочила с дивана, отдавив Алексу коленом живот.

Но он даже не заметил этого, тоже бросаясь к израненному другу.

— Зайцы... — ответил агент 013, без сил падая в обход нас в объятия лениво привставшей Анхесенпы.

— ?!!

— Они здесь высотой больше метра, а в прыжке и целых три! — продолжил бредить он, пока Анхесенпа, удерживая его лапами за шею, язычком приглаживала ему шерсть на голове и расправляла усы. — Их там целый косяк таких косых гигантов!

— Ну-ну... — с нескрываемым сомнением в голосе отозвалась я.

— Я так и знал, что вы не поверите!

— Точно, дружище. А ты сам-то не косой? — И я многозначительно щёлкнула себя по шее.

Кот схватился за сердце и стал симулировать инфаркт.

— Я не пьян в отличие от некоторых, — сделал вид, что пришёл в себя, парировал он, указывая на стакан глинтвейна у меня в руке. — Я бился как лев, даже как целых два льва, но на меня напали сзади ещё десять таких же ушастых великанов.

— Ты хотел сказать «ужасных»? — сочувственно уточнил Алекс.

В этот момент в комнату вошёл наш хозяин с подносом только что поджаренных сосисок.

— Нет, ушастых, потому что это были зайцы, зайцы, зайцы! — срываясь, уже почти вопил агент 013.

Анхесенпа молча дала ему оплеуху, чтобы он сидел смирно, пока она его вылизывает, и кот мгновенно успокоился (надо и мне с ним так попробовать в следующий раз, когда опять начнёт командовать или доставать меня придирками), однако тут же не удержался и заявил старику:

— Теперь понятно, почему у вас такие низкие цены. Это зайцы всех распугали.

Вот язва!

— Я, как честный немец, не верю в говорящих зайцев, — вздохнул лесничий. — Правда, с тех самых пор, как пропала моя единственная жена, я большую часть времени провожу здесь и встречаюсь только с редкими постояльцами. Скорее всего, ваши огромные зайцы — это фантазия. Хотя не знаю, о каких фантазиях речь, если я стою здесь и спорю с говорящим котом.

— Я ведь и не хотел никого убивать, только показать Анхесенпе и отпустить, — ныл Профессор. — Но этот мутант с пушистым хвостиком, похоже, решил иначе. Он просто вырвал у меня ваше ружьё, и сами видите, что с ним сделал.

Хозяин, осмотрев перекрученное оружие, с явной неохотой признал, что действительно слышал о каком-то зайце ростом с человека, но поскольку сам никогда его не видел, то слухам не верил. Мало ли что спяну привидится, а врут охотники, как рыбаки...

— Пойду сам разберусь, — начал привставать командор и взвыл, неловко ступив на больной палец.

— У тебя нога, куда ты пойдёшь хромой?! Тебе нельзя, милый! — Я кинулась его удерживать, потому что он уже начал напяливать мигом принесённые котиком болотные сапоги.

— И что теперь, что хромой? — так сердито отозвался он, что я тут **Же** вскинулась:

— Ну и иди, пожалуйста!

— И пойду! — проворчал в ответ Алекс.

— Нет, я сама пойду!

— Кто это тут пойдёт? Ты с ума сошла! В незнакомый лес, одна, без меня? — поднял бровь мой муж, сразу сменив тон.

— Ну и что? Не пропаду, — почти ликующе возразила я, потому что уела.

— Значит, ты решила? Ну хорошо, иди.

— И пойду!

Я быстро переоделась, взяла ружьё, взвесила, плюнула, оставила его у дверей и, сжав кулаки, отправилась разбираться с зайцами так — один на один. Неужели я с этой длинноухой мелочью голыми руками не справлюсь? Благо опыт драк с котиком у меня есть, а коты и зайцы почти одного размера.

В лес вела одна-единственная тропинка, кое-где даже были видны следы шедшего с тяжёлой двустволкой Профессора. Чем дальше я продвигалась в глубь чаши, тем более авантюрной представлялась мне моя затея. Всё, что нам наплел Мурзик, вполне может оказаться правдой, он без выгоды врать не станет, да и взятое напрокат ружьё узлом связать не в состоянии...

Значит, есть кто-то способный на такое? Кто-то большой, сильный, страшный, но очень смешной, потому что иначе агент 013 просто вызвал бы наших специалистов с Базы и обезвредил монстра. А тут он темнит. Может быть, чувствует, что сам виноват? Но отмазку придумал, мягко говоря, несерьёзную — подумаешь, пошёл в лес, там на него напали агрессивные зайцы, и он позволил каким-то лопоухим нахамам такое с собой сотворить. Тогда и ушлые же зверюшки развелись в этом лесу, мрачно думала я, бредя по осыпавшейся хвое.

Походив кругами по лесу, стараясь не углубляться слишком уж далеко, я неожиданно увидела на косогоре большую зайчиху ростом почти с меня! Почему не зайца? Элементарно — у неё были рябиновые бусы и длиннющие загнутые ресницы. Она сидела на пенёчке, скрестив лапки на груди, и пристально смотрела на меня ясными человеческими глазами. Я мысленно попросила прощения у Профессора за все сегодняшние издевательства и недоверие. Теперь-то я точно знала, что он не врал. Такая легко завяжет узлом любое ружьё и даже скатает в колобок небольшую мортиру.

Я тут же приготовилась к недолгой обороне, спрятавшись за дерево в надежде, что она меня не видела, хотя надежды этой было с муравьиную головку. Зайчиха шутливо погрозила мне пальчиком и громко забарабанила лапами по березовому пенёчку. Мне ничего не оставалось, кроме как, вздохнув, выйти из укрытия. Но если кто-то думает, что я вышла с поднятыми руками, сдаваться, то он глубоко ошибается!

— Эй! Это ведь вы напали на нашего кота и испортили взятое им напрокат имущество, то есть ружьё?! А нам теперь придётся за него платить, — решительно начала я, хотя надеялась, что платить не придётся. Это не в нашем лесу такие зайцы, и, скорее, лесник нам должен компенсацию за то, что не предупредил, а База из-за этого едва не потеряла ценного сотрудника. И не наши проблемы, что дяденька не любит верить слухам...

Но ответ зайчихи на нормальном человеческом языке был для меня полным шоком:

— Я поступаю так со всеми охотниками! — Она гордо вскинула отсутствующий подбородок и упёрла в бока лапы тридцать пятого размера. — Он хотел убить невинных зверей, которые ещё никому и ничему не причинили вреда... кроме заячьей капусты.

— Да бросьте, это была всего лишь шутка. Наш кот с расстояния двух шагов и в дерево не попадёт. А в ближнем бою он способен застрелить разве что собственный хвост... А вообще, мы приехали только отдохнуть. Чудный охотничий домик, милый хозяин, вкусные сосиски...

— Вам понравился наш домик и хозяин? Он всё ещё такой же милиц? — неожиданно смахнула слезу зайчиха.

— В смысле, лесничий? Да. А вы его знаете? — удивилась я, ведь сам-то он отрицал их знакомство. Похоже, в этом лесу просто никому нельзя верить.

— Я его жена, — печально призналась зайчиха. Вэк?! Я пошатнулась и упала бы, если бы меня предупредительно не поддержало дерево.

— Мужа не было дома, когда к нам забрела какая-то странная старушка, — начала она свой рассказ, после того как сказала, что зовут её Анхен и что родилась она в небогатой семье нефтепромышленника. — Я гостеприимно дала ей пива и три мюнхенские сосиски. А она ещё захотела денег на дорогу. Мы, немки, экономные и не раздаём денег пришлым старушкам без разрешения мужа. Тогда она щёлкнула меня по носу...

— Какая наглость! — не удержавшись, ахнула я.

— Вот именно. Но через десять минут после её ухода, случайно проходя мимо зеркала, я вздрогнула — на меня смотрела ушастая физиономия большого зайца. Целый час я билась в истерике, сильно плакала и пыталась оторвать эти противные длинные уши! А потом убежала через кухонную дверь в лес, услышав, как муж входит в переднюю и зовёт меня. «Обед готов, зайка моя?» — вот его последние слова, которые я слышала, и не было дня, чтобы я их не вспомнила. «Зайка моя», так он меня называл, когда хотел есть.

— Он ведь и не женился больше, если вы не в курсе, — почему-то вспомнилось мне.

— Правда?! — неожиданно встрепенулась она, но тут же снова сникла. — Хотя какое это теперь имеет значение...

— Большое. Если он вас любит до сих пор, то есть такое вполне возможно, а я в этом просто уверена, тогда почему бы вам не вернуться? Один поцелуй верного супруга может вас расколдовать! Поверьте моему профессиональному опыту, я тоже многое пережила и чуть не стала монстром. Короче, э-э-э... Вовремя полученный поцелуй способен обеспечить вам совместное счастье от самого момента чмоканья в губки до «и умерли они в один день, очень довольные друг другом».

— Право, даже не знаю... Если бы он сам...

— Да бросьте, чем вы рискуете? А на мужчин в таких вопросах никогда нельзя положиться, их вечно надо подталкивать!

— Ты так убедительна, — наконец-то улыбнулась она. — Хорошо, мы вернёмся туда вместе. Я... попробую.

Вот сейчас мне нравилась её решительность. Пусть лучше со всем пылом возвращается к старому супругу, чем шлёпает нашего кота. Всю обратную дорогу мы прошли вприпрыжку. Но уже на полпути навстречу нам показался хромающий Алекс. При виде нашей парочки он споткнулся и вскинул ружьё, но я поспешила помахать белым платочком и успокоить:

— Не волнуйся, дорогой, это Анхен, заколдованная жена нашего лесничего, — Я подвела к нему зайчиху, показывая, что она не опасна и мы с ней даже вполне подружились.

— Что ж, польщён знакомством, фрау... — это всё, что смог вымолвить командор.

Через полчаса нас встретил кот, высунувший в окно стволы четырёх охотничьих ружей и кричавший, что живым он не сдаётся! Ещё полчаса понадобились на то, чтобы объяснить всё начавшему от испуга заикаться хозяину, и только после всей этой суматохи мы приступили к эксперименту. Вообще-то лесник очень обрадовался новому обретению казавшейся давно потерянной жены и изъявил полную готовность сделать всё, что понадобится, лишь бы вернуть истинный облик своей любимой Анхен. Но всё-таки от стресса его отпаивали «егермейстером» минут десять...

— Я узнал тебя по глазам, счастье моё! — плакал он и пил не закусывая.

Заботливая зайчиха вытирала ему слёзы поданным передничком. Мы тоже едва не ревели от их немецкой сентиментальности. Но котик настоял на эксперименте, и мне пришлось напомнить леснику, что пора целоваться. Он благодарно поцеловал мне ручку...

— Э-э-э, не со мной. — Я деликатно развернула его к ушастой супружнице.

Хозяин обнял её за пушистые плечи и нежно расцеловал в раздвоенную заячью губку. Мы замерли...

— Ничего не происходит? — удивился лесник, но продолжил.

Второй поцелуй тоже прошёл вхолостую. Третий — и снова никакого результата. Блин, неужели я где-то просчиталась? Ведь во всех сказках говорится, что это проверенный рецепт для снятия колдовских чар. Ничего не понимаю...

— Да ведь они, кажется, вошли во вкус. Им и так хорошо, — завистливо произнёс кот, и Анхесенпа развернула его к себе с явным раздражением.

— Всё равно надо будет вернуться на пятнадцать лет назад и поговорить с одной милой старой дамой о том, как нехорошо превращать хозяйственных жён немецких лесников в зайчих, — значимо сказал Алекс.

Хозяин с новообретённой женой извинились и ушли наверх. Я наконец-то могла поудобнее улечься на диване и потягивать подогретый глинтвейн. Мой любимый устроился рядом. Кошачья парочка мурлыкала у огня о чём-то своём. Кажется, День всех влюблённых всё-таки удался...

На прощание нас попросили считать себя друзьями дома, а с меня зайчиха лично взяла обещание навестить их в ближайшее время. Коту она все ещё не доверяла, хотя было видно, что ушастая красавица сейчас настолько счастлива, что готова полюбить даже того, кто выходил с ружьём на её пушистых соседей. Которых она честно взяла под опеку почти сразу после вынужденного переселения в лес и всё это время использовала для излияния нереализованной женской заботы и нежности. Женщины все одинаковы...

...Однако прошло два месяца, прежде чем выпала возможность слетать к ним в гости. Мне было жутко любопытно проверить, возможно ли долговременное счастье у таких разных супругов. Но их сияющие любовью глаза сказали мне всё лучше любых слов. Они действительно до сих пор не прекращали радоваться обретению друг друга...

— С ней спать тепло и пушисто, — улыбался пожилой лесничий, обнимая мягкую жену.

— А я, пока заколдована, медленнее старею, — говорила она, целуя мужа в лысеющую макушку.

— И скачет по дому так быстро и всё успевает, — продолжил её супруг, прижимаясь щекой к её пушистой грудке.

— Только к шитью и вязанию у меня лапы не приспособлены, зато барабанить умею лучше любого сельского барабанщика.

— И уже выступает с огромным успехом на деревенских свадьбах, зайка моя!

По нашему с Алексом сигналу котик выступил вперёд, поклонился и подал большой морковный торт от Синелицево, В знак примирения и извинения...

— Это вашим зайцам, передайте им, пусть не обижаются на ту давнюю историю... — вежливо попросил он.

Хозяйка дома удовлетворённо повела ушками и, улыбнувшись мужу, ласково почесала агента 013 за ухом. Профессор не удержался и замурлыкал. И мы все хором замурлыкали вместе с ним, а потом долго смеялись, глядя на его смущённую физиономию...

Профессор против Хоргвартса

— Выходит новый фильм, по седьмой книге о Гарри Поттере! — нараспев кричала я, кружась по коридору. — Хочу, хочу, хочу! Я так его люблю, так понимаю! Такая чудная вещь, такие чудные герои, такая чудная история...

Кот презрительно фыркнул и попробовал уйти за угол, но я поймала его за хвост и потребовала объяснений.

— Ну раз ты настаиваешь, милочка... Итак, твой Гарри всего лишь заурядный мелкий волшебник, не обладающий никакими талантами, кроме заступничества мамочки и странной любви всего педагогического состава. К тому же закомплексованный, самовлюблённый, регулярно зацикленный на...

— Он не такой! — возмутилась я, — Он всегда готов жертвовать собой, это главное в Гарри, так даже дьякон Кураев говорил! Этим он похож на Христа...

— Не богохульствуй, мусульманка! — строго напомнил Профессор.

Я прикусила язычок, но не сдалась, это не в моих правилах, даже если неправа. Но сейчас-то я права, правда?!

— Этот роман выдуман от начала до конца, волшебники вовсе не хорошие и милые, дети не должны учиться в школах с риском для жизни, а деление на хороших, злых, умных и туповатых выпускников — просто безнравственно!

— Почему?! Четыре факультета выпускают самых разных волшебников, в зависимости от их природных склонностей. Их же шляпа определяет! Всё честно, без блата и подтасовок.

— Шляпа!.. — с болью в голосе патетично воскликнул кот. — Нет, вы слышали, а?! Какая-то драная говорящая шляпа определяет будущее ребёнка — ты будешь злым волшебником, ты добрым, ты толстым... Подумать только, выпускаем по двадцать злых волшебников каждый год! Готовим их, учим, вооружаем полезными знаниями — и в мир! А нам потом их ловить и сажать...

— Ну... э-э-э... взк, — вынужденно признала я. Опыт борьбы со злыми волшебниками у нас действительно был.

— Да эту лавочку в Хогвартсе давно пора прикрыть, как рассадник международного терроризма! А их выпускнику Волан-де-Морту присвоить почётное звание Гитлера и бен Ладена! Я ими займусь... я лично ими займусь... Ох как меня достало это повальное умиление маленькими добренькими волшебниками в очках!

— Не тронь Гарри! — Я раскинула руки крестом. — Но на Слизерин я с тобой пойду, наведём там шороху, эти змеи мне никогда не нравились.

— Мы сделаем тоньше, рыбка моя... — многозначительно подмигнул агент 013, подавая мне лапу дружбы.

Военный союз был заключён, оставалось привлечь тяжёлую пехоту, то есть Алекса. Не думаю, что он будет против, хотя...

В общем, честно говоря, я быстро успела позабыть об этом разговоре, но через два дня кот назначил нам встречу в сукулентной части оранжереи, договорившись с садовником-шурале, что тот постоит на стрёме.

— Операция будет называться «Сокращение поголовья волшебников», — патетично начал Профессор, знаком призывая нас к молчанию. — Я ещё раз проштудировал все романы о Гарри Поттере и должен с прискорбием признать, что эта книга фальшивка и обман! Вы только представьте, они выпускают примерно пятьдесят волшебников каждый год. Куда? Куда и для чего, я вас спрашиваю, друзья мои. Двадцать пять процентов просто тюфяки, пятьдесят туда-сюда добренькие волшебники, но оставшиеся двадцать пять — злобные маньяки. К тому же обладающие нехилыми магическими знаниями! А книга врёт подрастающему поколению о том, что все они милашки, все имеют право на жизнь, даже те, кто презрительно называет нас — маглами!

Пылкая речь кота неоднократно прерывалась нашими сдержанными аплодисментами. К тому, что он, как домашнее животное, по-любому не магл, я не стала цепляться из деликатности...

— Так что пора нам слетать в Хогвартс, дорогие мои, и расставить там всё по местам. В конце концов, мы с вами имеем право на превентивные меры самозащиты. Проще сразу не дать ребёнку стать злым волшебником, чем потом мучиться, отстреливая его серебряной стрелой из оптического арбалета с прицелом ночного видения.

— Ура! Мы увидим Гарри Поттера! Мы увидим Гарри Поттера!

В умилении я запрыгала на одной ножке, хлопая в ладоши, как школьница. Кот некоторое время понаблюдав за мной и холодно осадил:

— Никого ты не увидишь, дорогуша. Он давно выпу-стил-ся, женился на зачуханной волшебнице, родившей ему троих детей и быстро ставшей толстой, рыхлой матроной. С тех пор как они промотали всё состояние его родителей, твой Гарри обеспечивает семью, подворовывая в супермаркетах и подделывая чеки.

— Ты что?! Он же герой и добрый волшебник!

— Даже героям и добрым волшебникам надо что-то есть. В этом Хогвартсе никого не учат работать, только колдовать. А за фокусы с левитацией пера платят только в цирке.

— Если он добрый волшебник, то может жить честно, — вступился за меня муж, книгу и близко не читавший.

Поэтому Пусик не удостоил его даже ответом, лишь насмешливо покривил губки, продолжив:

— Итак, почему нам просто необходимо заглянуть в это, с позволения сказать, учебное заведение с ревизией? Причин несколько. Ежегодно Хогвартс объявляет набор на факультет

злых волшебников в Слизерин. Педагоги являют собой редкостный образец необязательности и игнорирования элементарных норм гигиены. Техника безопасности не соблюдается нигде и никем. Единственный вечно занятый сотрудник — это врач, мадам Помфри. Финансовое состояние данного заведения плачевно. Контроль за учащимися силами одного тяжко ушибленного на голову старца, садиста-маньяка с вшивой кошкой, явно недостаточен. Мне продолжать?

— Продолжайте, профессор, — переглянувшись, кивнули мы. Ну интересно же...

— Так вот, правомочность существования самих школ магии, как таковых, всегда вызвала у меня серьёзные сомнения этического плана. Не мне объяснять вам, что любое волшебство есть насилие над природой. Яды, зелья, превращения одного предмета в другой, одушевлённого в неодушевлённое и наоборот, с самыми «добрыми» намерениями — что может быть фальшивее и двусмысленнее?

— погоди, а как же мадам Помфри, которая чудесным образом сращивала кости пострадавших учеников?

— А вспомни, милочка, где эти дети получили переломы? — победно хмыкнул кот. — Их покалечили свои же товарищи в ходе магических упражнений. А могли и вообще убить! И убивали, кстати... Уровень смертности и увечий в Хогвартсе перехлестывает все мыслимые нормы! Ты бы хотела, чтобы твой ребёнок получал образование в такой мясорубке? Я уж не говорю о постоянно вспыхивающих войнах волшебников... Эти типы с неуравновешенной психикой просто не могут вести разговор в цивилизованной манере, так и норовят схватиться за палочку и первым превратить оппонента в крысу!

— А как же мудрый Дамблдор, справедливая мисс МакГонагалл и все прочие? Там были очень приятные люди...

— Не люди, а волшебники. Я тебе кое-что о них расскажу. Профессор МакГонагалл в своём излюбленном образе кошки по сей день уходит в весенние загулы на крыше, убеждённая, что там её никто не знает, и более отвязной самки я в жизни не встречал.

— Откуда тебе это известно? — вспыхнула я.

— Оттуда, что я чаще тебя бываю на крышах. Профессор Снег страдает таким количеством неврозов и комплексов, что является бесценным ходячим пособием для любой психиатрической клиники. Папа Рона, работающий в министерстве, просто тихий шизоид, искренне не понимающий, зачем людям нужны калоши, и выбивающий на это суперважное исследование немалые фонды! Все врут, что не пользуются человеческими изобретениями, но ездят на поездах, плывут в лодках, едят ложками, кутаются в шарфы, зажигают свечи, спят на кроватях и ходят на нормальный финский унитаз!

— Хм... ну раз они такие, — задумчиво признал командор, — то я, пожалуй, присоединяюсь к вашей аванюре. Волшебников пора поставить на место.

— Про Дамблдора вообще молчу, — значимо намекнул агент 013.

— Вот и молчи, — перебила я. После откровений Джоан Роулинг эта тема действительно стала несколько скользкой...

— Престарелый гей-самоубийца, парализованный на правую руку, с тараканами в голове, лишённый судами трёх стран права преподавания невинным малолетним детишкам! — безжалостно продолжил кот.

Я швырнула в него косметичкой, но этот эгоист увернулся. Нас разнял Алекс, когда я уже почти повалила хвостатого негодяя на пол и замахивалась добить сверху тяжёлым томом «Ордена Феникса».

— Значит, мы всей командой идём на Хогвартс — спасать детей!

Привычка Мурзика вмешиваться не в своё дело неискоренима, но иногда приносит пользу обществу. По крайней мере сейчас, по зрелом размышлении, мы были вынуждены признать его правоту. Хоть кто-то должен помешать этой школе магии и волшебства продолжать поставку в мир злых волшебников. Так почему не мы?

Шеф на такую авантюру, разумеется, разрешения бы не дал, но с его секретаршей я всегда могла договориться. Нам задним числом выписали «учебную командировку» на сутки

с целью «обмена опытом с передовыми специалистами магической школы Хогвартс». Никакие исторические костюмы для этого не требовались, можно было ехать по гражданке.

Пока Алекс с котиком подбирали себе снаряжение, я затарилась надёжным фотоаппаратом, приняла на руки три официальных приглашения и предупредила Руди-ка, что пропущу тренировку по восточным танцам. Переходник в доли секунды доставил нас на место: согласно хитрому плану, утверждённому агентом 013, мы прибыли ровно за полчаса до распределения новичков по факультетам.

Главное здание Хогвартса поражало обветшалостью, фасад явно нуждался в капитальном ремонте, но волшебники зарабатывать не умели, предпочитая шиковать на спонсорскую помощь богатеньких родителей. Те присылали им необходимые заклинания и заговоры, но всё равно ни одно волшебство не заменяло профессионально наложенной штукатурки, хорошо покрашенных стен и мастерски наклеенных обоев...

— С кем имею честь, господа? — церемонно поклонился нам неряшливый бородатый гигант, распахивая облупленную дверь.

— Мы по приглашению, дружочек, — важно ответил Профессор, проталкивая меня с мужем вперёд.

— Говорящий кот?!

— Ничего подобного, я великий волшебник! — презрительно фыркнул наш нахал. — Просто предпочитаю кошачий облик для общения с вашей мисс МакГонагалл. Она как никто ценит мягкую шёрстку и упругость мышц... если ты понимаешь, о чём я.

Хагрид покраснел, кивнул, потом, наоборот, отрицательно замотал головой и безропотно пропустил всю нашу банду.

— Наивен до неприличия, — сочувственно вздохнул кот. — Ну что, ребята, за дело! Алиночка, ты ведь вроде читала книгу, где в этом бардаке искать зал для отбора претендентов?

— По главной лестнице, налево, два перехода и... — Я осеклась.

Лестницы действительно двигались в тупом автономном режиме. Как попасть в нужное место, совершенно непонятно! Мы потратили добрых пятнадцать минут, прыгая со ступеньки на ступеньку, с пролёта на пролёт, повисая на балконах и цепляясь за карнизы, в ожидании нужной лестницы, как подхода электрички. И не мы одни!

Бедные ребятишки сыпались с них как горох, набивая шишки, плача и сдержанно ругаясь по-английски. Двух подростков куда-то скорбно унесли на носилках, думаю, сегодня местный врач без работы не останется. Алекс не выдержал первым:

— Дайте сюда директора, я ему морду набью! Я ему... Милая, ты куда?!

— Не знаю, любимый, — призналась я, отъезжая на подвернувшейся лестнице. — Надеюсь, не в мальчиковые комнаты старшекурсников. Хотя-а...

— Движемся как можем! — гнусаво выкрикнул кот. — Общий сбор в главном зале через пять минут. Только бы эта техника не закинула меня к трёхголовому щенку Хагрида, а то я за себя не отвечаю!

Как мы добирались, кто бы знал... В конце концов с толпой малолетних претендентов на фирменные шарфики четырёх факультетов я выбралась в довольно просторную комнату с портретами всяких именитых магов на стенах, охотничьими трофеями и висящими под потолком свечами. Последнее было особенно неприятно... Нет, зажигать свечи и заставлять их висеть в воздухе волшебники умели отлично, а вот куда капал горячий воск, догадались? Когда первая случайная капля угодила мне прямо за шиворот, я выругалась так, что все пригнулись...

— Всё, дети, не бойтесь, тётя больше не будет, тётя добрая! — прорычала я, успокаивая одним подзатыльником особо впечатлительных и отвешивая пару хихикнувшим, особо наглым.

Краем глаза успела заметить, как в противоположной стороне залы приоткрылась дверца обширного шкафа и мелькнул полосатый кошачий хвост. Значит, наши на месте...

— Дамблдор Третий! Директор! — зашептались все, толкаясь и топоча.

На небольшую трибунку вышел пожилой волшебник, почти зеркальная копия давно почившего в бозе наставника. Судя по всему, особого значения именам здесь не придавали и всех новых директоров чохом обозначали Дамблдорами. Он и произнёс коротенькую вступительную речь:

— Друзья мои! Вот вы и в Хогвартсе, который на ближайшие семь лет станет вашим домом. А некоторые, особо невезучие, останутся здесь навсегда. Ха-ха, шутка! Так или иначе, вы всё равно его покинете. Кто раньше, кто позже, кто своими ногами, кто...

Специфический юмор волшебников оставлял желать лучшего. Лично мне не было смешно ни капли, я уже понимала, что бедные дети и вправду серьёзно рискуют, оставаясь в этом учебном заведении. Кот был прав...

— Итак, приступим к распределению. Внесите шляпу!

Четверо старшекурсников, дёрганных и зашуганных до не могу, осторожно вынесли на руках здоровущую коричневую шляпу с острым коническим верхом и потрёпанными полями, свисающими как нестираная пачка провинциальной балерины. Запах нафталина заставил многих зажать носы...

— А сейчас наша давняя хогwartовская традиция — определение на факультет согласно наклонностям и перспективам! Давайте первого. Не хнычь, малыш, а то отправим в Тайную комнату...

Те же старшекурсники скрутили ближайшего ребятёнка и, силой усадив его на высокий табурет, подняли над несчастным хищно осклабившуюся шляпу. Я пожалела, что не захватила бластер... Где же наши, чего медлят?!

— Ну-с, посмотрим... кто у нас тут? Ага, и куда же нам тебя направи-и-и...

Командор мгновенно распахнул шкаф, взмахнул спиннингом и, подцепив шляпу, сдернул её с головы невинного мальчика. С негодующим воплем шляпа исчезла за дверцей шкафа. Все недоумённо замерли. Похоже, раньше шляпа так себя не вела... В ту же минуту из шкафа вышел агент 013.

— Я перевоплотилась, поняли? Тьфу, в смысле перевоплотился. Шляпа — это я, превратился в кота. С нами, с волшебными шляпами, такое время от времени происходит. Уж извините.

Уф, бред полнейший... Хорошо, что в зале не оказалось той самой мисс МакГонагалл: если она и вправду была весенней подружкой нашего Профессора, то раскусила бы его на месте.

— Ну что встали-то? Будем продолжать мероприятие или уже нет?! Быстренько сажайте меня на голову вон того, щекастого, с мокрым носом... Я его сейчас при всех определять буду.

У магов во все времена было туго с логикой, я бы на такое и в пятилетнем возрасте не купилась, но волшебники, у которых даже сотрудники министерства не знают, для чего нужны калоши, скушали эту фигню не поперхнувшись.

Я вела общую фотосессию, Профессор вещал, Алекс так и оставался на связи в шкафу. Зажав рот шляпе, он тихо диктовал нужную информацию через передатчик на ухо коту. Шляпа за столько лег настропалилась и на расстоянии определять, кто кем будет.

— Шльижеин, — пытаюсь вырваться, объявляла она.

— Приём-приём, напарник, под тобой злой волшебник, — передавал командор, мой передатчик в ухе фиксировал и это.

Кот надувался от важности и орал:

— Гнать его в шею, бездарность полная!

— Но у него в роду шесть поколений волшебников, — робко вякнул кто-то из преподавателей. Наверное, ему взятку дали...

— Сочувствую его родителям, но помочь ничем не могу, на детях гениев природа отдыхает, — язвительно бросил Профессор. — Сажайте меня на голову следующего. Да поаккуратней, остолопы, я кот, а не кошка... Этого... этого... куда бы его засунуть... в Гриффиндор! А вот этого тощенького... Да не сажайте меня на него, сломаете парня! Домой

иди, понял? Следующий! Куда хочешь, в Слизерин? А в... не хочешь?! Гнать и этого! Гнать, я говорю! А ты чего плачешь? В Когтевран хочешь? Да запросто! Кто тут ещё в Когтевран, вы двое? Идите, я на вас посижу. Можно! А это кто у нас? Ещё один в Слизерин... Ну не везёт на этот раз факультету, ни одного достойного претендента. Нет! Нет, я тебе сказал! Фигу тебе, а не Слизерин! И руки убери... А ну быстренько оттащите от меня этого агрессивного... В Слизерин ему... И поговори мне тут! Жаловаться он ещё будет... в Министерство Магии... слова-то откуда такие знаешь, а? Следующий!

Я тихо гордилась ребятами, работа по сокращению поголовья волшебников шла полным ходом. К немалому удивлению педагогов, учеников и новоприбывших, на «злых магов» был явный недобор. Всех, в ком кот (и шляпа!) были хоть как-то уверены, распределили по другим факультетам, но дети, действительно достойные Слизерина, вылетали из учебного заведения как пробки!

— Полный Пуффендуй, — утомлённо высказался кот, которого сажали на голову уже двадцать четвёртого мальчика, — Сколько их у вас тут осталось? Всю попу отсидел...

На Базу мы вернулись усталые, но довольные. Гарантированно — один выпуск будет без злых волшебников. И хотя от моего мужа потом два дня пахло нафталином, а Профессор даже ел лёжа, мы внесли свою посильную лепту в сохранение детям детства. Теперь им не надо думать о том, как захватить власть над миром, а можно просто поиграть на свежем воздухе...

И, кстати, шляпа нас не сдала. Даже наоборот, попросила у Алекса телефончик. Мой догадливый супруг умудрился намекнуть ей на старый красный шотландский колпак нашего шефа. Придётся знакомить, кот обещал побыть Купидоном...